

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ГОРОД : НЕМЕРТВЫЕ

АННА СЕЙД

Анна Сейд

Город: Немертвые

«Автор»

2025

Сейд А.

Город: Немертвые / А. Сейд — «Автор», 2025

Нам всем знакомы истории о людях, заплутавших между миром живых и мертвых, и о том, как они ищут путь домой. Прорываясь сквозь орды монстров или даже заключая с ними сделки. Но что, если взглянуть на происходящее глазами тех, кто называет эти жуткие улицы своим домом? Чужаки не приходят в Город — они в нем появляются. И порой ответ на вопрос о том, кто же здесь настоящий монстр, становится совсем не очевидным...

© Сейд А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Чужак	5
Глава 2. Отель	12
Глава 3. Эрик Сай	21
Глава 4. Цирк	29
Глава 5. Поющие мальчики	36
Глава 6. Девушка в бордовом пиджаке	44
Глава 7. Откуда берутся призраки?	51
Глава 8. Питер и Венди	58
Глава 9. Тень	67
Глава 10. Классная комната № 304	76
Глава 11. Скажи это сам	84
Глава 12. Волчья яма	94
Глава 13. Шоу должно продолжаться	101
Глава 14. Запах мыльных пузырей	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Анна Сейд

Город: Немертвые

Глава 1. Чужак

О том, что в Городе появился чужак, первыми, как обычно, узнали птицы.

Чужаки всегда *появлялись*. Не приходили, не приезжали и не прилетали на чартерных рейсах. Просто появлялись то там, то здесь, и почему-то именно птицы чувствовали их лучше всего. Так что если где-то над крышами кружила черная стая, причина у этого могла быть только одна.

В появлении чужаков не было никакой системы. Раньше бывало, что Город принимал их одного за другим, но в последние годы нередко целые недели, а иногда и месяцы проходили в долгой настороженной тишине. И Немо всем сердцем ненавидел эти затянувшиеся паузы, потому что понятия не имел, чем себя занять. От скуки он порой даже навещал и освежал в памяти старые истории, оставшиеся в плохо запертых номерах Отеля, пусть даже приевшиеся сюжеты уже давно ничего не трогали в его душе. Управляющий не любил, что посторонние совали нос в его дела, но ровным счетом ничего не мог с этим поделать: Немо всегда оказывался там, где хотел. Особенно если его там совсем не ждали.

– Восточная окраина, – коротко произнес Аполло, не отрывая сосредоточенного взгляда от механизма карманных часов, над которыми работал в тот момент.

– Как будто могло быть по-другому, – пожал плечами Немо, прикрыв глаза, и широко раздул ноздри, как хищник, почуявший в воздухе запах крови.

– Сколько времени прошло после предыдущего? Полгода ведь, не меньше? Сейчас, наверное, все сбегутся на него посмотреть.

– Ну так само собой. А тебе разве не любопытно взглянуть?

Парень обернулся к хозяину лавки, вопросительно изогнув бровь. Тот же, не торопясь отвечать, закрутил последний крошечный винтик в поблескивающих золотом внутренностях часов, после чего аккуратно закрыл крышку и снял с головы окуляры. Их неохотно сползшие кожаные ремешки оставили на коже красные отметины и взъерошили выходящие темные волосы мужчины, ореолом окружившие строгое лицо.

Аполло нисколько не изменился с их первой встречи – по-прежнему выглядел как вчерашний выпускник элитного университета, пока еще не решивший, продолжит ли он многомиллионный бизнес своего отца или поедет в кругосветное путешествие на личной яхте. Вечно одетый с иголки, отутюженный и прилизанный, он вызывал в Немо смутное чувство, граничащее с дискомфортом.

Но, увы, обилием вменяемых собеседников, владеющих членораздельной речью, Город не баловал. Так что в этом смысле небольшой дискомфорт был далеко не худшим вариантом.

– Мне нет резона торопить события, – наконец сказал хозяин лавки и пригласил встретившихся пряди. – Когда им понадобятся ключи, они придут ко мне сами. Как и всегда.

– А вот лично я люблю самое начало, – заметил Немо. – Когда они еще не понимают, где оказались и по каким правилам тут все работает. Если подцепить их именно в этот момент, можно... здорово повеселиться. – Тут он коротко ухмыльнулся, выразительно двинув бровями.

По лицу Аполло, казавшемуся почти фарфоровым в этом освещении, тенью метнулось неодобрение, не укрывшееся от цепкого взгляда его собеседника.

– Думаю, бесполезно говорить тебе, чтобы ты не вмешивался хотя бы на этот раз? – сдержанно, но без особой надежды в голосе уточнил ключник.

– Мы все изголодались за полгода, – развел руками тот. – Но я, так и быть, постараюсь быть нежным с папочкиной новой игрушкой, чтобы не сломать ее сразу.

Никак не прокомментировав это сомнительное обещание, Аполло поместил карманные часы внутрь деревянной шкатулки и закрепил их там на бархатном ложементе, чтобы они не болтались при переноске. После чего снова поднял взгляд на Немо:

– В любом случае, раз уж ты здесь, не сделаешь ли мне одолжение?

– Тебе? – тут же поймал его на слове он. – Или Городу?

– Это уже нюансы семантики, – отозвался ключник, опустив крышку шкатулки. Та встала на место с приятным металлическим шелчком. – Доставь ее в 1224-й номер, пожалуйста, – и он протянул изящный деревянный ящичек Немо.

Первой естественной реакцией того было заявить, что в курьеры он не нанимался и пусть Аполло ищет себе другого мальчика на побегушках. Но следом мелькнула и другая мысль: раз речь шла об Отеле, значит, часы предназначались для чужака. И получалось, что...

– Выходит, ты еще с ночи знал о том, что мы ждем гостей, – досадливо проворчал Немо, но все же взял в руки шкатулку. – И не удосужился сообщить мне об этом, пока мы мило болтали о перестановке в твоей лавке и обвалившемся здании на Пятой улице.

– С какой стати я должен был тебе что-то говорить? – как будто даже удивился Аполло, наблюдая за тем, как парень без особого пиетета запикивает доверенную ему ценную вещь в свою сумку.

– И действительно, – закатил глаза тот. – А с этой штукой чего? Разве Город обычно не сам... расставляет все положенные декорации?

– Некоторые вещи слишком деликатны, чтобы пустить все на самотек, – пожал плечами ключник, поднимаясь из-за стола и небрежно стряхивая какую-то едва заметную пылинку со своего жемчужно-серого атласного жилета. – Думаю, Он хотел быть уверен, что все будет исполнено в лучшем виде. Это важно.

– И поэтому ты доверил ее мне? – многозначительно поднял брови Немо. – Не чуешь... некоторой логической несостыковки?

– Нет, – ничуть не смутился Аполло. – Тебе полезно иногда вспоминать о том, что ты один из нас. И вносишь в происходящее не только хаос, но и свою полезную лепту.

– Полезную Большому Папочке, ты имел в виду? – парень не сдержал сарказма.

– Как и все мы, – подтвердил ключник и отвернулся к стеллажам, давая понять, что разговор окончен.

И хотя у Немо на языке вертелся еще с десятков едких комментариев по этому поводу, он предпочел оставить их при себе. С Аполло следовало быть осторожным. Тот мог сколько угодно притворяться таким же, как все остальные обитатели Города, да вот только не нужно было обладать лисьими инстинктами, чтобы почуять здесь запах откровенной лажи. В конце концов, ключник был единственным, кто за пределами Отеля носил начищенные ботинки и не опасался задерживаться на улицах после заката. А еще всегда знал больше, чем остальные, и не нуждался в посредниках и подсказках, которые бы говорили ему, что следует делать. Словно вышколенный секретарь большого начальства, который за долгие годы службы привык угадывать пожелания шефа даже не по словам, а по мимике и интонации.

Что ж, наверное, даже Божества имели привычку заводить себе любимчиков.

– Как дела у Шайни?

Вопрос остановил Немо буквально на пороге, мгновенно выбив все предыдущие мысли из головы и заставив напрячься. Парень обернулся через плечо и, смерив мгновенно вспыхнувшим взглядом все такую же ровную спину Аполло, хмуро уточнил:

– А какое тебе дело до моей сестры?

– Никакого, – усмехнулся тот, и впервые за все время их разговора в его голосе прорезались неподдельные эмоции. Эмоции, которые Немо совсем не понравились. – Простая вежливость.

– Ну раз никакого, то и не суй свой нос, куда не следует, – огрызнулся тот, даже не пытаясь сгладить полыхнувшую в голосе агрессию.

– Кто бы говорил, – коротко хмыкнул Аполло, чуть склонив голову, и Немо был почти уверен, что стоящий к нему спиной ключник улыбается. Это осознание наждачкой проехало по коже, заставив до побелевших костяшек сжать ремешок сумки, наискосок пересекающий его грудь.

Самодовольный хлыщ планировал это с самого начала – пройти по больному в последний момент, небрежно и мимоходом, но отлично осознавая, что он делает и для чего.

– Я вот даже умудрился подзабыть, чем же ты меня так бесишь, но спасибо, что напомнил, – бросил Немо напоследок, а потом от души хлопнул входной дверью, искренне надеясь, что ему удалось пустить по ее стеклу хоть пару трещин.

Оказавшись снаружи и убедившись, что к лавке не сползлось никакой гадости, пока он был внутри, парень с места сорвался на бег. Развив достаточную скорость, оттолкнулся от влажного асфальта, тенью метнулся к стене и, едва касаясь выступов раздробленных кирпичей, взлетел по ней вверх. Почти добравшись до карниза, перепрыгнул на погнутый фонарь, испускавший бледный, точно предсмертный свет. Зацепился двумя руками за его кронштейн, подтянулся выше, а через мгновение уже сидел на покореженной вывеске давно закрытой мясной лавки, из которой, тем не менее, все еще душно и тяжело пахло разложением и гнилью.

Сумка со шкатулкой неприятно постукивала на спине, и Немо, поморщившись, уже представлял себе пару живописных синяков на пояснице, которыми обернется подобного рода пробежка. Но ему не нравилось слишком долго быть внизу в это время суток. По утрам Город словно выпускал накопленные за ночь нечистоты, и те струились вдоль дорог склизким туманом – если наклониться поближе, почти наверняка почувствуешь запах лекарств умирающей старухи или густой пенистой рвоты передознувшегося наркомана. К полудню обычно становилось лучше, но утром – утром всегда было тяжело.

С вывески Немо перемахнул на пожарную лестницу соседнего здания, а уже оттуда выбрался на крышу. Высотка Отеля сразу бросилась ему в глаза – узкая, коричнево-золотая, сияющая в общем тускло-ржавом полумраке, как маяк в ночи. Было совершенно очевидно, что управляющий тщательно подготовился к приему гостей, и парня это даже в какой-то мере позабавило. Еще вчера Отель выглядел так, будто доживал свои последние деньки, а сегодня только поглядите – напудрился и принарядился, как престарелая шлюха, все еще уверенная, что все еще способна сражать мужчин наповал.

Приключения чужаков всегда начинались именно там – но разве и могло быть иначе? Городу требовалось время, чтобы присмотреться к ним, чтобы развесить замки и разложить ключи в нужном порядке. И проще всего было сделать это, пока новоприбывшие отмечались у управляющего и получали ответы на свои первые вопросы. Всегда одинаковые, всегда предсказуемые вопросы, на которые здесь ни у кого на самом деле не было тех ответов, на которые чужаки надеялись. Они искали простоты и логики. Но ни того, ни другого в Городе не бывало с момента основания – если, конечно, это место и вообще кто-то когда-то основал и оно не появилось из небытия на тот восьмой день недели, который потом просто вычеркнули из общей истории.

Бросив короткий взгляд в ту сторону, где по-прежнему кружилась стая птиц, Немо сел на край крыши и, перекинув сумку себе на колени, достал из нее шкатулку. Сам ящичек был довольно простой – без лишних украшений и резьбы. А еще, как и следовало ожидать, без замочной скважины. Какой бы механизм ни удерживал крышку на месте, отпирался он явно не ключом. Можно было бы предположить, что какими-нибудь хитрыми манипуляциями и

нажатиями на корпус в нужных местах, но Немо слишком хорошо знал, как здесь все устроено, чтобы поверить в это.

Шкатулка откроется только тогда, когда будет нужно – и только в руках того, кому предназначалась.

И все же парень еще какое-то время покрутил ее в руках, бездумно поковырял крышку, попытавшись наудачу поддеть ее коротко остриженными ногтями, даже понюхал деревянный корпус и, признаться, с трудом сдержал дурной порыв оставить на уголке отпечаток зубов. Просто чтобы чужак потом, поняв принцип работы этого места, мучился и гадал, а что же это могло значить. Что хотел сказать автор и вот это все.

Но, скорее всего, Город просто стер бы след от его укуса. В этом и крылся главный фокус и главная проблема – никто здесь не мог сделать того, чего не должен был. Никто не мог оказаться там, где ему еще рано было находиться. И если какой-то двери надлежало быть закрытой до третьего акта, ключ от нее Аполло смастерил бы не раньше, чем за десять минут до конца второго.

Все это невероятно выводило Немо из себя. В последние годы – быть может, от скуки из-за поредевшего потока прибывающих чужаков – он все чаще задавался вопросом, правда ли все работало только и исключительно так. Была ли власть Города безгранична и безусловна, или же кто-то из них, его созданий и прямых подчиненных, мог воспротивиться Его воле и обойти навязанные правила? Но до сих пор парню так не удалось отыскать ту самую брешь, то слабое звено в сковывающей их всех цепи, чтобы нанести один-единственный удар, который все изменит. Может быть, этой брешки и вовсе не существовало, но мысль об этом была так же горька, как зловонный туман, которым, словно испариной после пробуждения, Город покрывался каждое утро.

Решив не спускаться с крыш и пользуясь тем, что здание Отеля было в несколько раз выше всех своих ближайших соседей, Немо забрался в него через открытое окно пятого этажа. Прыжком перемахнув через подоконник и приземлившись на одно колено, чтобы загасить инерцию, ощутил, как урчит и топорщится мягкий ворс ковра у него под пальцами. Он притащил с собой грязь и запах улиц, и Отель был недоволен. Потому Немо ничуть не удивился, почти сразу услышав над собой подчеркнуто вежливый, но очевидно недружелюбный голос.

– Тебя сейчас здесь быть не должно.

– А то я не знаю, – отозвался парень, выпрямляясь и от души хрустнув плечами. – Выполняю кое-какое поручение для нашего мастера по ключам. Он просил доставить это в номер...

– 1224, мне уже передали, – подтвердил стоявший рядом с ним худой пожилой мужчина в идеально выглаженном темно-зеленом костюме. – Прошу передать посылку мне, я лично отнесу ее в номер.

Немо не особо долго размышлял над тем, не противоречит ли эта просьба указаниям Аполло. Шкатулка уже не представляла для него особого интереса, да и избавиться от лишней тяжести за спиной было отличной идеей.

– Вверяю ее в ваши трепетные руки, – без всякого намека на почтительные интонации произнес он, передавая шкатулку управляющему. Тот принял ее без улыбки, но с места не сдвинулся, видимо, собираясь лично проконтролировать, как непрошенный гость покинет его владения.

А Немо и не нужно было просить дважды. В одном старик был, без сомнения, прав: ему и в самом деле пока нечего было здесь делать. Декорации расставлены, оркестр затаился в предвкушении увертюры, и оставалось совсем немного до того, как поднимется занавес. Но, пока главное действующее лицо было в пути, все еще оставался шанс перехватить его до начала представления.

Выбравшись обратно на улицы, Немо снова обратил взгляд на восток. Птицы по-прежнему кружили над крышами, словно стая оголодавших стервятников, но их как будто стало меньше. Значит, чужак скоро придет в себя.

Солнце уже взошло. Его не было видно на небе, однако Немо безошибочно чувствовал бледный рассеянный свет кожей. Стало теплее, а еще пропал этот омерзительный запах, что терзал его обоняние еще полчаса назад. Теперь можно было безбоязненно спуститься вниз. Но как бы парень ни любил крыши и ощущение полета, которое дарили прыжки с одного здания на другое, все же требовавшиеся на это силы стоило побереечь для чего-нибудь поинтереснее.

Спрыгнув на тротуар, Немо поймал взглядом собственное отражение в пыльной треснувшей витрине и привычным жестом взлохматил и без того торчащие во все стороны темные волосы. Убедился, что фиолетово-черные круги под глазами, всегда производившие на чужаков особенное впечатление, никуда не делись, и улыбнулся сам себе.

– И как только мама тебя таким красавчиком родила? – усмехнувшись, погрозил он своему отражению пальцем, а потом поудобнее перехватил длинный ремешок заметно полегчавшей после остановки в Отеле сумки и направился в сторону редющей птичьей стаи.

Восточная окраина Города была одной из самых стабильных и предсказуемых: наверное, поэтому чужаки чаще всего появлялись именно там. Если не приглядываться и намеренно не обращать внимания на детали, можно даже поверить, что находишься в типичных трущобах, где самую большую опасность представляет агрессивный бомж с ломом или чересчур самоуверенный подросток, стащивший у отца заряженный пистолет.

Немо не помнил, когда Город перестраивал эти улицы в последний раз – и было ли такое вообще. Все те же покосившиеся заборы из проржавевшей сетки-рабицы, те же бессмысленные, но яркие граффити на облупившихся стенах, даже все то же сушащееся на одном из балконов белье: темные джинсы и ярко-красная футболка с дружелюбно оскаленным смайликом.

Однажды, от скуки поднявшись на тот балкон, Немо обнаружил под смайликом еще и надпись: «Сожри свои мозги». Ничего тупее он, кажется, здесь не видел. Почему-то тогда парню подумалось, что Город сделал ее специально для него – потому что чужаки снизу все равно бы послание не разглядели, а кому еще могло прийти в голову лазать по балконам ради сомнительного удовольствия сорвать надоедливую красную тряпку? Он тогда в самом деле выбросил эту футболку, но несколько не удивился, обнаружив ее назавтра все на том же месте. Правда, снова забираться на седьмой этаж и проверять, не изменилась ли надпись, не стал. Шутка, повторенная дважды, вряд ли стала бы смешнее.

– Немо, а вот и ты, мой бледнолицый друг! Ну какими судьбами, какими ветрами? Неужели просто мимо проходил?

Еще на звуке собственного имени Немо успел раздосадованно закатить глаза, продолжая, однако, быстро шагать вперед и притворяться глухим, но когда его ухватили за плечо, разворачивая назад, уже не смог это проигнорировать.

– Так и знал, что без тебя не обойдется, – проворчал он, мельком окинув взглядом приплясывавшего рядом с ним молодого мужчину в ярко-красном фраке, белых перчатках и начищенном цилиндре. Как и всегда, боковым зрением ему сперва почудилось, что рядом извивается цветастая мультяшка, невеста каким образом сошедшая с экрана старого телевизора, но, стоило посмотреть прямо, это впечатление исчезло.

– Это совершенно взаимно, мой добрый друг, – расплылся в широкой улыбке Ури, подмигнув ему. – Я, можно сказать, очень рассчитывал встретить тебя тут и безмерно рад, что ты меня не разочаровал. Сам подумай: первый чужак за столько месяцев! Я в шоке, что до сих пор не организовали парад и фейерверк в его честь. Хотя, может, еще и не поздно?

Одним движением пальцев он мгновенно раскрутил трость, которую держал в руках, а потом так же резко и внезапно остановил, смачно шлепнув ее по нижнему концу – звук при

этом был такой, будто он звонко приложил ладонью по чьей-то заднице, – и из набалдашника во все стороны брызнули пахнущие попкорном крупные конфетти.

– И вуаля! – лучась восторгом от самого себя, провозгласил Ури. – Как тебе?

Красный и золотой глаза уставились на Немо выжидающе, но тот слишком хорошо знал болтливого фокусника, чтобы хоть на мгновение всерьез задуматься над этим вопросом.

– Отстой.

– А я так надеялся, что сегодня именно тот день, когда мой славный друг соизволит оценить мои тщетные, но яростные порывы впечатлить его! – состроил страдальческую гримасу Ури. – Неужели даже появление новой сверкающей звездочки на нашем тусклом небосклоне не способно вернуть улыбку на это славное личико? – Он потянулся указательными пальцами к уголкам губ Немо, но тот одним ударом отбросил их прочь. Мог почти поклясться, что ощутил, как трещат кости, но вспыхнувший было в груди огонек триумфа тут же погас.

– Вежливость, вежливость, вежливость! Куда она делась в современном мире, ну просто уму непостижимо! – скороговоркой выдал фокусник, дуя на свои абсолютно целые и невредимые пальцы. То, что он при этом сидел на набалдашнике трости, закинув ногу на ногу, как будто это был целый табурет, Немо даже не удивило. Как, впрочем, не удивили и белые порванные перчатки, порхающие туда-сюда у его лица, как надоедливые мошки, и делавшие разные непристойные жесты. Как если бы на него пытался материться немой. Вот это отчего-то показалось ему смешным, и если бы Ури не был так занят собственными руками, то мог бы записать очко на свой счет, когда его друг все же улыбнулся.

– Почти разлетелись, – заметил Немо чуть погодя. – Скоро начнется.

– Да, лучше не опаздывать на шоу, – кивнул фокусник, мгновенно забыв о нанесенной ему обиде, которая еще несколько секунд назад, казалось, переполняла его до краев.

Они переглянулись, как будто признавая друг в друге равных – соперников или напарников, тут сложно было сказать наверняка, – а потом наперегонки рванули с места. Немо был быстрее и сильнее, но Ури жульничал – оседлав свою трость, неся на ней, как ведьма на метле, а под конец и вовсе сплюсился в толщину коврика для йоги, чтобы просочиться между зданиями, которые его выматерившемуся другу пришлось преодолевать снизу вверх. Поэтому когда Немо тоже добрался до пункта наблюдения и неуклюже скрючился рядом с фокусником, прячась за мусорными баками, чужак, переполошивший весь Город, уже стоял на своих двоих и с подозрением озирался по сторонам. Последние птицы, еще кружившие над его головой, по одной отлетали в разные стороны.

– Молодой, – шепнул Ури. – Даже сорока нет.

– Так даже лучше, – тихо отозвался Немо. – Чем они старше, тем с ними скучнее. Хотя я надеялся, что будет хотя бы парочка, как раньше. Или даже семьей нас побалуют.

– Губу-то закатай обратно, мой жадный друг, – ухмыльнулся фокусник. – Надо с малого начинать. Там потом кто знает что потянется. Они иногда с собой целый табор притаскивают, потом не знаешь, куда от них деваться.

– И то верно, – согласился тот, повнимательнее приглядываясь к чужаку.

Мужчина. Как и сказал Ури, еще совсем не старый. Широкоплечий, но не слишком крупный. Рост выше среднего, светлые волосы, правильные черты лица. Не Аполло, конечно, но Шайни бы почти наверняка назвала этого парня симпатичным. Отчего-то эта мысль была Немо неприятна, даже горчила на языке, и он торопливо отбросил ее в сторону.

– Куда пойдет дальше? В Отель? – меж тем с энтузиазмом пробормотал Ури. – Конечно, в Отель, куда еще. Старина Карл так раскрутил шарманку, что я даже отсюда чувствую, как пахнет выпивкой и дамочками.

Его друг на этих словах почти неосознанно принялся, но ничего, кроме запаха гнили из мусорного контейнера, не почувствовал.

– Эй, уходит, уходит, не видно!

Работая локтями, Ури попытался сдвинуть Немо, чтобы разглядеть, куда именно свернет чужак, и в этот момент случайно задел стоявшие на крышке бака пустые пивные бутылки. Те, конечно, повалились на асфальт, и мелодичный стеклянный звон эхом отозвался в затаившемся утрненем беззвучии.

– Кто здесь? – резким, немного севшим, как после долгого сна, голосом спросил чужак, круто разворачиваясь в их сторону и вскидывая руки.

– Пистолет? – брови Ури поползли вверх. – А... разве так можно? Город изменил правила?

Немо не ответил. Все его внимание мгновенно оказалось сконцентрировано на матовом черном стволе в руках чужака.

Он пронес в Город оружие.

Не нашел его здесь, не отвоевал в схватке и даже не заслужил как подарок за старательность. Нет, он вытащил его из кобуры, пристегнутой где-то под темно-оливковой курткой, и теперь слепо водил им туда-сюда, пытаясь понять, из какого конкретно полутемного проулка донесся встревоживший его звук.

Во рту у Немо пересохло. Последний раз оружие из мира чужаков появлялось в Городе очень давно. И тогда наделало так много шума и дырок в неположенных местах, что с тех пор лавочку, казалось, прикрыли насовсем. Слишком непредсказуемо, слишком опасно, ведь то, что Город не создавал сам, он и не мог контролировать.

И все же вот оно – в руках сбитого с толку незнакомца. Первого за гребаных полгода. Не поэтому ли пауза затянулась так надолго? У всего должна быть причина, и это первое правило, которое следовало бы выдолбить на скрижали у входа в Город, если бы таковая, конечно, существовала.

– Это будет интересно, – снова ослепительно улыбнулся Ури, поймав взбудораженный и азартный взгляд своего товарища. – Что ж, позвольте временно откланяться, мой везучий друг. Негоже портить представление в самом его начале.

Он хлопнул в ладоши, и в тот же миг на его месте возник крупный рыжий кот с красно-золотыми глазами. Встряхнувшись всем своим длинным костистым телом, он шмыгнул вперед, являя настороженному чужаку вполне банальное и приемлемое для неискушенной психики объяснение странных звуков. Он даже потерялся о его колени и позволил почесать себя за ухом, пока Немо, не отрывая от них напряженного взгляда, думал о вернувшемся в кобуру пистолете.

Будь он проклят, если понимал, что задумал Город. Но будь он проклят дважды, если не найдет способ использовать это себе на пользу. Потому что, как знать, может быть это именно то, чего он ждал столько лет – та самая брешь в монолитной, казалось бы, стене.

И если так, значит, существовала вероятность наконец-то обрушить ее всю целиком.

Глава 2. Отель

Отель был одним из двух самых высоких зданий в Городе, поэтому вполне логично, что чужаки в первую очередь всегда устремлялись именно к нему. Сбитые с толку и потерянные, они не в полной мере отдавали себе отчет в том, что в сравнении с пылающей электрическими огнями высоткой остальные кварталы выглядят на редкость мрачными и заброшенными. И просто летели к ней, как мотыльки на огонь, резонно полагая, что где огонь, там жизнь, а значит – помощь и ответы. И если с помощью и ответами вопрос был еще спорный, то вот насчет жизни – совсем мимо.

Отель, как и многие похожие места в Городе, населяли призраки. Остатки чужих воспоминаний, просачивающиеся наружу из неплотно запертых номеров. Все они когда-то принадлежали кому-то, являлись частью чьей-то истории, но теперь превратились в послушных марионеток управляющего. Когда они были ему не нужны, он ослаблял нити, и тогда призраки просто бесцельно слонялись по коридорам, выпивали в баре, сидели в лобби, глядя в одну точку, и разговаривали с кем-то, кто существовал лишь в их воображении.

Но сегодня был явно не тот случай.

От шелестящих в коридорах голосов у Немо неприятно ныло в висках. Он уже подзабыл, каким шумным и людным может быть это место. В последние месяцы, когда парень заваливался в гости, его едва ли встречала пара-тройка случайных призраков. Да и те, стоило ему подойти ближе, шарахались в сторону и сливались со стенами.

Однажды, впрочем, парень любопытства ради все-таки поймал одного из них. Но общаться с призраками было все равно что смотреть на выцветшую фотографию, пытаясь угадать объекты и лица на ней. Он даже не был уверен, что произносимые призраками слова имеют какое-то отношение к той личности, слепок которой они на себе носили. Возможно, пробыв в Отеле какое-то время, они полностью теряли себя, становясь просто продолжением Карла – одной из тех мыслей, что населяли его крупную седую голову с вечно недовольным прищуром.

Вот и сейчас, поймав пару укоризненных взглядов, Немо был почти уверен, что они, пусть и исходили из чужих глаз, но принадлежали управляющему. Впрочем, в данный момент у старика явно были дела поважнее, чем в очередной раз выгонять пронырливого лиса. Тем более что тот почти наверняка немедленно бы залез обратно, не выждав и пяти минут для порядка. Возможно, поэтому на своем пути парень не встретил никакого явного сопротивления, и уже спустя несколько минут зашел в раздевалку для персонала, где, тщательно перебрав все выглаженные комплекты и выбрав одежду себе по размеру, переоделся в светло-зеленую униформу коридорного.

Чуть позже, стоя перед зеркалом в общем туалете и мурлыча приставшую еще в холле мелодию, Немо выдавил себе на ладонь немного геля для укладки и принялся вдумчиво зачесывать назад прежде стоявшие почти дыбом волосы. Те слушались неохотно, но в конце концов сдались под его напором.

– Исключительный типаж, – пришел к само собой напрашивающемуся выводу он, закончив и на всякий случай повертев головой туда-сюда.

Напоследок улыбнулся отражению и, отсалютовав двумя пальцами, двинулся обратно в коридор. И уже на выходе из туалета столкнулся с невысокой, но очень деловой женщиной, которая от неожиданности на пару мгновений потеряла оформленность в пространстве, но очень быстро вновь вернулась в материальную форму.

– Ты почему еще здесь? – так недовольно спросила она, как если бы лично дала Немо какое-то поручение несколько минут назад. – В номер 1224 отнесли свежие полотенца?

– Я сию же секунду проверю, госпожа, – тут же приосанился он, надевая маску самой ответственной почтительности.

– Вечно за новичками все надо прибирать, – покачала головой маленькая женщина. – Понабрали же всяких тут...

И, продолжая бурчать себе под нос, она зашагала дальше по коридору, почти наверняка уже позабыв, с кем и о чем только что разговаривала. Ее задачей было давать указания и ворчать, а не следить за тем, как эти ее указания будут выполнены, или тем более отлавливать по этажам посторонних. Немо мог бы поспорить, что если она встретит еще десять человек по дороге, то и им всем по очереди скажет про полотенца. И, по теории вероятности, хоть один из них да окажется способен не только услышать и понять, что ему было сказано, но и выполнить элементарное указание.

А если даже и нет, Карл позаботится о них сам – когда вспомнит об этой необходимости чуть более осознанно.

Зайдя в лифт, Немо нажал на кнопку 61-го этажа и со вздохом откинулся спиной на стенку кабины, сложив руки на груди. В такие моменты ему всегда становилось досадно, что он не может, как управляющий, перемещаться по Отелю мгновенно и не тратить время на ожидание, пока старомодная кабина, кряхтя и поскрипывая, доползет до пункта назначения.

Ждать парень не любил.

И когда лифт вдруг остановился на сороковом этаже, подрагивая всей своей конструкцией, словно вот-вот готовая упасть в обморок старая леди, он едва смог сдержать раздосадованный взглас. Но когда же дверцы открылись и внутрь сперва закатилась тележка, на которой стояли какие-то закуски и ведро с шампанским, а следом вошла миловидная горничная, его недовольство унялось.

– Ну привет, – улыбнулся он девушке, едва заметно изогнув бровь.

– Я иду в 1224-й номер, – произнесла она, даже толком не глядя на него.

– Как и всем мы, – подтвердил парень, снова нажимая кнопку нужного этажа. Потом, опустив взгляд на расставленные по подносу аперитивы, добавил: – По-моему, твой босс немного перегибает. Еще бы, в самом деле, оркестром его встречал или фейерверк устроил.

Горничная ему не ответила, продолжая смотреть перед собой и ждать, пока лифт доберется до места. И в этом молчании и ожидании не было ровным счетом ничего личного или осознанного. Пожалуй, больше всего она в этот момент походила на NPC в какой-нибудь игре:двигающийся нарисованный человечек с одной-единственной функцией, прописанной в его коде. Нет, при желании Немо мог бы докопаться до того, что еще осталось в ней человеческого. Мог бы прямо сейчас схватить за волосы и приложить головой о тележку или об стену. Возможно, это бы вывело ее из транса, и она бы начала сопротивляться на уровне инстинктов. Но кто бы мог гарантировать, что это сопротивляется именно она, а не взбешенный Карл? Да и потом, было как-то жаль портить это чудное, пусть и беспросветно тупое личико.

Даже если это последнее, что в ней осталось своего собственного.

Поэтому Немо вежливо подождал, пока горничная выкатит тележку из лифта на нужном этаже, а потом, держась чуть позади, проследовал за ней до самого номера. И, конечно, не упустил возможности прошмыгнуть вслед за ней, когда перед девушкой послушно открылась дверь.

– Дальше я сам, деточка, можешь идти, – проговорил парень, отобрав у нее бутылку, когда горничная попыталась ее открыть. – Справлюсь.

Та несколько секунд молчала, глядя на него пустым, ничего не выражающим взглядом, но потом все же развернулась и вышла из номера. Немо меж тем обвел глазами подготовленную для чужака комнату, рассеянно размышляя над тем, как она изменится с появлением долгожданного гостя. Сейчас это был стандартный номер Отеля с его зеленью, позолотой и темным деревом, но быть таковым ему оставалось недолго. Потому что местные апартаменты были, в

первую очередь, предназначены для того, чтобы хранить истории. А переплет у каждой из них всегда был разный.

– Да, отстой, понимаю, – согласился парень, обращаясь к стенам комнаты. – Мне бы тоже не хотелось быть тем полотном, по которому они размазывают свое дерьмо. Но тут уж ничего не попишешь, да?

Пол под его ногами мелко завибрировал, что вполне можно было бы принять за своего рода ответ. Но Немо по опыту знал, что это было сигналом совсем иного толка.

Чужак вошел в Отель.

Все здание вытянулось как по струнке, и парень, прикрыв глаза, легко мог вообразить лобби далеко внизу, в которое вместе с неуверенно озирающимся светловолосым мужчиной оглушающей волной вкатилась тишина.

– Господин такой-то? – передразнил он высокомерный тон управляющего, что встречал гостя за стойкой регистрации. – Ваш номер готов.

– Мой номер? – тут же отозвался он уже другим голосом, менее уверенным и поставленным.

– Конечно. У нас в Отеле все делается по высшему классу, мы никак не могли заставить вас ждать, дорогой господин. Вот ваш ключ, номер находится на шестьдесят первом этаже, направо от лифта. Желаете, чтобы я проводил вас?

Чужак берет протянутую ему вещицу и почти наверняка несколько долгих секунд смотрит на нее так, будто это первый ключ, который он вообще видит в своей жизни. Он по-прежнему ничего не понимает, и в его голове – настоящий разброд. Пока что он вряд ли задастся вопросами о том, где он и как сюда попал. На этом этапе новички чаще всего просто идут туда, куда их ведут. Осознание придет позже – и повезет если это произойдет до того момента, как Город возьмется за них всерьез.

По мере приближения чужака комната вокруг Немо начала меняться. Контуры окружающих его предметов расслоились, накладываясь друг на друга, переплетаясь и путаясь, а потом, в тот самый момент, когда сделанный по старинке ключ вошел в замочную скважину, все на мгновение почернело, а затем прыснуло по сторонам, снова обретая цвет и отчетливость.

Немо все это время стоял на одном месте, давая номеру время заново осознать себя, и лишь когда пол под его ногами перестал ходить мелкими волнами, позволил себе пошевелиться. Успел открыть бутылку шампанского, и белоснежная пена заполнила хрустальный бокал ровно в тот момент, когда их с замершим на пороге комнаты чужаком взгляды впервые встретились.

Из номера пропал весь узнаваемый фирменный лоск, который, Немо знал, был предметом особой и трепетной гордости Карла. И его же самых горьких сожалений, ведь, так уж вышло, ни один чужак не мог оценить его в полной мере. Теперь это были типичные три звезды в не слишком крупном городе, где главным требованием туристов было отсутствие клопов, чистое постельное белье и возможность видеть из окна что-то помимо стены соседнего здания. Двухспальная кровать, занимавшая больше половины свободного пространства, старенькая плазма, подвешенная к стене, холодильник с двумя бутылками минеральной воды, чуть заедающая дверь в душ и островок плесени в дальнем углу под протекающим кондиционером. Для полноты картины не хватало скомканных салфеток с засохшей спермой на полу возле кровати и пепельницы, полной окурков.

Впрочем, два последних элемента могли скоро тут появиться вполне естественным образом.

Не изменился в комнате лишь один предмет – деревянная шкатулка, стоявшая на прикроватном столике, от одного взгляда на которую у Немо начинала ныть поясница.

– Комплимент от Отеля, господин, – объявил он вошедшему, улыбаясь так старательно, что сводило скулы. – Мы рады вас приветствовать в нашем скромном заведении.

– Скрамном, как же, – неуверенно отозвался светловолосый мужчина, цепляясь за услышанные слова, как если бы в них был заложен второй смысл, который бы все ему объяснил.

– Вы в любое время можете воспользоваться услугами бара и ресторана внизу, – почти нараспев продолжил его собеседник, заканчивая наливать шампанское и протягивая хозяину номера бокал. – Также мы предоставляем множество других сервисов и услуг, с полным списком которых вы можете ознакомиться в нашем буклете. Он находится возле стационарного телефона вот тут. Управляющий будет постоянно на связи, так что не стесняйтесь звонить, если у вас возникнут пожелания по обслуживанию. Мы очень гордимся высоким уровнем нашего сервиса и готовы продемонстрировать вам его в любое время дня и ночи.

Немо столько раз слышал эту речь в чужом исполнении, что оттарабанил ее практически без запинки. Старику Карлу впору было брать его на работу на полставки. Парень бы, конечно же, не пошел, но сам порыв и признание своих выдающихся талантов, бесспорно, оценил бы.

– А вай-фай? – вдруг отмер чужак, прежде будто в транс введенный его бубнежом. – Тут же есть вай-фай?

– О, боюсь, эту услугу мы не предоставляем, – улыбка Немо стала шире. – Могу я еще чем-нибудь вам помочь?

– Не предоставляете услугу? – нахмурился его собеседник, наконец взяв протянутый ему бокал. – Что за бред? Двадцать первый век на дворе, а у вас нет гребаного интернета в номерах?

– Я вижу, вы, господин, устали с дороги, – не изменился в лице тот. – Это ничего, в номере есть все необходимое для полноценного отдыха. Поверьте, мир станет куда более дружелюбным местом, когда вы хорошенько выпитесь.

Во взгляде чужака читалось очевидное сомнение, но возразить ему в тот момент было нечего. Поэтому он просто опрокинул в себя шампанское, чуть скривился от приторно сладкого вкуса и прошел вглубь номера. Там отдернул тяжелые серые шторы и выглянул в окно. Открывшийся ему городской пейзаж был совершенно непримечателен – крыши, окна, типовые вывески и рекламные биллборды. Город умело создавал иллюзию бурно кипящей жизни, наполняя воздух шумом работающих моторов, автомобильными сигналами, лаем собак, щебетанием птиц и неразборчивым гулом человеческих голосов. И, казалось бы, только переведи взгляд чуть в сторону, обязательно наткнешься на чью-то фигуру, задумчивое лицо в окне или спешащего к автобусной остановке прохожего. Но очень редко в первые дни кто-то действительно начинал смотреть внимательно и понимал, что на самом деле никого, кроме него, на этих улицах нет.

Истинные обитатели Города начинали показываться позже – когда первые маски были уже сброшены.

– Чудный вид, правда? – ласково спросил Немо, почти положив подбородок на плечо чужака. Тот вздрогнул, даже приглушенно выматерился сквозь зубы, и по лицу фальшивого коридорного снова расплылась довольная улыбка, больше похожая на оскал.

– Тебе что-то надо, да? – раздраженно поинтересовался мужчина. – Ждешь чаевых?

– Не отказался бы, – подумав, кивнул тот.

Чужак принялся шарить по карманам и спустя пару секунд достал выдавший виды старый бумажник с кучей скидочных карт, от которых топорщился и трещал по швам боковой кармашек. Но не успел он даже раскрыть отделение с купюрами, как Немо, не дав ему опомниться, выхватил кошелек из его рук. Впрочем, как выяснилось почти сразу, деньги его интересовали в последнюю очередь.

– Эрик Сай, – с любопытством протянул он, рассматривая водительские права. – Милое фото, в жизни вы не такой симпатичный.

– Эй, какого хрена? – не сразу обрел дар речи опешивший мужчина. – А ну верни сюда! – он попытался было вырвать бумажник из рук вертлявого коридорного, но тот легко ушел в

сторону, продолжая скалиться и, кажется, с трудом удерживаясь от желания начать махать своей добычей над головой, как в дурацкой школьной игре.

– Немо, хватит.

Полный плохо скрываемой досады голос холодом дохнул ему в спину, и парень неохотно остановился. С печальным вздохом оправил на себе форму и, поклонившись чужаку, вышел за дверь, настежь распахнутую управляющим.

– Прошу прощения за нашего служащего, – произнес старик, обращаясь к гостю. – Он, к моему великому сожалению, идиот.

Эрик с сомнением изогнул бровь, словно ожидая, что управляющий сейчас рассмеется или хотя бы вежливо улыбнется, но лицо того оставалось каменно серьезным, и мужчине ничего не оставалось, как неуверенно кивнуть, признавая инцидент исчерпанным.

– Если вам что-нибудь понадобится, звоните в любое время. Мой телефон есть в общем списке. Мы всегда готовы прийти к вам на помощь в случае необходимости. Надеемся, что наш ОТЕЛЬ станет на время вашего пребывания здесь вашим вторым домом...

Он продолжал говорить все эти привычные банальности, но Немо их уже не слушал. Самое время было по-тихому слинять, пока ему не прилетело более ощутимо за его вольности.

Парень отступил обратно к лифтам, но потом, обдумав этот вариант как следует и решив не рисковать, пошел пешком по лестнице. Там столкнулся еще с парочкой призраков – причем один из них выглядел так, будто заплутал на этой лестнице лет десять назад, – но в целом благополучно добрался до первого этажа. Уже почти чувствовал сладкий воздух свободы, как управляющий появился перед ним буквально из ниоткуда. Неужели ему так быстро надоело расхваливать перед чужаком свой ненаглядный ОТЕЛЬ? Досадно.

– Я этого не потерплю, Немо, – как всегда надменно произнес он, глядя на фальшивого коридорного сверху вниз. – Твои выходки сейчас совершенно неуместны.

– А, то есть было время, когда они были уместны? – тут же поймал его на слове тот, широко ухмыльнувшись. – Кажется, я его пропустил. Не напомните мне расписание, Карл?

У старика чуть побагровели уши, и Немо мысленно записал очко на свой счет.

– Я, кажется, ясно дал тебе понять, что тебе здесь не рады, – процедил он.

– Ну, тут ходят слухи, что я идиот и до меня с первого раза плохо доходит, – выразительно дернул бровями парень.

– Попадешься мне здесь еще, пока в Отеле гость, пеняй на себя, – продолжал меж тем Карл, кажется, с трудом сдержав порыв погрозить нахалу кулаком.

– Я понял, понял, – примиряюще поднял руки тот, отступая назад к двери. – Попадаться не стоит.

– Да я тебя сейчас!..

Что именно управляющий собирался с ним сделать, Немо уже не слушал – выскользнул наружу и был таков. Пробежал без остановки несколько кварталов и вовсе не потому, что опасался преследования. Прекрасно знал, что из Отеля старый хрен не выйдет – побоится. Просто внутри всего вдруг стало так много, что не было сил сдерживаться и идти шагом. Впервые за много-много месяцев в его жизни снова появился смысл, и это будоражило похлеще любого алкоголя. Похлеще даже, чем ночные догонялки с Тварью или их бесконечное соперничество с Ури.

Будоражило почти так же сильно, как короткие, украденные тайком моменты близости с той, к кому он направлялся прямо сейчас.

Немо нашел сестру на старом заброшенном заводе, где она любила прятаться ото всех и коротать дни. Уже на подходе ощутил, как потеплело в груди, и, ободренный, ускорил шаг.

Шайни всегда источала тепло, которое вполне буквально отзывалось у него внутри. Парень допускал иногда, что у кого-то из остальных тоже может, но подобная мысль была ему неприятна. Куда больше ему нравилось думать, что эта связь особенная и существует только

у них двоих. С того самого дня, как он назвал ее своей сестрой и взял под опеку, были они и – все остальные. И любому, кто попытался бы возразить, он перегрыз бы глотку. В прямом смысле слова.

Шайни танцевала. Музыка окутывала ее, подобно аромату, не имея иного источника, кроме ее разгоряченного тела. Девушка кружилась, вскидывала руки, иногда припадала к земле, как будто сбита порывом ветра, а потом снова взмывала вверх, замирая на носочках и как будто почти не касаясь пола. Ее золотистые пышные волосы пружинили по плечам, ловя и преломляя солнечные лучи, а на лице застыло такое сосредоточенное и даже немного с перебором драматичное выражение, как если бы прямо сейчас она исполняла партию королевы лебедей где-нибудь на сцене русского театра. Вскинув руку к проглядывающему сквозь прореху в крыше небу, она наконец замерла, и музыка постепенно угасла, словно кто-то убавил громкость до нуля.

– Браво, – негромко произнес Немо, несколько раз ударив пальцами одной руки о ладонь другой. – Все зрители ваши, моя прима.

Услышав голос брата, Шайни рассмеялась и, развернувшись, бросилась к нему. Он привычно поймал ее буквально на лету, подхватив под бедра и ощутив, как крепкие ноги танцовщицы обвилились вокруг его талии. Ее нежная кожа на ощупь была горячей и немного влажной от пота.

– Пришел! – неизвестно кому сообщила девушка, лучась от счастья.

– Ну так, конечно пришел, – совершенно другим, как будто не совсем ему принадлежащим голосом проговорил Немо, в приветственном жесте потершись своим носом о ее. – Ты уже слышала новости, правда?

– Разумеется, – бодро кивнула она, снова спрыгивая на пол и одергивая немного задравшиеся шорты. – Мне сразу рассказали, как только он появился. Да и Отель на весь Город светится, тут без вариантов. Ты его уже видел, правда?

Парень помедлил с ответом, пользуясь моментом, пока она не отошла слишком далеко, чтобы насмотреться на сестру и восстановить слегка прохудившиеся за день внутренние резервы.

Ему всегда нравилось смотреть на нее. На веснушчатое лицо с большими синими глазами и таким же большим ртом, из-за чего, смеясь или, наоборот, готовясь расплакаться, девушка становилась похожа на симпатичного лягушонка. На ее атлетично сложенное стройное тело и длинные изящные ноги, которые умели выписывать такие па, от которых у него буквально замирало сердце. Когда он стоял так близко к ней, его грудь горела изнутри, и это был жар, способный расплавить титан.

– Я не только его видел, я говорил с ним. И! – Он сделал многозначительную паузу. – Узнал его имя.

Жестом профессионального фокусника, которому позавидовал бы даже Ури, Немо вытащил из внутреннего кармана куртки украденный бумажник с водительскими правами Эрика Сая.

Шайни восторженно ахнула и прижала пальцы к губам, словно он только что подарил ей на день рождения щенка. А потом, начав вопить: «Дай, дай, дай!» – бросилась на брата, едва не сбив его с ног.

– Не стоит благодарности, – проворчал тот, ощутив легкий укол ревности, когда сестра с восхищением принялась разглядывать фотографию чужака. – Ничего в нем нет такого уж особенного.

Сказав это, Немо тут же понял, что лукавит. Не из-за пистолета, нет. Скорее из-за того ощущения, что этот Эрик Сай подарил ему. Ощущения скорых и впервые за долгое время настоящему возможных перемен. Но Шай этого знать не стоило. Еще не время.

– Хочу его увидеть, – меж тем проговорила девушка, проведя подушечками пальцев по фотографии мужчины на правах. – Хочу посмотреть на него, Немо. Отведи меня туда.

– Карл ясно дал понять, что больше не пустит меня в Отель, – покачал головой ее брат.

– Пфф, конечно, он тебя не выносит, – смешно наморщила веснушчатый нос Шайни. – А меня вот все любят. Так что говорить буду я. Мне он отказать не сможет.

– По-моему, ты слишком много на себя берешь, сестренка, – отметил Немо, сложив руки на груди и с сомнением глядя на нее. – Карл ненавидит всех. Включая самого себя.

– Вот и проверим, – невозмутимо пожала плечами та. – Дай только переобуюсь, да и пойдем.

Остановить ее, кажется, не было никакой возможности, и ее брату оставалось только беспомощно наблюдать за тем, как девушка снимает тряпичные танцевальные туфли и меняет их на грозного вида армейские ботинки, которые так странно и даже забавно смотрелись на ее тонких голых ногах. После, затянув волосы в неряшливый хвост на затылке, она одернула мешковатый темно-синий свитер и категорично заявила:

– Готова.

– Довыпендриваешься, Город запутает дороги, и мы в жизни не доберемся, – пригрозил Немо, но смутить ее у него не вышло:

– Пусть только попробует, – выразительно двинула бровями Шай. – Ты, может, и не заметил, но Город тоже меня любит. Он меня везде пускает и все разрешает.

– Да ну хватить херню нести, – отмахнулся от нее брат. – Что, скажешь, на вершину Обелиска ты тоже поднималась? И не говори, что да, в жизни не поверю! Тебя бы туда ни за что не пустили.

Девушка хотела было что-то ему возразить, но, кажется, не нашла что, поэтому просто надула губы и, чувствительно двинув его локтем под ребра, ускорила шаг. Немо усмехнулся уголком рта и поспешил за ней.

Обелиск был одновременно центром Города и самой недостижимой его частью. Его было видно отовсюду, но какими путями ни пытайся к нему приблизиться, все будет тщетно: ни по улицам, ни по крышам, ни даже по канализации и тоннелям метро – любые карты окажутся бесполезны, любые навигаторы засбоют и поведут по кругу. Обелиск сиял в пасмурном свете, белоснежный, идеальный, устремленный ввысь и недоступный даже для обитателей Города – что уж говорить о чужаках.

Однажды Немо спросил у Аполло, что находится на его вершине, и ключник тогда произнес очень странную фразу: «Там живет тишина». Не стоит и говорить, что понятнее от этого не стало.

Впрочем, Шайни приукрашивала действительность не только насчет Обелиска – в этом ее брат был уверен. Дело было не в том, что Город везде ее пускал и все ей позволял, а, скорее, в том, что она просто игнорировала закрытые двери и предпочитала делать вид, что их не существует вовсе. Она терпеть не могла вопросы, на которые не могла здесь и сейчас получить однозначный и четкий ответ, а Город больше чем наполовину, состоял именно из таких вопросов. И все же они умудрялись сосуществовать вполне мирно: девушка, в отличие от брата, не лезла, куда не стоит, а за это в остальное время ее не беспокоили те, кто не должен.

Они уже вывернули на улицу, ведущую к Отелю, что заставило Немо задуматься о том, мог ли Карл за полтора часа забыть об их стычке, как вдруг Шайни остановилась, привлеченная каким-то движением в переулке.

– Не надо, вдруг это ходящие или еще кто похуже... – попытался было ее остановить брат, но куда там. Золотой с синим росчерк мазнул по воздуху и поминай как звали. Закатив глаза и мысленно помянув Спящего, парень последовал за ней.

– Однажды мне станет лень тебя спасать и тогда тебя кто-нибудь все-таки сожрет, – мрачно сообщил он, подойдя к замершей посреди проулка Шайни. – На что ты вообще тут смотришь?

Еще договаривая, он понял, что вопрос не имел смысла – хотя бы потому, что то, на что она смотрела, было размером почти с целую стену. Черное, многорукое, красноглазое, зубастое, оно было лишено каких-либо отличительных черт, но при этом, казалось, вобрало в себя все страхи, что обычно прячутся под детской кроватью.

– Она всегда приходит из темноты, – прочитала девушка надпись под гигантским рисунком. – Думаешь, это о Твари? – Когда она посмотрела на Немо, ее синие глаза были невероятно серьезными, в них не осталось и капли той детской задиристости, что плескалась там прежде.

– Возможно, – дернул плечом тот. – Но в Городе много всякой швали водится, так что кто знает.

– Ты ведь ее видел, правда? – она смотрела на него, не мигая и как будто даже почти не дыша. – Какая она? Такая, как тут?

– Нет, она... не такая огромная, кажется, – почесал в затылке Немо. – Я не присматривался. Сложно, знаешь ли, запоминать отличительные черты, когда эта страхолюдина пытается намотать твои кишки себе на кулак.

– Она всегда такая, какой мы больше всего боимся ее увидеть, – раздался откуда-то сверху детский голос, и, подняв головы, они увидели стоявшего на пролете пожарной лестницы мальчика лет двенадцати с банкой краски в руке. Судя по черным пятнам на его руках и даже носу, художество на стене принадлежало именно ему.

– Давно не виделись, мелкий, – кивнул ему Немо. – Где пропадал?

– Готовился к схватке с чудовищем, – очень серьезно ответил тот, грозно сведя брови и взмахнув валиком с краской в сторону стены.

– И как оно? – заинтересованно уточнил его старший товарищ.

Но вместо ответа тот внезапно размахнулся и со всей силы запустил открытую, как оказалось, банку в стену. Шайни взвизгнула, когда красная краска брызнула во все стороны, и хотя брат успел рефлекторно прикрыть ее собой, ногам девушки все равно порядочно досталось.

– Эй, какого хера? – начал было рассерженный Немо, но, когда он снова посмотрел на пожарную лестницу, там уже никого не было. – Шай, ты как?

Она помотала головой, вжимаясь в него и до боли стискивая пальцы на его плече. Взгляд ее меж тем был прикован к стене, и в нем плескался ненадуманный ужас. Сложно было сказать, что именно планировал изобразить юный художник своим последним росчерком, но прямо сейчас поверх глазастого облака черноты расплывался огромный, сочащийся кровью оскал.

– Дебил малолетний, – резюмировал Немо, качая головой. – Идем домой, Шай, надо привести тебя в порядок.

Продолжая баюкать дрожащую от страха сестру, он повел ее к выходу из проулка. Но, услышав характерный звук ломающейся штукатурки, обернулся. От того места, где банка с краской врезалась в стену, вниз поползла все разрастающаяся трещина, и Немо почему-то не мог отвести от нее взгляд.

В Городе никогда ничего не ломалось по-настоящему – поврежденное сторонней силой, оно стремилось к заживлению, а не к дальнейшему разрушению. А то, что выглядело заброшенным, разрушенным или развалившимся, изначально никогда не было обитаемым и целым. Любые обвалы, землетрясения и оползни всегда были запланированы и происходили ровно тогда, когда чужаки должны были их увидеть и почувствовать.

Но в чем был смысл конкретно этой трещины? Или обвала здания на Пятой улице, о котором он утром рассказывал Аполло? И был ли этот смысл вообще? Потому что если нет... эту мысль ему продолжать не хотелось.

– Немо, что происходит? – тихо спросила Шайни, видя, как изменилось лицо ее брата.

– Я понятия не имею, – честно ответил тот. – Но не думаю, что тебе нужно об этом беспокоиться, ладно?

– Ладно, – легко согласилась она, утыкаясь носом ему в плечо. Успокоить ее всегда было просто: сестра верила ему. Верила, что он может решить все вопросы и разобраться с чем угодно. Хоть с самой Тварью, если понадобится. И если он говорил ей, что все будет хорошо, значит, именно так оно и будет.

Жаль только вот, что у него самого не было человека, в заверения которого Немо бы поверил без вопросов и сомнений.

Глава 3. Эрик Сай

У Эрика Сая болела голова. Боль не была острой, не пульсировала в висках раскаленными вспышками, как бывало порой, но будто бы сдавливала его череп со всех сторон, превращая тот в чугунную болванку на ненадежном костяном хребте. Тяжесть не давала сосредоточиться, и каждый раз, когда мужчина пытался это сделать, то словно плыл против течения: его яростно и настойчиво отбрасывало назад, не давая уцепиться ни за воспоминания, ни за собственные мысли. Он физически не мог думать ни о чем сложнее собственных физиологических потребностей. Каждое решение, даже самое простое, принималось им с боем внутри собственного разума. Это состояние походило одновременно и на сильное опьянение, и на тяжелое похмелье, когда пропускная способность мозга сводится к элементарному минимуму. Но при этом Эрик был твердо убежден, что никогда в своей жизни не испытывал ничего подобного, а потому все сравнения тут были очень относительными.

Он смог выйти из своего номера только после заката. Все предыдущие часы потратил на бесцельное блуждание туда-сюда по комнате и на подсчет шагов, которые требовалось сделать от окна до кровати и оттуда до двери. Цифры получались все время разные, и это дико выводило из себя. Во всем том дерьме, что с ним случилось за последние сутки, должно было быть хоть что-то однозначное и предсказуемое. Но вместо этого мужчина сбивался с четырех шагов на шесть, с пяти на семь, а потом откуда-то бралось двенадцать, и он долго и натужно соображал, прекращал ли счет, когда дошел до кровати, или же сразу двинулся дальше к выходу из комнаты. Потому что в ином случае дела его были совсем плохи.

Требовать от себя слишком много сразу было нельзя, потому что стоило попытаться притронуться к собственной памяти – туго спеленутой, надрывно мычащей от боли и негодования, как тяжесть в его голове становилась совершенно невыносимой. И тогда Эрик был вынужден опираться лбом о стену, чтобы снять нагрузку с мучительно напрягающейся шеи. Значит, нужно было начинать с чего-то попроще.

Чем-то попроще через несколько часов кружений по комнате стал буклет, о котором упоминал доставчий коридорный – тот самый, что стоял возле старомодного кнопочного телефона. Такие аппараты, по смутным прикидкам мужчины, перестали выпускать еще в девяностые.

– Мы от всей души приветствуем вас в нашем Отеле, – вслух прочел Эрик, и собственный голос показался ему совсем чужим и незнакомым. – Удобство гостей – наш главный и единственный приоритет. Список услуг и сервисов прилагаем ниже. Связь с управляющим доступна в любое время суток.

Дешево и сердито. Тонкая бумага, пахнувшая химией, текст, который, кажется, расплывется, стоит его посильнее потереть пальцем, безвкусные фотографии с равнодушно скалящимися путешественниками, взгляды которых ощутимо косят мимо объектива, создавая неприятно царапающее ощущение, что они смотрят на что-то – или кого-то? – у него за спиной. Все это как нельзя лучше соответствовало заштатной обстановке самого номера. В скольких похожих номерах Эрик ночевал за все время своей службы? Не меньше сотни так точно.

Вспомнив об этом, мужчина вдруг резко напрягся и привычным, натренированным жестом сунул руку под куртку, которую так и не снял. Слава богам, пистолет все еще был на месте. Отчего-то сразу стало спокойнее. Даже тяжесть как будто слегка отступила.

Он вынул оружие и выщелкнул магазин. Всего шесть патронов, меньше половины. Так что стоит хорошенько подумать, прежде чем начинать палить направо и налево. Но то, что старый друг под рукой, уже было хорошо. И означало как минимум то, что его сюда приволокли не уроды Кастеллоса, мстящие за арест своего босса, потому что эти бы точно обшмонали на совесть, прежде чем выбросить на обочину. Продолжая развивать эту мысль и панически боясь,

что новый приступ головной боли собьет ее на середине, вернув его к подсчету шагов, Эрик сделал следующий очевидно напрашивающийся вывод: он понятия не имел, где находился и как сюда попал.

На мгновение в его темном, скованном судорогами мозга вспыхнула идея, и отвыкшие от такого яркого света нервные окончания взвыли от боли. Мужчина выматерился, но, не желая упускать момент, сделал два шага обратно в сторону столика с телефоном. Неожиданно пол взбрыкнул у него под ногами, словно кто-то тряхнул весь отель, как игрушку в стеклянном шаре, и Эрик сам не понял, как вдруг оказался на коленях, поддерживая одной рукой тяжеленную, как шар для боулинга, голову, а в другой сжимая что есть сил буклет из дешевой вонючей бумаги.

Он не обратил на это внимания, когда читал первый раз. А, может, просто не захотел обращать, потому что на тот момент существовала возможность просто проигнорировать то, что теперь уже никак не получалось развидеть: ни на буклете, ни на одном другом фирменном элементе внутри номера не было названия отеля. Так же, как не было и названия населенного пункта, где он сейчас находился. Просто Отель. Просто управляющий, у которого, судя по лаконичным строчкам в списке доступных номеров, имя и фамилия тоже отсутствовали.

И либо все это был какой-то исключительно херовый прикол, который ему подстроили сослуживцы после раскрытия дела Кастеллоса, либо... Но вот тут думать снова стало слишком трудно, и Эрик в очередной раз бросил это занятие.

Он не мог сказать точно, сколько просидел вот так на полу, откинув голову на кровать и положив локти поверх согнутых коленей. Просто вдруг осознал, что стало как-то слишком темно. Поднялся, чтобы включить свет, и взгляд его упал на бутылку теплого, давно уже выдохшегося шампанского.

Эрик потянулся к ней почти машинально, но его рука безвольно замерла на полпути. Оно еще утром показалось ему слишком сладким, а теперь эту бурду и вовсе, наверное, было невозможно пить. Мужчина снова перевел взгляд на буклет, который все еще держал в другой руке. Сервисы и услуги, говорите? Ну-ка, поглядим.

Он не ошибся – даже в таком захолустье был свой бар. «Гостям Отеля – скидки», – было написано в комиковом пузыре рядом с очередной белозубо оскаленной головой, чей взгляд все так же раздражающе тарасился на что-то за его плечом.

– Скидки? – вслух повторил мужчина, а потом полез в карман за бумажником, осознав, что даже приблизительно не помнит, сколько у него вообще с собой денег.

Бумажника на месте не оказалось. Перед глазами плеснуло воспоминаниями – хитрое лицо коридорного и его издевающийся голос:

«Милое фото».

Он же забрал у проходимца свой кошелек! Помнил, что забрал, потому что тогда как раз вошел управляющий и...

Эрик мучительно застонал, на несколько мгновений снова сжав горящий лоб дрожащими пальцами. Ему нельзя было расклеиваться. Нельзя было терять те малые крупинки смысла и осознанности, что удалось собрать.

Бумажник остался у того парня, сомневаться не приходилось. Эту бледную рожу с желтыми синяками под глазами он теперь ввек не забудет. И улыбочка эта идиотская, сразу было видно, что в голове сплошное дерьмо бежит.

Сплошное дерьмо бежит – так говорил его отец. Эрик почему-то внезапно вспомнил об этом, вспомнил так ярко, будто слышал его голос снова. Как не совсем проснувшись или вот-вот собираясь снова заснуть, слышишь голоса, которых не могло звучать в реальности. И все же, даже понимая, что это лишь шепот памяти в его голове, он не смог подавить в себе порыв обернуться – просто чтобы удостовериться, что за его спиной никто не стоит. Потому что

мужчина вдруг осознал, что не может быть в этом уверен. И более того – что боковым зрением почти наверняка видел, как кто-то метнулся в темный угол, стоило ему повернуть голову.

Это уже выходило за всякие рамки осмысленности. Просто сидеть в номере дальше смысла уже не имело. Хлебные крошки, значит? Хорошо, начнем с малого. Например, прямо сейчас выясним, какого хера местный обслуживающий персонал считает себя вправе шарить по карманам постояльцев.

Эрик поднял телефонную трубку, но не успел даже взглядом отыскать нужную цифру на кнопках, как из могильной тишины на том конце провода ему ответил уже знакомый голос управляющего:

– Чем могу помочь?

– Быстро... вы, – только и смог пробормотать обескураженный мужчина.

– Мы в вашем полном распоряжении, господин Сай, я уже говорил, – серьезно отозвался тот. – Мы очень ответственно подходим к своей работе. Так чем я могу помочь вам?

– Ваш... служащий. Тот парень, что принес шампанское утром...

– Я уже говорил, вам не стоит о нем беспокоиться, – перебил его управляющий как будто с легкой досадой, но едва ли направленной в сторону гостя. – Можете считать, он у нас больше не работает.

– А это довольно прискорбно, учитывая, что, кажется, он украл у меня бумажник, – утомленно пробормотал Эрик, снова опускаясь на пол с трубкой в руках.

Судя по возникшей в разговоре паузе, об этом руководству Отеля известно не было.

– Я немедленно его разыщу, ни о чем не переживайте, – наконец произнес его собеседник, и мужчина мгновенно выцепил трудно сдерживаемое негодование в его голосе.

– Да, сделайте одолжение, – кивнул Эрик, ощущая приятное чувство возвращающегося контроля над ситуацией. – Мне бы не хотелось разводить бурю в стакане воды, если вы понимаете, о чем я. Если получится все уладить быстро и по-тихому, я готов сделать вид, что ничего не случилось.

– Вы очень великодушны, господин, – отметил управляющий, и его гость снова удовлетворенно кивнул сам себе. К чему бы это все сейчас ни шло, заводить друзей в малознакомом месте куда полезнее, чем врагов.

– А что у вас с баром? – спросил он уже совсем расслабленным тоном.

– Бар на втором этаже, – тут же ответили ему. – Работает с шести вечера до четырех утра, гостям Отеля скидка, но... – Он секунду помедлил. – Учитывая вашу неприятную ситуацию, я буду рад предложить вам напитки за счет заведения.

– И я даже не стану ломаться, соглашаясь, – снова кивнул мужчина. – Было очень приятно пообщаться с вами.

– И мне, господин. Когда мы вернем бумажник, вам принесут его прямо в номер. Желаете что-нибудь еще?

– Нет, пока не желаю.

– В таком случае приятного вечера.

Эрик положил трубку. Разговор с управляющим его взбодрил. Не только маленькой победой и будущей бесплатной выпивкой, но и как будто бы снова появившейся определенностью и однозначностью. Он опять почувствовал себя в своей стихии.

Ему всегда хорошо это удавалось – общаться с людьми. С любыми людьми, начиная от самых невыносимых и заканчивая теми, кто первым рвал на себе рубашку еще до того, как их об этом просили. Может, поэтому в отделе его так ценили. Он не был лучшим следователем, когда дело касалось сведения улик и работы головой, но расколоть мог кого угодно.

«Самого черта уболтает», – так о нем говорили сослуживцы.

Все, что Эрику было нужно, это чтобы голова стала чуточку полегче, а мысли перестали кататься внутри нее ртутными бусинами, то слепляясь в одну покрупнее, то снова расплываясь сотней маленьких.

До второго этажа Эрик добрался без приключений. В коридоре ему никого не встретилось, хотя он мог поклясться, что слышит движение и приглушенные голоса за стенами, но тут удивляться не приходилось – судя по обстановке, которая, стоило ему выйти в коридор, как будто бы перетекла вслед за ним всей своей серостью и убогостью, эти самые стены тут были едва ли толще картона.

Бар он тоже нашел быстро, но на мгновение замер перед закрытой дверью, морально готовясь набрать полные легкие дешевого табачного дыма – почему-то в таких медвежьих углах и владельцы и гости как-то слишком легко забывали о запрете курения в общественных местах.

Но, к его удивлению, воздух бара оказался чист. Как, собственно, и он сам. Длинная стойка с бликующей металлической окантовкой, ядовито-розовый неоновый пистолет над полками с алкоголем, бильярд и чудовищно громоздкий кинескопический телевизор под потолком, на котором из-за помех мало что можно было разобрать. Судя по всему, там вытанцовывали какие-то полуголые девицы под исключительно пошлый и низкопробный, однако буквально с первых нот заедающий мотивчик.

Посетителей в баре было немного, и все они предпочитали держаться подальше от ярко освещенной стойки, так что мужчина даже не сразу их заметил. Около бильярда крутилась одинокая светловолосая девчушка лет двадцати в мини-юбке и ковбойских сапогах. Она то ли играла сама с собой, то ли пыталась приманить на свои прелести кого-то из сидящих неподалеку, но и то, и другое у нее явно выходило так себе. Когда зашел Эрик, она несколько секунд смотрела на него не мигая, с таким выражением, будто вот-вот его вспомнит – хотя сам мужчина был убежден, что точно ее раньше не встречал, – а потом снова вернулась к своему бильярду, словно мгновенно и полностью выбросив его из головы.

– Что вам налить, господин? – бодро поинтересовался бармен, когда новый посетитель сел напротив него.

– Виски, чистый, – коротко ответил Эрик, все еще осматриваясь и стараясь не слишком тревожить свою память вопросами о том, не мог ли он быть в подобном месте раньше. – Сразу двойной.

– Сделаем, – широко улыбнулся тот, и эта улыбка, как будто немного с перебором восторженная, привлекла внимание его гостя.

Прищурившись, Эрик оглядел бармена повнимательнее. Ничего запоминающегося или заслуживающего отдельного внимания в нем не было – не считая дурацких цветных линз, из-за которых один глаз у него был красный, а другой желтый. Что вообще за прохиндеев берут в этот отель? Впрочем – логично рассудил он чуть погодя, – едва ли сюда в принципе выстраиваются очереди высококвалифицированных специалистов. Сейчас мужчина уже плохо помнил, как утром добирался до этого места, но город отложился в его памяти скорее трущобами, нежели элитными спальными районами.

– Интересный у вас... городок, – заметил Эрик, беря со стойки налитый барменом бокал виски.

– Разве? – как будто бы искренне удивился тот. – Да разве не самый обычный? Хотя, когда приезжают гости, всегда становится веселее. Какой цирк без зрителей в конце концов? Кому нужны долбаные клоуны, если никто не смеется, когда они разбивают себе носы? Так ведь, знаете ли, и кукухой поехать недолго. – Он от души рассмеялся, словно только что сочинил и озвучил потрясающую шутку.

– И что, много гостей у вас бывает? – Эрик не собирался позволить разговору уйти не в то русло. – Вы как будто вдалеке от основных дорог, я прав?

– Можно и так сказать, – подумав, кивнул бармен, постучав себя пальцем по выпяченной нижней губе. – Иногда кажется, что тут даже *слишком* тихо, если вы понимаете, о чем я. Так... надоедает одно и то же каждый день. Так что гостей мы любим, это правда. Я вам больше скажу. – Он заговорщически понизил голос и наклонился ближе к собеседнику, с одной стороны прикрыв рот ладонью: – Некоторые от радости совсем забылись. И могут начать немножко безобразничать.

– Я уже заметил, – выразительно двинул бровями Эрик, мгновенно вспомнив про украденный бумажник.

– Ах, что делать, что делать, – всплеснул руками бармен, смешливо сверкая разноцветными глазами. – А вы не обращайтесь внимания, господин. Они же как дети, лезут больше от любопытства, чем со зла. Хотя если зазеваетесь, могут и ботинок зажевать. Просто от трудно сдерживаемых эмоций, понимаете?

Договаривая последнюю фразу и при этом совершенно не меняясь в лице, он вдруг выхватил откуда-то из-под стойки длинную черную трость, которой, как сперва от неожиданности показалось Эрику, собирался со всей силы вдарить своему гостю по плечу. Рефлексы полицейского сработали на совесть, и мужчина увернулся, но в тот же момент выяснилось, что удар предназначался совсем не ему, а той самой девчушке, что до этого без особого энтузиазма перекачивала шары по зеленому сукну. Наконечник трости уткнулся ей ровно в лоб, и Эрику вдруг показалось, что лицо ее буквально за долю секунды собралось воедино из некой растекшейся массы, что привиделась ему в розово-металлических отблесках. Голова у мужчины закружилась, и он торопливо опрокинул в себя остаток виски.

– Кыш, – вежливо и как-то даже почти ласково, словно общаясь с не в меру дружелюбной кошкой, произнес бармен. – А то пожалуюсь твоему начальнику, он тебя выпорот и запрет в шкафу, будешь знать.

Девушка что-то невнятно промычала, и к Эрику закралось подозрение, что она была пьяна – или под чем-то. Он уже хотел подняться и спросить, все ли у нее хорошо и не нужна ли помощь, но в последний момент сдержался. В конце концов, он сейчас не на работе. Да и помощь ему самому бы не помешала.

Меж тем девушка, еще какое-то время посмотрев на него, направилась к одному из крайних столиков, за которым сидели, как он теперь более отчетливо видел, ее подружки, которые заботливо приняли потеряшку в свои ряды. Мгновение – и будто бы темные озерные воды сомкнулись у нее над головой – из-за бьющего по глазам света из лампы над бильярдным столом, все за ним тонуло в тенях, и он уже не отличал одной девицы от другой.

– И часто у вас тут такие... кадры? – поинтересовался Эрик, знаком прося повторить его заказ.

– Я же говорил, мы не избалованы гостями, – пожал плечами бармен, снова начав улыбаться и берясь за бутылку. Его гость отметил, что трость, полминуты назад превратившаяся в достаточно грозное оружие, снова куда-то исчезла. Для собственного успокоения он незаметно сунул руку под куртку и погладил пальцами застегнутую кобуру пистолета. После этого ему в самом деле стало легче.

– Так какие у вас планы, господин?

Эрик не сдержал кривой улыбки, пытаясь соорудить в своей голове какой-нибудь более или менее адекватный ответ на этот вопрос. Не признаваться же, что он понятия не имеет. И что для начала хочет просто понять, где он и как сюда попал, не выглядя при этом полным кретинком. Что сказал управляющий, когда он только пришел? Что номер на его имя готов, кажется так. Но разве он заказывал здесь номер? И если не он, тогда кто и зачем мог это сделать?

А он вообще успел назвать хотя бы собственное имя до того, как ему вручили ключи и безапелляционно развернули к лифтам?

Ему снова стало нехорошо, и на мгновение мужчине показалось, что он прямо сейчас выблюет те несколько глотков виски, что успел сделать за вечер. И вообще какого хрена он так легко пьет, когда за день у него ни крошки во рту не было? Да есть и не хочется вовсе, откровенно-то говоря. Последствия отравления? На чем он вообще сейчас ходит и разговаривает – на чистом адреналине?

Голова кружилась, ртутные шарики снова катались вразнобой, а шея трещала под немилосердно нарастающим давлением. Эрик залпом вылил в себя второй двойной виски и нервным жестом потребовал еще. Алкоголь почти не ощущался внутри, как если бы испарялся по дороге в желудок. Но это – и как многое другое, будем честны – уже просто звучало как бред. Нет, завтра утром он проснется с жутким похмельем, резью в желудке и, вероятно, еще целым букетом симптомов жесткого отходняка. Зато тогда ситуация точно начнет проясняться. Что бы он сейчас ни видел и что бы там ему ни мерещилось, надо просто как следует проблеваться и вывести всю эту дрянь из своего тела. Тогда станет лучше. Обязано стать лучше.

– Он оставит вам подсказки.

– Что?

Слова бармена настолько не вязались с ходом мыслей Эрика, что тот на мгновение вообще не понял их смысла.

– Вы поймете, куда вам идти, – пояснил тот, выразительно играя бровями. – Все всегда понимают.

– Можно я допью бутылку в номере? – сам толком не зная зачем, попросил Эрик. Ему вдруг очень захотелось уйти – подальше от шушукających в темноте бара фигур, подальше от этого странного парня с разноцветными глазами, подальше от ощущения, что все идет слишком *не так*.

Что в его голове бегают сплошное дерьмо.

– Конечно, все для вас, – широко улыбнулся бармен, щедро поведя рукой, на которой Эрик только сейчас увидел лайковую белую перчатку. Он все это время был в перчатках? Какие тупые, бессмысленные вопросы. Хватит цеплять всякую херь из окружающего пространства, просто прекрати. Ты делаешь только хуже.

Мужчина усилием воли заставил себя подняться и крепко сжал в ладони прохладное горлышко бутылки. Бармен смотрел на него как будто бы даже с сочувствием, но помощь не предлагал – просто наблюдал, как его гость, пошатываясь, направляется обратно к выходу.

– Они такие миленькие в самом начале, ну правда же, – растроганно вздохнул он, когда за Эриком мягко захлопнулись двери. Потом смахнул несуществующую слезинку и, отрепетированным жестом прокатив по руке выдернутый из-под стойки цилиндр, надвинул его глубоко на глаза, продолжая мечтательно улыбаться.

Ури в Отеле хорошо знали и, в отличие от Немо, принимали спокойно, не пытаясь всеми правдами и неправдами выгнать незваного гостя обратно на улицу. Поэтому никто и слова не сказал, когда худощавый рыжий кот, мягко ступая большими лапами по ковру, тайком проследовал за покинувшим бар гостем.

Чужак выглядел скверно, но то, что он сумел на своих двоих добраться до бара, а потом еще и вернуться обратно, не потерявшись по дороге, уже делало ему честь. На памяти Ури, немногие были способны на такой подвиг. Обычно чужаки вообще не выходили из своих номеров первую пару дней – одного, помнится, пришлось даже силком выгонять: от врезавшихся в оконное стекло голубей пошли трещины, а кровавые пятна и прилипшие перья так и красовались с той стороны до самого выселения, но нужный эффект был произведен и цель достигнута.

Меж тем, дойдя до своего номера, Эрик остановился у самой двери, но заходить внутрь почему-то не спешил. Даже к ручке не прикоснулся – просто стоял и смотрел вперед, как баран на новые ворота. Неужели умудрился где-то по пути посеять ключ? Нет, Ури бы такое заметил

– он всегда подмечал все мелочи, ведь именно в мелочах, как он усвоил много лет назад, была суть. Тогда что?

Изнывая от любопытства, рыжий кот подкрался ближе, прижимаясь к стене и надеясь, что чужаку не придет в голову обернуться. Не то чтобы присутствие в Отеле животного было чем-то из ряда вон выходящим, но фокуснику не хотелось привлекать к себе лишнего внимания. В конце концов, этот парень уже видел сегодня его вторую ипостась, и мало ли вдруг та встреча каким-то чудом все же отложилась у чужака в памяти и он сложит два и два? Такими темпами его идеальное прикрытие бездарно обнулит само себя в рекордные сроки.

Но Ури повезло – все внимание чужака сейчас было устремлено на дверь его комнаты. Там, подкравшись ближе и двигаясь уже почти по-пластунски, кот разглядел наклепленную прямо под глазком номера листовку. И учитывая изображенную на ней улыбающуюся девушку в бордовом пиджаке, сомневаться в ее происхождении не приходилось.

– Старшая школа Чиок объявляет День открытых дверей, – зачем-то вслух прочел чужак, подтверждая его догадку. – Что за гребаная ересь?

А вот это было уже интересно. Школа? Город в этот раз решил начать издалека? Черт возьми, а история этого парня может оказаться куда интереснее, чем выглядит на первый взгляд.

Однако вместе со всколыхнувшимся воодушевлением, от которого его рыжая шерсть наполнилась приятно покалывающим статическим электричеством, Ури испытал и легкую досаду: пролезть во владения Чиок будет куда сложнее. Там посторонних не любили, и даже Немо, который, казалось, без мыла в любую щель залезет, не раз и не два получал по носу в попытках сунуть его куда не надо.

С другой стороны, если у его товарища на этот раз все получится – а в том, что он, по меньшей мере, попытается всем назло, фокусник ни капли не сомневался, – самому Ури достанется рассказ из первых уст со всеми смачными подробностями. Может, хоть это небольшое приключение встряхнет его друга и выведет из той мрачной, угрюмой задумчивости, в которой тот пребывал последние полгода.

Фокусник знал Немо давно и достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: парень что-то задумал. От скуки или по другой причине, но он что-то вынашивал в себе, бережно и вдумчиво, и сегодня это что-то так ярко сверкнуло в его глазах, когда он увидел у чужака пистолет, что Ури ощутил жарко прокатившееся по телу волнение: не дай Спящий, пропустить что-то интересное! Нужно было обязательно поговорить с другом об этом – потребовать, чтобы он выложил все карты на стол.

Меж тем чужак, в досаде сорвавший листовку со своей двери, уже скрылся в номере. И вряд ли он сегодня еще планировал из него выходить, так что смысла задерживаться дольше не было. Тем более что после общения с гостем извне Ури ощущал себя как после плотного обеда, приятной тяжестью осевшего в желудке. А дома его ждала ласковая и порядком истосковавшаяся по вкусностям кошечка, которую тоже следовало покормить.

Вниз на лифте он спустился уже в человеческом облики, а потому ему ничто не помешало, подойдя к стойке управляющего, небрежно бросить тому:

– А у вас тут все по-прежнему, да, старина?

– Мы гордимся нашим неизменно высоким уровнем сервиса, – чопорно подтвердил старик, но Ури слишком хорошо его знал, чтобы купиться на эту внешнюю холодность.

– Ты ведь знаешь, что он принес с собой оружие? – доверительно уточнил фокусник, опершись локтями на стойку и чуть наклонившись вперед.

– Об этом уже весь Город знает.

– И тебя это не напрягает? Вот... вообще ни капельки? – недоверчиво сощурил красный глаз он.

– Мое дело не задавать вопросы, Ури, а обслуживать гостей. Чем я и занимаюсь, – с достоинством отозвался Карл. – И на твоём месте я бы тоже следил за своей частью общей работы. Мы все здесь только ступени, по которым ему предстоит пройти. Не забывай об этом.

– Я помню, – кивнул тот. – Но все равно... – Тут он замедлился, словно сомневаясь в уместности последующих слов. – Я говорил с этим парнем, смотрел ему в глаза. И... нутром чую, с ним что-то не так. Чужак принес с собой смерть, и единственный тут вопрос в том, кому именно она предназначена.

Управляющий какое-то время молчал, внимательно глядя на него своими глубокими водянисто-серыми глазами, а когда заговорил снова, голос его звучал мягче и тише:

– Все истории когда-нибудь заканчиваются, Ури, разве не этому я тебя учил? Роли для каждого из нас уже определены. Так что... просто занимайся своей работой и не забивай голову лишними глупостями.

В словах Карла, безусловно, была логика – навязчивая и колкая, как стеклянные щепки, засевшие в деснах. Но сам фокусник предпочитал считать, что его история – это не роман в твердой обложке с ясным началом и однозначным концом, а яркий еженедельный комикс, который даже если и закончится однажды, то обязательно перезапустится через несколько лет все с теми же бессменными и вечно юными героями на обложке.

– Просто береги себя, старина, – произнес Ури, приподнимая цилиндр на прощание. Из последнего с громким писком вывалилась белая мышь, тут же спрятавшаяся где-то в складках его фрака. – А я как-нибудь зайду на той неделе, идет? Расскажешь мне пару новых баек!

– Свежо предание, – покачал головой управляющий, снова возвращаясь к своим делам и больше не глядя на фокусника.

– Нет, в этот раз точно приду! Зуб даю! Вот, держи, оставлю даже. – Он сунул руку в рот, но в следующую секунду его за локоть перехватил улыбчивый швейцар.

– Позвольте, я вас провожу, – проговорил тот, не давая ему в самом деле вытащить пару зубов из челюсти. – Вам пора.

– И вот опять артиста прерывают на полуслове, да что ж такое! Возмущению моему нет предела! – драматично всплеснул руками Ури, но увести себя позволил и даже церемонно раскланялся со своим провожатым на выходе.

А потом развернулся лицом к Городу и, вдохнув полной грудью, широко улыбнулся: ночь только начиналась и, что бы там ни таило в себе тревожное будущее, прямо сейчас это не имело никакого значения. Сегодня арена будет залита ярким светом, и живые будут танцевать на ней вперемешку с мертвыми, не разбирая, кто есть кто.

Сегодня все это было неважно.

Глава 4. Цирк

Ночью Город менялся. Словно переставая сдерживаться, он растекался в пространстве и выпускал наружу все то, что днем пряталось по углам. И если в светлое время суток, чтобы столкнуться с кем-то из местных, приходилось наносить целенаправленный визит вежливости, то ночью они сами высыпали на улицы, заполняя их под завязку. И любой случайный поворот не туда мог закончиться весьма неприятной встречей.

Впрочем, Ури любил ночь. Она была ярче и веселее того, что обычно происходило днем. Да, Город не особо радовал их электрическими огнями, и те немногие фонари, что все-таки работали, все равно толком не разгоняли темноту. Но в непроглядном, первородном мраке и крылась своя особая магия. Как в освещенной редкими прожекторами темной сцене, на которой могло произойти ровным счетом что угодно. Улицы гудели, переполненные тенями, готовыми, казалось, рассыпаться от любого случайного прикосновения – и хищниками, рыщущими в поисках добычи.

Однако лично ему опасаться было нечего: даже после полугода вынужденной голодовки местная фауна еще не озверела настолько, чтобы рисковать жизнью ради призрачной надежды тяпнуть его за ляжку. Фокусника обитатели ночных улиц побаивались и предпочитали обходить стороной.

Но так везло не всем.

Немо, которого Ури заметил почти сразу, как вышел из Отеля, буквально на его глазах чудом разминулся с кем-то особенно крупным и косматым, несшимся на всех парах в неопределенном направлении. Вслед чудищу тут же понеслись отборные ругательства, от проникновенности которых на лице фокусника расцвела широкая и почти умиленная улыбка.

– А ты, как всегда, в дурном настроении, мой бледнолицый друг, – отметил Ури, подхватывая товарища под руку. – Вот когда бы было иначе?

– И вовсе даже нет. Просто кое-кому следовало бы научиться смотреть по сторонам, – проворчал Немо. А потом без перехода спросил: – Надо полагать, ты от Карла? Видел чужака?

– Ну а как же иначе, – выразительно подтвердил фокусник. – Не мог упустить возможность.

– И что думаешь?

– Думаю, что затевается что-то крупное. – Ури развел руки в разные стороны, и с кончиков его пальцев, скрытых под белыми перчатками, брызнули шипучие красно-золотые фейерверки. – Ты разве не чувствуешь, сколько восторга и волнения в этом воздухе? Город переполнен предвкушением. Неудивительно, что народ немного сходит с ума.

Словно подтверждая его слова, с противоположной стороны улицы донесся чей-то визгливый смех. Обернувшись на звук, друзья увидели компанию масок, издевающихся над бестолково покачивающимся уродливым существом, в котором только с большим трудом можно было узнать человека – или точнее того, кто отчаянно пытался на него походить. Его недоразвитые ручки нервно подергивались, словно в попытке прикрыться от чужих ударов и щипков, но никак не могли ни защитить безволосое розовое тело, ни дать сдачи обидчикам.

В Городе их называли ходящими, и из всех Его творений они были самыми жуткими и самыми загадочными. Никто, включая самого Ури, не знал толком, зачем они здесь находились, откуда взялись и какую функцию выполняли. Не представляя опасности для чужаков, не говоря уже о жителях Города, и не принимая никакого участия в их испытаниях, ходящие просто бродили туда-сюда по улицам и наблюдали за всем своими крошечными черными глазками, спрятанными в складках неестественно обвисших век. Порой подходили слишком близко и как будто с намерением, но в итоге никогда ничего не делали. По версии Немо, Город использовал

их для наблюдения, но версия эта не была подкреплена ровно ничем, кроме его собственной паранойи.

Однажды Ури случайно убил одного из них. Почти не нарочно, просто тот попал под горячую руку. Ходящий умер быстро, не издав ни звука и не оказав никакого сопротивления. Впрочем, закричать он все равно не смог бы: рта, как и носа, ушей или половых органов, ни у кого из них не было. Позже его тело просто исчезло, и это могло бы в теории что-то значить, если бы в Городе порой не исчезали целые кварталы – просто потому, что в них больше не было нужды.

– И чего они прикопались к бедному придурку? – неодобрительно покачал головой Немо. – Делать им больше нечего.

– Если бы могли, они бы так отрывали по кусочку от чужака, – проговорил Ури, пожав плечами. – Но Город его так просто им не отдаст, так что выпускают пар как могут. Сам знаешь, за полгода мы все немного... проголодались.

А потом, не меняя выражения лица, со всей силы приложил друга тростью по плечу.

– Охренел, что ли?! – взревел Немо, чудом устояв на ногах.

– Прости, там комарик был, – ответил тот, выразительно двинув бровями взглядом указывая на спустившуюся сверху веревку, которая сейчас змеей обвилась вокруг полированного дерева его трости. Подняв взгляд вверх, Немо увидел то же, что и его друг несколькими секундами ранее: старуху в дырявом домашнем халате, стоявшую на балконе третьего этажа над ними. Один ее глаз неотрывно и жадно следил за обоими друзьями, а второй, наполовину выкатившись из орбиты, таращился куда-то вбок и вверх, словно пытаясь разглядеть что-то на крыше соседнего здания.

Старуха едва слышно бормотала что-то себе под нос и чавкала беззубыми челюстями. Веревка же продолжала обвиваться вокруг трости Ури, словно в самом деле собиралась утащить и ее, и ее хозяина наверх. Конечно, даже при всем желании из этого вряд ли бы что-то вышло, но немного попынтеть для вида, сопротивляясь, фокусник был просто обязан. Однако потом, убедившись-таки, что Немо оценил его старания и героизм, обернулся красно-желтым всполохом и растворился в воздухе.

– Давно ли тебя ловили на крючок, мой невнимательный друг? – томно поинтересовался Ури, снова воплотившись за спиной товарища. – Идем скорее, пока мадам не вытащила из кладовки что-нибудь посерьезнее.

– Она что, от стаи отбилась? – проворчал Немо, нервно, по-животному встряхиваясь. – Или даже они сочли, что чердак у мадам как-то с перебором протекает?

– Запросто, – подтвердил его друг, пожав плечами. – Обычно рожи у них гниют быстрее, чем мозги, но из любого правила есть исключения. На месте Крисси я бы тоже выставил ее за порог.

Рассуждая таким образом и продолжая движение по переполненным и взбудораженным улицам, друзья через некоторое время наконец добрались до пункта своего назначения – гигантского красно-белого шатра, приютившегося на углу двух пересекающихся улиц. Он не пылал огнями так же ярко, как Отель, но все равно заметно выделялся на общем фоне примитивной городской застройки. При этом выглядел так, будто его разбили тут буквально несколько дней назад и не сегодня завтра свернут, упакут и погрузят в трейлер, которому предстоит долгая дорога куда-то еще. Но это впечатление, как и многое другое в Городе, было, конечно, обманчивым.

– Не думаю, что его направят к нам, – отметил Ури, привычно поднимая полог шатра и пропуская Немо внутрь. – А жаль.

– Почему ты так решил? – уточнил тот, окунаясь в знакомое облако переплетенных цирковых ароматов: сахарной ваты, косметики и навоза.

– Не мой клиент, это я уже выяснил, – отозвался его друг. – Я своих за версту чую, а этот... Нет, думаю, это что-то по части Дока. В эту черепушку явно много чего интересного понапихано, и лезть туда без резиновых перчаток я бы не стал. Хочешь шарик? – Фокусник внезапно развернулся, ткнув своему гостю в грудь скрученным резиновым зверьком.

– Засунь его себе сам знаешь куда, – беззлобно посоветовал парень, и игрушка обиженно запищала в ответ на его слова, а потом, заработав своими надутыми лапками, спрыгнула на пол и удрала в неизвестном направлении.

– Папочка, ты вернулся! Ох ты, это что, гости? Немо? Немо, правда ты, что ли?

Взволнованный женский голос становился громче по мере того, как его обладательница спускалась откуда-то сверху. Еще секунда, и перед друзьями выпрямилась невысокая светловолосая девушка в облегающем пестром трико с блестками, под тонкой тканью которого больше, очевидно, ничего не было.

– А вот и ты, моя грация, – приветственно улыбнулся Ури, на мгновение прикоснувшись к полям своего цилиндра. Поймав взгляд фокусника, та едва заметно зарделась, но почти сразу вновь переключила внимание на их гостя, бросившись к тому на шею.

– Привет, Бина, – тоже поздоровался парень, не отказывая себе в удовольствии размашисто провести ладонями по ее спине и чуть ниже. – Соскучилась, признавайся?

– Конечно, – ретиво закивала она, сверкая улыбкой. – Между третьим и четвертым каждую ночь тебя вспоминаю, негодник.

– Разврат под моей крышей! – тут же патетически заломив руки, воскликнул Ури, а потом, не давая Немо отреагировать, с помощью трости отвел в сторону еще один полог, разделяющий отдельные жилые помещения внутри циркового шатра. Оттуда на всех троих сбивающей с ног приливной волной налетела музыка, и лицо фокусника приобрело торжественное, даже немного зловещее выражение. – Что ж, раз звезды так удачно сложились и ты заглянул... Добро пожаловать на шоу!

В лицо Немо брызнули конфетти и яркий свет прожекторов, и он едва успел прикрыть лицо ладонью, но защитить уши было невозможно. Его захлестнуло яростными трубами, перемежаемыми грохотом барабанов и разудалой пляской струнных, от которой звенело в голове. Поверх всей этой какофонии, которую только глухой счел бы приятной чисто из-за вибрации, трубили слоны, визжали клоуны и беспрестанно рукоплескали невидимые зрители.

Кое-как привыкнув к яркому свету и все же рискнув открыть глаза, парень увидел практически слипшуюся воедино людскую массу, извивающуюся посередине посыпанной опилками арены. Он видел перья, перекошенные маски, шутовские колпаки и морды каких-то животных, как будто бы перетекающие друг в друга. Огромные мускулистые руки в татуировках сжимали миниатюрную талию то ли гимнастки, то ли балерины в лиловой пачке и с ножками такими тоненькими, что она скорее походила на искусно сделанную марионетку, чем на живого человека. Двое акробатов обвилились друг вокруг друга, как змеи, переплетшись туже, чем сиамские близнецы. Карлик с огромной головой, одетый в костюм Шалтая-Болтая, все ахал и охал, попеременно то заглядывая под юбку пышногрудой девице с толстой змеей в руках, то ковыряя носком блестящего ботинка кучу навоза, наваленную, кажется, совершенно замученным конем, который едва стоял на ногах под тяжестью двух розовощеких близнецов, одновременно походивших на младенцев и двух уродливых гримасничающих старичков. И не только они, а больше, куда больше и ярче, но у Немо не было никакого желания разглядывать всю эту толпу в подробностях, и он быстро поднял взгляд вверх – туда, где на плечах силача в темном трико, стоял Ури, раскинувший руки в стороны и очевидно упивающийся творящимся у его ног фантасмагорическим безумием.

– Выпендрейщик, – негромко, но с явственно проскальзывающим в голосе обожанием вздохнула Бина, все еще державшая Немо под руку. – Никогда не упустит возможности устроить представление, даже если зритель всего один. Он ведь скучал по тебе не меньше, чем я,

милый. Почему ты совсем нас забыл? – Ластясь к парню, она скользнула руками к нему под куртку, снимая ее и вешая себе на локоть.

– Дела... были, – с усилием отозвался тот, встряхивая головой и пытаясь прекратить немилосердный звон в ушах, начавшийся там с того момента, как они вошли в зал. – Ури, да хорош уже! У меня башка сейчас пополам треснет! Вырубай нахрен!

После его слов цирковую арену тут же окутал мрак, от которого глаза Немо защищало только сильнее. А затем вспыхнул одинокий прожектор, осветивший понурую фигуру в красном на вершине горы замерших в неестественной позе тел.

– Как легко в нашем мире обидеть художника, – дрожащим и полным слез голосом произнес Ури. – И вы, вы топчете, швыряете на землю. И в нас, в нас летят ваши слова что кинжалы, брошенные неопытной рукой!

Продолжая нагонять пафос, он резко вскинул одну руку, в которой словно из ниоткуда вдруг появилось несколько метательных ножей. Рефлексы Немо сработали мгновенно, отбросив его назад, а уже в следующую секунду ножи засвистели в воздухе, втыкаясь в землю арены там, где он только что стоял.

Бина, не сдвинувшаяся даже на миллиметр, удивленно подняла брови, а потом наклонилась и, пальчиком собрав выступившую на разрезанной икре кровь, выразительно ткнула ею в сторону Ури.

– Фу таким быть, папочка, – капризно надула губы она.

– О, сокровище мое, прости, я немного не рассчитал! – покаянно склонил голову Ури. – Когда раненое сердце художника кровоточит, то немудрено забрызгать его слезами всех вокруг.

Он патетично запрокинул голову, прижав тыльную сторону ладони ко лбу, а Бина меж тем принялась с совершенно будничным выражением лица собирать его ножи, по одному выдергивая их из утоптанной площадки арены.

Гора молчаливо замерших тел под ногами Ури начала все так же беззвучно расползаться в разные стороны, медленно опуская фокусника на землю. Когда он вновь оказался на ногах, на арене уже не было никого кроме него, его помощницы и Немо, который, все еще с сомнением косясь на друга, снова подошел ближе.

– И как ты его выносишь? – ворчливо поинтересовался он у Бины, отряхивая одежду.

– Папочка любит пошуметь, но он такой славный, разве нет? – расплылась в восхищенной улыбке та. Кровь из ее разрезанной ноги уже перестала течь, а та, что осталась на коже, теперь отливала блестками, как детский лак для ногтей.

– Ну что ж, самое время обсудить дела, – объявил Ури, бросив короткий взгляд на свою помощницу и убедившись, что та в порядке. – Раз, два, три и – вуаля!

Он стукнул о землю тростью, и рядом с ним мгновенно появился накрытый столик с двумя стульями. Еда на нем выглядела почти аппетитно, пусть даже и была выложена в форме кривых улыбающихся рожиц. И глядя на нее, Немо вдруг осознал, что не может вспомнить, когда ел в последний раз – еда в Городе была таким же факультативным развлечением, как секс или алкоголь. Можно было пожевать ради вкуса, но чувства насыщения она не приносила – впрочем, и голод, терзавший местных обитателей, был совершенно иного толка. Однако парень не стал отказывать себе в этом простеньком удовольствии и, наколов на вилку как будто все еще кровоточащий и даже глухо постанывающий от боли стейк, с аппетитом отхватил от него зубами большой кусок, подчеркнуто игнорируя сиротливо лежащий рядом нож.

– Ну так вот, продолжая начатую тему: пообщался я, значит, с нашим новым гостем, – произнес после долгой паузы Ури, наблюдавший за этим свинством. – Соображает он вроде неплохо.

– Просто поражаюсь, как ты все успеваешь, – фыркнул Немо, откидываясь на спинку стула и сыто хлопая себя по животу. Обкусанное с нескольких сторон мясо тем временем уже вернулось на тарелку, расплескав вокруг себя соус, по цвету напоминающий брусничный.

– Ну, как оно обычно бывает, мой игнорирующий правила застольного этикета друг? – загадочно поиграл бровями фокусник. – Одна нога здесь, другая там, уши и глаза посередине. Было бы желание, а способ найдется. Не мне тебе объяснять.

– Да уж, – довольно причмокнул парень. – Так, говоришь, он показался тебе смышленным?

– А тебе нет? – как будто даже удивился тот. – Мне кажется, он нутром чует подставу. Пока не может сформулировать, что именно его сбивает с толку, но принимать произошедшее за норму не собирается точно. В любом случае, если он не справится, то, значит, останется здесь и составит тебе, мой параноидальный друг, нехилую конкуренцию.

– Мне? – Подобная мысль заставила Немо пренебрежительно скривить губы. – Ты его знаешь полтора часа и уже считаешь, что он способен составить мне конкуренцию? Seriously?

– Просто говорю, что он кажется умнее большинства. Только и всего. – Ури неопределенно улыбнулся.

– Хочешь пари? – изогнул бровь парень. – Я бы дал ему... пару недель максимум.

– Не думаю, что пари состоится, учитывая, что ты явно собираешься вмешаться в ход его испытаний, мой нетерпеливый друг, – резонно возразил ему хозяин цирка. – Я ведь прав?

Немо на это ничего не ответил, решив на всякий случай попридержать свои планы при себе. И вместо этого не слишком плавно сменил тему:

– А с другой стороны и хорошо, что он не совсем debil. Нам только вторых Книксенов еще не хватало. Помнишь тех придурков на минивэне?

– Их забудешь, – закатил глаза Ури, легко позволяя увести себя в сторону.

– Ой, вы про тех забавных ребятишек? – встрепенулась как будто немного задремавшая к этому моменту разговор Бина.

– Ребятишек, как же, – крикнул парень. – Кучка тупорылых реднеков, перетрававших друг друга еще в младшей школе.

– Инцест – дело семейное, – вздохнул фокусник, и на мгновение Немо показалось, что на этих словах глаза его сверкнули особенно насмешливо и многозначительно, но парень поспешно отогнал от себя эту мысль.

– Они почти неделю были уверены, что все в порядке, – продолжил вместо этого гнуть свою линию он. – Даже успели подружиться с кем-то из охотников и не смутились тому, что у него пол-лица сгнило.

Видимо, вспомнив этот эпизод особенно ярко, фокусник от души посмеялся, а потом сделал очевидный вывод:

– Местные методы не всем подходят, это правда. Чтобы считать настолько тонкие намеки и подсказки, какие Он любит давать поначалу, нужно как минимум знать, что такое намек и подсказка. И как эти слова пишутся.

– Поэтому то, что половину из них в итоге сожрала Тварь, в какой-то мере даже справедливо, – резюмировал Немо. – Таким, как они, только к ней и дорога. Как и любому мусору.

Ури задумчиво пожевал губы:

– Тебя послушать, так она не самое страшное и загадочное создание в Городе, а обычный диспоузер. Типа тех, что ставят под кухонные раковины.

– Ну, можно и так сказать, – пораскинув мозгами, подтвердил парень. – Только я бы, скорее, сравнил ее с тем, что оттуда потом выходит. Ну или... еще из какого другого места.

– Фу, Немо, мы же за столом, – наморщила носик Бина, и рожицы на оставшихся на столе блюдах тут же скривились, вторя ей.

Но тот ожидаемо проигнорировал ее недовольство:

– Сами посудите: Город жрет немереное количество всякой дряни уже Спящий знает сколько десятилетий. Конечно, не все переваривается или остается в Отеле. Что-то просто

срыгивается или... ну вы поняли. Вот и получается самая отборная срань, которую только можно себе представить. Разве не так?

– Звучит так, будто ты совсем недавно много об этом думал, – отметил фокусник, продолжая с нескрываемым интересом наблюдать за своим другом из-под полуопущенных ресниц.

– Я вообще склонен к размышлению и метаанализу, – хмыкнул тот. – Нет, ну а в чем я не прав? Для каждого чужака Город строит свой лабиринт, а этот херов Минотавр всегда один и тот же. Причем некоторым везет только издалека поглядеть, другим приходится от него побегать, а самым отпетым неудачникам – познакомиться поближе. От чего зависит степень погружения? От очков, которые набрали и не набрали чужаки во время испытаний? А как же мы с вами? У нас тоже испытание? Я в прошлый раз, например, еле целым ушел. Это как объяснить? – Немо с вопросом посмотрел на обоих своих собеседников, но те молчали.

– В любом случае, – продолжил он, – я бы унизил интеллект и воображение нашего Создателя, – это слово прозвучало с ощутимой иронией, – если бы решил, будто Он играет во всех спектаклях одной марионеткой, потому что Ему просто лень сделать другую. Тут дело явно в другом.

– Говорят, она стала чаще появляться, – проворковала Бина, склонившись ближе, отчего Немо ощутил, как ее мягкая теплая грудь легла на его плечо. Ощущение было приятным и немного сбивало с мысли. – Но не думаю, что Городу это по нраву. Она может помешать Его планам.

– Так вы тоже считаете, что Он ее не контролирует? – ухватился за эту мысль парень.

– Тут сложно сказать, знаешь ли, – выразительно двинул бровями Ури. – Смотря, что ты имеешь в виду под контролем. Нападает ли она по Его воле или жрет сама всех, кто попадает к ней на пути? И если второе, то может ли она спутать Городу планы, сожрав те фигуры, которые Он с такой любовью расставил на поле? Например, нашего славного друга Эрика Сая? Было бы обидно, если бы Тварь зажевала его еще до того, как мы успеем хорошенько развлечься.

Он поднял правую руку, с которой сейчас свисала неизвестно откуда взявшаяся марионетка на ниточках в виде бесформенной черной кляксы с ярко-алым улыбающимся ртом.

– Один лощеный хер, заведующий ключами, сказал бы, что все здесь происходит исключительно по Его воле. Даже я. – Немо скривился. – Все мои поступки, слова, сомнения и даже мои попытки бунтовать против устоявшихся порядков – это не что иное как проявление Его воли. В его картине мира даже ходящие в Городе срут строго по расписанию.

– Если у них нет рта, чтобы есть, откуда возьмется дырка, чтобы срать? – рассмеялся Ури.

– Ты удивишься, как много дерьма могут производить некоторые личности. И им для этого жопа вообще не нужна.

– Может, хватит о дерьме, милый? – закапризничала Бина, наклоняясь ниже и цепляя губами кромку его ушной раковины. – У нас есть куда более приятные темы для разговора. И не для разговора тоже.

На мгновение Немо задержал дыхание и пару раз моргнул, усилием воли заставляя себя сосредоточиться. Когда девушка отстранилась, то место, к которому она прикоснулась, как будто слегка онемело.

– Проголодалась? – уточнил Ури, чуть прищулив свои красно-золотые глаза и с интересом глядя на свою помощницу. – Может, мне вас оставить?

– А ты не хочешь составить нам компанию и посмотреть? – кокетливо уточнила та, опустив ресницы и запустив руки Немо под футболку.

– Не в этот раз, – мотнул головой тот. – Прости, моя грация. Боюсь... упустить что-нибудь важное, если не буду держать руку на пульсе.

– Ничего, – как будто с искренней печалью вздохнула та. – Я понимаю.

– Вы вообще в курсе, что я все еще вас слышу, извращенцы хреновы? – закатил глаза Немо.

Бина засмеялась, легонько обогнув стул, на котором тот сидел, и уверенно оседлала колени парня.

– Ты еще помнишь, где у меня молния? – игриво прошептала она, глядя ему прямо в глаза и слегка ерзая на его ногах. – Я вот отлично помню, где твоя. – И ее пальчики скользнули по его футболке вниз, к ширинке.

Не отказав себе в удовольствии понаблюдать за ними еще с полминуты, Ури все же поднялся со стула, а затем, не прощаясь, растворился в окружающей арену темноте.

Домой Немо возвращался под утро. Опять двигался по крышам, но дважды едва не вернулся вниз – сказывалась бессонная ночь и силы, потраченные на убаживание ненасытной циркачки. Бина умела выпивать его досуха, и он бы ничуть не удивился, узнав, что она получает от этого не только физическое удовольствие.

В отличие от остальных обитателей цирка, девушка не подчинялась воле Ури напрямую и не сливалась в общую кучу с прочими артистами, а значит была такой же, как они оба – такой же, как Аполло, Карл и Шайни. Может быть, менее заметной и играющей не такую важную роль – всего лишь второй скрипки после своего эксцентричного маэстро, – но тем не менее.

Их с Биной отношения длились уже много лет, но никогда не выходили за пределы постели. Маленькая циркачка была умелой и пылкой любовницей, рядом с которой он забывал обо всех своих тревогах и печалях, но сердце ее ему никогда не принадлежало – и, впрочем, стоило признать, парень за ним не охотился. Его полностью устраивало то, что было между ними сейчас – лишенное обязательств или хоть сколько-нибудь серьезного веса.

В конце концов, они оба прекрасно понимали, что ищут друг в друге замену тех, кого получить никогда не смогут.

Войдя в их общую с сестрой квартиру через окно, Немо затаил дыхание и прислушался. Стены ответили ему молчанием, но это было совсем не то уютное, сонное молчание, в котором тебя кто-то ждет. Борясь с подспудно нарастающей тревогой, парень нахмурился и направился к спальне Шай. А по обыкновению войдя туда без стука, обнаружил, что постель девушки была пуста и, более того, аккуратно заправлена, словно в ней сегодня вообще никто не спал.

Это ему уже совсем не понравилось.

Закрыв глаза, Немо сосредоточился на собственных ощущениях. Маленький теплый огонек в его груди бился слабо, почти неощутимо. Где бы сестра сейчас ни была, это место находилось достаточно далеко отсюда.

Неужели она все-таки потащилась в этот проклятый Отель?

Немо скрипнул зубами с досады, но сил проверять эту гипотезу у него все равно уже не было. Поэтому, пообещав себе завтра же устроить сестре головомойку за нарушение комендантского часа, парень, не раздеваясь, забрался в ее постель и уткнулся носом в подушку, пахнущую ее волосами.

Нестрашно. Мелкие проволочки ему не мешают. Настоящая игра начнется завтра, и вот там он уже приложит все усилия, чтобы все пошло именно так, как он того хотел.

Глава 5. Поющие мальчики

Шайни вернулась только утром. Немо, почувствовавший ее приближение даже сквозь сон, беспокойно заворочался в постели, сбивая на пол вдруг ставшее таким жарким одеяло. Его грудь пульсировала все нарастающим теплом, растекавшимся от сердца к кончикам пальцев, и как парень ни старался удержаться в блаженном состоянии невесомости и покоя, реальность брала свое. Ему все еще чудились чьи-то голоса и лица – не сном, но как будто не до конца созревшим воспоминанием, – но стоило новому дню навалиться в полную силу, все смутные обрывки чего-то будто бы важного растаяли в утреннем тумане.

Легонько скрипнула приоткрывшаяся дверь в комнату, и Немо уже достаточно ясно различил разочарованный вздох сестры, которая, кажется, надеялась, что ее позднее – или уже правильнее было бы сказать раннее? – возвращение останется незамеченным. Помедлив пару секунд, она развернулась, явно собираясь сбежать с места преступления, но не успела.

– Ты почему дома не ночевала?

Голос со сна был хриплым, ломающимся, и Шай вздрогнула, услышав его. Помедлила еще немного на пороге, словно взвешивая все за и против, но потом все же вошла внутрь и, подойдя к своей занятой кровати, плюхнулась у брата в ногах. Тот, не открывая глаз, поморщился и выдернул из-под нее придавленную левую ступню.

– А ты чего в моей кровати забыл? – с неубедительным вызовом в голосе поинтересовалась она.

– Тебя ждал, а потом задремал. Повезло тебе, что я вчера вымотался, как собака, а то бы...

– А то бы что? – перебила его девушка, кажется, досадуя даже больше не из-за того, что он опять ее допрашивал, а из-за того, что и впрямь чувствовала себя виноватой перед ним.

Он все же приоткрыл глаза, поймав ее одновременно виноватый и раздраженный взгляд, и выразительно двинул бровями, как бы давая понять, что ее вопрос прозвучал скорее риторически. Шай надулась, сложив руки на груди и пиная носком ботинка ножку стоявшего рядом с кроватью комода.

– Я к Мари ходила, – наконец сообщила она. – Она мне помогла с краской на ноге разобраться.

– Неужели у нее где-то на полке завалялся растворитель? – с сомнением протянул ее брат.

– Нет, она... Сам смотри.

Спрыгнув с кровати, девушка отошла чуть в сторону и сняла со стены зеркало. Поставила его на пол, прислонив к стене, и снова обернулась к брату.

– Тебе видно?

– А что именно я должен увидеть? – нахмурился он, щуря глаза. – И сразу предупреждаю, что к общению с подозрительными лишаистыми мордами с утра пораньше я морально не готов.

На это Шай только фыркнула, а потом многозначительно ткнула пальцем в собственную ногу.

– Вижу. Нет краски, – подтвердил Немо. – А при чем тут... – он не договорил, перебив сам себя и только сейчас осознав наконец, что сестра имеет в виду.

Реальность, отраженная в зеркале, отличалась от той, что он видел своими глазами. Потому что у Шай по ту сторону стекла нога все еще была заляпана красным, в то время как у Шай в комнате кожа на ноге была абсолютно чистой.

– О, – удивленно поднял брови парень. – А я и не знал, что она так умеет.

– Скорее тебе просто было настолько все равно, что эта информация ни одной лишней секунды не задержалась у тебя в голове, – возразила девушка.

– А это разве не одно и то же? – философски пожал плечами он, а потом, не дав ей ответить, добавил: – Значит, профилактическое надираание жопы Вану отменяется? Жаль, я как раз после завтрака собирался размяться.

– И думать забудь, – сурово сдвинула брови его сестра. – Я сама с ним поговорю. Где он живет?

– На Шестой улице, – пожал плечами Немо. – В том уродливом полуразвалившемся небо-скребе. А о чем ты с ним говорить-то собралась?

– О том, о чем и с тобой говорю из раза в раз: с Тварью шутки плохи. И нечего за ней бегать.

Сказав это, Шай направилась к окну и одним резким движением раздвинула тяжелые шторы. Ее брат протестующе замычал, закрывая лицо руками, когда в комнату хлынуло солнце. Даже несмотря на то, что оно всего лишь отражалось от окна в доме напротив, стоящем почти вплотную к их собственному, парню показалось, что кто-то попытался лазером выжечь ему сетчатку.

– Почему ты вечно таскаешь его за собой? – с почти не наигранным страданием просто-нал он, до боли растирая пульсирующие красными пятнами глаза.

Солнце действительно всегда следовало за девушкой – неотвязно, настойчиво, как без-устанный небесный сталкер. Каким бы плотными и густыми ни были облака, стоило Шайни появиться где-то поблизости, в них немедленно образовывался просвет. А потом, когда она уходила, тот перемещался вслед за ней – будто прожектор, подсвечивающий на сцене только главного героя.

– Я не виновата, что оно меня...

– Да-да-да, слышал уже! Все тебя любят и жить без тебя не могут! Свежо предание. – Он не хотел, чтобы это прозвучало так грубо, и когда в комнате воцарилась внезапная тишина, начал судорожно соображать, как бы отыграть назад и свести все в шутку. И совсем не ожидал, что на него сверху вдруг приземлятся пятьдесят с лишним килограммов живого веса.

– И ты тоже, – уверенно заявила Шай, устраиваясь поудобнее, отчего все его неподготов-ленное тело мгновенно взмолилось о пощаде.

– Чего тоже? – сдавленно буркнул Немо, все еще шурясь и моргая слезящимися глазами.

– Любишь меня и жить не можешь, когда я не с тобой. Разве не так? – она явно просто пыталась сменить тему и вряд ли знала, как точно и прицельно попадает в его самую болезненную точку. Причем в таком положении уже не только словами.

– Просто волнуюсь, что тебя кто-нибудь... – Немо не договорил, потому что в этот момент тонкий палец сестры оказался плотно прижат к его губам.

– Никто меня не тронет, – уверенно покачала головой она. – Тебе совсем не нужно волноваться обо мне, правда.

Он затаил дыхание, не позволяя себе прикоснуться к ней руками или даже вдохнуть слишком шумно. От тяжести ее тела и ощущения ее пальца на губах у парня мгновенно выбило все пробки в голове, и он как будто провалился в глубокий колодец, наполненный горячей водой. Жар в груди, пульсируя и наливаясь силой, стал почти болезненным, и, вероятно, это отразилось в резко изменившемся выражении его лица и глаз, потому что Шай, словно вдруг осознав, что делает, поспешно отстранилась и скатилась на пол.

– Я постараюсь больше тебя не волновать, – неуклюже резюмировала она, вся подобрав-шись и не глядя на него.

Немо ответил не сразу, продолжая лежать на спине и таращиться в потолок. Понимала ли, что она делает? Делала это нарочно? Или, как и всякий ребенок, в своей беззаботной непо-средственности не отдавала отчета о последствиях и смысле своих действий? Пока эти послед-ствия не становились совершенно очевидны и неизбежны?

– Врешь, – наконец выдохнул парень. – Как и всегда.

Шайни ничего не ответила, просто неопределенно повела плечом.

Они оба знали, что эти споры ни к чему не приведут. Сколько уже раз Немо пытался запереть сестру в месте, которое хотя бы частично соответствовало его представлениям о безопасности, и сколько раз они ссорились после того, как она нарушала комендантский час и сбегала куда-то. Однажды он даже пытался проследить за ней, но не только не достиг успеха на этом поприще, но и умудрился в ту же ночь наткнуться на Тварь, которая едва не оттяпала ему руку. Что любопытно, именно его рана, а не праведное возмущение больше тронула сердце Шай, и та почти две недели примерно сидела дома, никуда не высываясь и играя роль идеальной домохозяйки, пока с тела ее брата не сошли последние следы ожога. Но в конечном счете все всегда сводилось к одному – она убегала, он злился, потом она просила прощения, а он... он просто позволял этому циклу повторяться снова и снова.

На завтрак, как всегда, были хлопья с молоком. В неизменности Города были свои определенные плюсы – каждый новый день начинался с полной бутылки молока и непечатой пачки хлопьев в их навесном шкафчике. Шай иногда капризничала, требовала какого-то разнообразия, и тогда Немо ничего не оставалось как пошарить по соседним квартирам, где можно было найти бекон, яйца и даже свежие булочки. Правда за булочками этими приходилось лезть по фасаду здания на пять этажей вверх, потому что лестницы внутри самого дома обрушились еще на этапе строительства, так что сестре нужно было каждый раз проявлять чудеса изобретательности и терпения, чтобы заставить его подняться за ними.

– И почему ты просто не воспользуешься лифтом? – спросила она как-то раз, вконец раздосадованная его ленью и упрямством.

– Я что, похож на идиота? – едва не подавился хлопьями Немо. – От этого лифта на километр разит мертвечиной. Я в нем либо застряну на ближайшие двадцать лет, либо он меня переверлит за те полминуты, что едет вверх. Ну уж нет, это без меня.

– Трусишка, – высунула язык Шай.

– Тебе надо, ты и езжай, – невозмутимо пожал плечами ее брат, но стоило девушке воодушевленно дернуться в сторону двери, как он перехватил ее за талию, дернув к себе и заодно впечатав спиной в стену для надежности. – Я пошутил, Шай. Не надо мне назло творить глупости. Сама же знаешь, что в итоге все шишки достанутся мне, потому что это я полезу тебя оттуда доставать.

– Мой милый храбрый рыцарь, – тут же растаяла она, обнимая его за шею.

– Да ты уже определись, рыцарь или трусишка, – пробурчал Немо, отпуская ее и позволяя вернуться к завтраку. – Достану я тебе твои булочки. Завтра, ладно? Сегодня правда жутко влом.

Они давно жили вдвоем. Иногда перебирались из одной квартиры в другую, когда Шай надоедал один и тот же вид за окном или когда Город в порыве архитектурного вдохновения за ночь полностью перестраивал квартал, где они обитали на тот период – но всегда только вместе. Она звала его братом дольше, чем он помнил себе жизнь без нее – а она вообще казалась скорее сном, чем чем-то реальным и когда-то имевшим место. Сначала это было удобно, потому что убирало лишнюю неловкость в их и без того непростых отношениях, а потом стало привычкой. Он ее защищал, она ему доверяла, и все вокруг давно уже воспринимали их как одно целое.

В какой же именно момент ему перестало этого хватать и он захотел большего? Быть не просто братом, защитником и рыцарем, а кем-то, кто имеет право на все то, что ему позволяла делать с собой Бина? В какой момент их привычные уютные объятия вдруг стали вызывать у него совсем другую реакцию, заставляя их обоих смущаться и поспешно отстраняться друг от друга?

Немо не помнил. Одно знал наверняка: Шайни прекрасно знала о его чувствах и желаниях. Именно поэтому в ее глазах появлялись смущение и стыд всякий раз, когда она чувство-

вала, как каменело его тело под ее прикосновениями. Но им обоим легче было делать вид, что ничего не происходит, потому что прямой разговор без вариантов закончился бы ее отказом и их неизбежным расставанием.

И, судя по всему, они оба совершенно не были к такому готовы.

Поднапрягшись, Шайни открыла кухонное окно, сдвинув вбок слегка заедающую створку. Потом цапнула с тумбы уже немного размокшие в молоке хлопья и вылезла на пожарную лестницу снаружи. Полюбовавшись пару секунд на ее стройные ноги, бодро убегающие вверх по дребезжащим металлическим ступеням, Немо вздохнул, взъерошил волосы и полез следом за сестрой.

– Если тебе так нравится сидеть на крыше, может, просто найти квартиру в доме повыше и...

Он сбился с мысли открывшимся ему видом, и на некоторое время вообще забыл, что собирался сказать. Шай же, отреагировав на его внезапно оборвавшуюся фразу, обернулась через плечо, широко улыбнулась и кивнула:

– Здорово, правда? Поющие мальчики вернулись.

Немо не ответил, совсем не уверенный, что может описать свои чувства к этому зрелищу тем же словом, однако спорить не стал. Просто тихонько подошел и сел рядом с сестрой, во все глаза вглядываясь в горизонт.

Возможно, сам бы он их не заметил. Хотя бы потому, что здесь, на крыше, все было залито солнцем, а там, ближе к окраинам, Город был затянут плотным белесым туманом, как если бы часть декораций была закрыта от зрителей полупрозрачным занавесом. И там, среди клочковатой мглы, двигались тени. Они возвышались над домами, шагая сквозь туман медленно и величественно, как идущие по тихой воде корабли. Похожие больше на многократно увеличенных в размерах рисованных человечков, чем на настоящих людей – слишком длинные, тонкие, нескладные. С непропорционально длинными руками и ногами, с гладкими темными овалами вместо лиц, они ступали сквозь туман совершенно бесшумно, иногда касаясь пальцами-ветками крыш и билбордов и издавая жалобные долгие стоны, похожие на пение горбатых китов. От этих звуков у Немо всегда мороз бежал по коже – ему начинало казаться, что он забыл что-то безумно важное и из-за того, что он это забыл, обязательно случится нечто ужасное.

Он никогда не спрашивал, о чем думала Шай, когда «поющие мальчики» снова оказывались в Городе, но ее взгляд в такие моменты становился особенно непроницаемым. Она словно закрывалась от всего мира – и от брата в том числе – и переживала что-то такое, о чем этому самому миру знать не следовало. Немо не знал, почему никогда ее об этом не спрашивал. Может быть, не хотел слышать честный ответ. А может, боялся этого.

«Поющие мальчики», как их называла Шай, появлялись в Городе раз в несколько месяцев, иногда чаще. Они несли с собой туман и пробирающиеся до костей песни, и никто не знал, откуда они приходят или куда направляются. «Мальчики» были единственными обитателями Города, которым тот позволял покидать свои пределы. Они были их единственной связью с внешним миром – где бы этот мир ни находился и как бы ни выглядел.

Немо и Ури даже как-то поспорили, кто из них сумеет оседлать одного из тощих гигантов и пересечь на нем незримую линию границы Города. Тогда все вышло скверно и странно, и парень не слишком-то любил вспоминать подробности их неудачи. Скажем так, тогда им ясно дали понять, что подобные попытки не приведут ни к чему хорошему. И это был тот самый день, когда Немо всерьез начал задаваться вопросом о том, как далеко простирается власть Города и возможно ли как-то сбросить ее с себя.

– Чужака отправили к госпоже Чиок, – наконец после долгого молчания, разбавляемого лишь приглушенным тоскливым завыванием «поющих мальчиков», проговорил парень. – Ури вчера сказал. Я подумал, тебе будет интересно.

Шай обернулась к нему, чуть склонив голову набок и как будто размышляя над его словами.

– Ты опять пойдешь к нему? – спросила она чуть погодя.

– Конечно, – пожал плечами Немо. – Я ждал такой возможности хрен знает сколько. А ты...

– Я не люблю Школу, ты же знаешь. – Ее в самом деле передернуло, будто озноб пробежал по коже. – У госпожи Чиок слишком... строгие правила. Не хочу снова попасться ей под горячую руку.

Она улыбнулась как будто виновато и зачем-то попыталась одернуть свои короткие шорты, хотя, очевидно, что это было совершенно бесполезно.

– Я обещал, что в следующий раз, если она поднимет на тебя руку, я ей ее линейку прямо в задницу вставляю, – с серьезным видом напомнил Немо, и его сестра не сдержала смущенного хихиканья, прикрыв свой большой рот ладошкой.

– Все равно нет смысла рисковать. Чужак же... никуда не денется, да? – спросила она, справившись с эмоциями и снова переведя взгляд на горизонт, где среди крыш неспешно двигались гигантские тонкие фигуры.

В любой другой день и момент Немо бы, возможно, обратил внимание на то, как быстро сестра переменила свое мнение и намерения относительно прибывшего в город человека, но в тот момент все его мысли были в совершенно другом месте. Потому он просто удовлетворенно отметил про себя, что одной проблемой стало меньше, а потом снова поднялся на ноги, от души хрустнул затекшей спиной и, коротко попрощавшись с сестрой, прыгнул в разлет между крышами.

Не глядя, ухватился за край металлической вывески, гласящей, что на четвертом этаже есть студия тайского массажа, спустился по ней немного ниже и ногами вперед нырнул в приветливо открытое окно. Пробежал по пустому коридору, краем глаза отметив какую-то призрачную шушери, пугливо приснувшую по углам за приоткрытыми дверями, на ходу сдернул со стены огнетушитель и швырнул его в окно перед собой. Он повторял этот трюк уже столько раз, что знал траекторию полета почти всех осколков и точно представлял, как надо изогнуться, проскальзывая в образовавшуюся дыру, чтобы не порвать куртку и не засадить стеклянных заноз под ногти. И несмотря на то, что этот кульбит был довольно непростым и трудозатратным, так все равно получалось быстрее, чем пешком по лестнице.

У Немо было очень много попыток, чтобы в этом убедиться.

Он до последнего сомневался, увидит ли Эрика Сая там, где ему положено было находиться – чужак показался ему достаточно твердолобым и упертым, чтобы продолжать стоять на своем и сопротивляться даже в очевидно патовой ситуации. Это могло стать досадным, но вполне преодолимым препятствием.

Однако все обошлось. Еще за квартал от Школы Немо почувствовал ее запах – разгоряченный, распаленный, сочный и откровенно красующийся. Таким он мог стать, только напившись чужой энергией, а это в свою очередь означало только одно.

– Послушный мальчик, – довольно пробормотал парень, ослабившись себе под нос, а потом одним последним мощным рывком выбросил себя из сумрачного переплетения городских проулков к распахнутым школьным воротам.

Вытянутое серое здание в четыре этажа было огорожено от улицы высоким чугунным забором с замысловатыми завитками вдоль декоративных пик, идущих вдоль его верхнего края. При взгляде на них ему вдруг вспомнились насаженные на эти пики детские головы, бодро и с неподдельным энтузиазмом распевавшие гимн Школы. Кажется, это было лет пять назад – или уже больше? Даже повидавший всевозможные милые шуточки Города после конкретно этой Немо еще какое-то время ходил под впечатлением. Он уже не помнил, для кого и

по какому поводу было устроено то представление, но сама картинка невероятно четко отпечаталась в его памяти.

Госпожа Чиок никогда не чуралась громких и претенциозных заявлений. Можно сказать, из всех его городских знакомых – шапочных или близких, – она была самой категоричной и до садизма прямолинейной. Ничего удивительно, что Шай предпочитала обходить ее владения стороной. Что и говорить, Немо бы и сам сюда не сунулся, если бы не опасался, что чужак свяжется не с той компанией – или сделает неправильные выводы из того, что увидит. В дальнейшем это могло бы все испортить.

Приглядевшись, он рассмотрел фигуру Эрика Сая во внутреннем школьном дворе. Тот сидел на корточках и разговаривал с кем-то – вполне возможно, что с одной из маленьких помощниц госпожи Чиок. Уж кто-кто, а эти мелкие гремлины достигли невероятных высот в мастерстве маскировки и притворства. Так убедительно хлопать ресничками и надувать губки не получалось даже у Шай, хотя та делала это абсолютно искренне, в то время как в искренность девочек Чиок поверил бы только слепой.

Ну или какой-нибудь непуганый идиот вроде Эрика Сая.

Размышляя таким образом, Немо неспешно направился к чужаку, но не успел сделать и пары шагов, как чугунные ворота, увитые засохшим девичьим виноградом, захлопнулись с оглушительным грохотом перед самым его носом.

– Эй, ну серьезно? Опять? – в голос возмутился Немо, разводя руками. – Вы так и будете припоминать мне тот случай? Да это же сто лет назад было, ну! Откуда мне было знать, что она такотреагирует? И насчет линейки я пошутил, честное слово!

Школа молчала, и ее отражающие серое небо окна смотрели на него презрительно и гневно. Немо поморщился и с трудом сдержал порыв засадить кулаком по затянутым сухими стеблями воротам. Потом завертел головой, озираясь в поисках способа все-таки пробраться внутрь.

Попытаться перелезть поверху? Парень с сомнением покосился на вроде бы безобидные и даже не слишком острые пики в верхней части ограды. Почему-то он был уверен, что стоит ему несмотрительно оказаться над ними – хоть в прыжке, хоть перелезая, – они найдут способ обмануть гравитацию и оказаться у него в животе или еще где похуже. От этих мыслей неприятно зачесался копчик, и Немо поспешил стряхнуть лезущие в голову образы.

С Отелем в этом плане было куда легче, ведь его двери всегда были открыты и проскользнуть внутрь незамеченным не составляло особого труда. В Школе же фейс-контроль был намного строже. Особенно после случая с той девушкой-чужаком.

Немо и представить себе не мог, что его ненавязчивое вмешательство в ход ее испытания будет иметь такие последствия – в конце концов, среди всех монстров и призраков, что обитали в Городе, себя он считал одним из самых обаятельных и нестрашных. Но отчего-то всего пары довольно невинных, на его вкус, шуток с заедающими дверьми и трупами в подсобке оказалось достаточно, чтобы девица перепугалась насмерть и отказалась проходить свое испытание. А потом и вовсе повесилась прямо посреди школьного холла.

В общем и целом Немо, конечно, мог понять претензии госпожи Чиок по этому поводу – до того инцидента у Школы почти не случалось осечек и статистика успешных кейсов была одной из лучших в Городе, – но надеялся, что за прошедшие годы все это уже выветрилось у нее из головы.

Что ж, видимо, у госпожи директрисы была исключительно долгая память. И парень у нее – как и у многих других в Городе, надо полагать – давно попал в черный список.

– В черном-черном Городе, в черной-черной Школе, в черном-черном столе лежит черный-черный список, – пробормотал Немо себе под нос, мысленно коря себя за то, что напрочь забыл об этой проблеме и ее возможных последствиях. – Да ну в самом деле!

– Эй ты, – вдруг услышал он напряженный голос с другой стороны ограды. – Ты же тот коридорный, верно? Из Отеля?

О, ну можно и так.

– Можешь звать меня Немо, – подтвердил парень, подходя ближе. – Карл попросил вернуть тебе бумажник, но, судя по всему, это уже не самая актуальная твоя проблема, – и он кивнул на пространство двора позади Эрика. – Она уже натравила на тебя своих щенков, да? Что они успели тебе наплести?

– А твое какое дело? – тут же отреагировал мужчина, сузив глаза. – Чего ты вообще за мной таскаешься?

– Потому что я фанат смазливых мужиков за тридцать? – задумчиво предположил Немо. – Или потому что не мог пропустить начало первого акта? Какой вариант больше льстит твоему брутальному мужскому эго?

– Тот вариант, где ты сваливаешь нахрен, – обрубил Эрик, но тем вызвал у своего собеседника только добродушный и почти даже умиленный смех:

– Я бы на твоём месте не торопился, умник. Я тут вообще единственный, кто скажет тебе правду и ответит прямо на любой вопрос. Остальные будут голову тебе морочить до самого конца. Да и в конце... там вообще не факт, что пазл сложится. Ты разве еще не понял, как тут все работает? Они будут кидать тебе по одной крошке и вести на поводке туда, куда им нужно. Пойдешь за ними – так и не поймешь, в чем была соль на самом деле. Пойдешь со мной – и узнаешь, насколько глубока кроличья нора. – И он интригуяще поиграл бровями.

Мужчина досадливо скривился, но, кажется, что-то в словах Немо все-таки его зацепило.

– А тебе что за выгода быть правдорубом? – неохотно поинтересовался он.

– Как по мне, так интереснее, – с готовностью пояснил тот, выразительно сверкнув темными глазами. – Вместо того, чтобы наблюдать, как ты вслепую тыкаешься по углам, я хочу посмотреть, что будет, если сразу дать крысе подробную карту лабиринта. Ты мне кажешься не таким, как все остальные, Эрик Сай. Поэтому я бы вообще пропустил прелюдию и сразу перешел непосредственно к самому интересному.

– Не таким, как остальные? – мгновенно выцепил самое важное тот. – Какие еще *остальные*?

– А ты думаешь, ты тут первый? – обезоруживающе улыбнулся Немо, разводя руками. – И все это построили и устроили ради тебя одного? Самомнением ты не обделен, Эрик Сай.

– Где – *тут*? – с нажимом произнес мужчина, делая шаг вперед и неосознанно сжимая прутья ворот. Стебли дикого винограда захрустели под его пальцами.

– Баш на баш, приятель, – невозмутимо отозвался парень. – Я отвечу на три любых твоих вопроса со всей искренностью, на которую отродясь не был способен, а ты взамен возьмешь меня с собой. Хочу, знаешь ли, в кои-то веки посмотреть спектакль из первого ряда, а не из-за кулис. А то хер его знает, сколько нас потом еще будут голодом морить, когда твоя история закончится. Ну что, по рукам?

Он протянул руку вперед, предусмотрительно не прикасаясь к ограде, и принялся терпеливо ждать. На лице Эрика отражалась напряженная работа мысли. Мужчина явно пытался прикинуть все за и против, отыскать возможные подводные камни и потенциальные ловушки, но у него было слишком мало исходных данных, чтобы собрать все это в цельную и однозначную картинку. Однако, как ни крути, слова Немо звучали если не разумно, то хотя бы логично и конструктивно. Мог ли Эрик быть в нем уверен? А с другой стороны – в чем или ком вообще он мог быть уверен? После того, как этот бредовый сон, в котором он оказался, не закончился наутро и мужчина снова проснулся в Отеле, без признаков похмелья или голода, у него становилось все меньше и меньше отговорок для самого себя и причин не считать себя окончательно спятившим. И если у Немо найдется хотя бы мало-мальски правдоподобное объяснение всему этому, то это звучит уже как неплохое начало. А дальше можно разбираться по ходу.

– Идет, – наконец произнес Эрик и, просунув руку сквозь ограду и сухие листья, сжал раскрытую ладонь парня. Тот мгновенно просиял, и улыбка его мужчине совершенно не понравилась.

«Вот так и заключают сделки с Дьяволом», – мелькнуло у Эрика в голове.

– Ну? Мы так и будем стоять тут как неродные? – поинтересовался меж тем тот. – Или ты меня все-такипустишь?

– Да, сейчас, – уже с меньшей уверенностью кивнул Эрик и, отпустив руку своего нового компаньона, потянул на себя створку ворот. Та беспрепятственно поддалась.

Глава 6. Девушка в бордовом пиджаке

На самом деле Эрик Сай вовсе не собирался следовать указаниям и идти в Старшую школу Чиок. Откровенно говоря, он вообще надеялся проснуться где-нибудь в другом месте и осознать, что все эти персонажи и события были всего лишь бредом его отравленного разума. Но кошмар и не думал заканчиваться: когда мужчина открыл глаза, то обнаружил себя все в том же Отеле. Лежащим в одежде поверх застеленной кровати, куда рухнул накануне после того, как допил всю взятую из бара бутылку.

Удивительно, но голова у него почти не болела. Даже как будто была не такой тяжелой, как накануне, хотя, наученный горьким опытом, Эрик уже не пытался перегружать ее бессмысленными вопросами и размышлениями.

Убедившись, что тело его слушается, а ноги не подкашиваются, мужчина сходил в душ, умылся и привел себя в порядок. Оделся, пристегнул кобуру с пистолетом на место, а потом так и замер посреди комнаты, увидев прилепленный к зеркалу на кусочек цветного скотча флаер с улыбающейся школьницей.

Эта бумажка была тут с самого начала, когда он только проснулся? Скорее всего так, ведь иначе получается, что кто-то вошел в номер, пока сам Эрик был в душе и...

Мужчина оборвал эту мысль на полпути. Все это было неважно. Это детали, на которых нет смысла слишком долго акцентировать внимание. Лишь симптом болезни, и ему следует куда глубже копать, чтобы добраться до правды. Хотя здесь и сейчас, стоя посреди идеально убранного номера Отеля хрен знает где, Эрик с трудом мог представить себе ту правду, которая бы логично и достоверно расставила все по своим местам, а не запутала еще больше.

Почти на автомате он сорвал листовку с зеркала и еще раз пробежал глазами ее текст. Что там говорил бармен? *Он оставит подсказку?* Ну, надо полагать, именно это загадочный Он и сделал. Дал вполне ясные и недвусмысленные указания – и ни черта при этом не объяснил. Да и что вообще могло Сая ждать в конце этой тропы, выложенной из хлебных крошек? Ответы?

А может, донельзя довольная съемочная группа, которая только что сняла лучшее реалити в истории? В конце концов, если все это не сон и не наркоманский трип, всегда остается вариант подставы. Безалкогольный виски, отсутствие интернета и названия у Отеля, какие-нибудь инъекции стимуляторов, которые ему делают во сне и из-за которых он не чувствует голода. Все остальное – просто его паранойя и разыгравшееся воображение.

И хотя эта версия ощутимо проседала в некоторых местах – например, неужели у кого-то правда были бюджеты, чтобы устроить все это Шоу Трумана и выстроить специально для него несколько городских кварталов, – из всех прочих только она звучала достаточно приемлемо и логично. А еще давала ему надежду. Потому что раз это съемочная площадка, то у нее должны быть границы. И за них можно было выбраться.

Однако стоило на всякий случай и еще кое-что проверить.

Взяв в руки телефонную трубку, мужчина уже даже не удивился, когда мгновенно и без гудков услышал на том конце провода голос управляющего.

– Чем могу помочь, господин Сай?

– Я хочу позвонить. Мне нужно связаться с коллегами, – произнес он как можно более небрежно. – Как тут правильно набирается номер? Через какую цифру?

– Мне очень жаль, но, к сожалению, в текущий момент вы не можете совершать междугородние вызовы, господин Сай, – сообщил ему механически вежливый голос на том конце провода. – Я могу еще чем-нибудь быть вам полезен?

Естественно, он не может никому позвонить. Потому что эти телефоны не настоящие. Как и все здесь.

– Вот как? – Эрик даже не попытался скрыть иронию в голосе. – Что это за странное место такое, где нет интернета и нельзя звонить по межгороду?

– Я приношу вам свои глубочайшие извинения за эту неприятную ситуацию. К сожалению, здесь я совершенно бессилен. Вы можете совершать звонки только в пределах Города. Но если это необходимо, мы можем отправить письмо.

– Письмо? – фыркнул мужчина. – Голубиной почтой?

– В конверте и с маркой, – дружелюбно поправил его собеседник. – Думаю, за пару недель оно дойдет до адресата. Мне распорядиться, чтобы вам в номер принесли бумагу и ручку?

– Распорядитесь передать вашему боссу, что только идиот купится на это все, – сухо проговорил Эрик и собирался уже повесить трубку, но прозвучавший из нее вопрос не дал ему этого сделать:

– Вы сможете сами добраться до Школы, или вам вызвать такси? Здесь, в целом, не так далеко, но мы бы не хотели лишний раз утруждать вас даже в таких мелочах.

– Я не собираюсь идти в эту чертову Школу, – раздосадованно огрызнулся мужчина, ощущая, что вопреки своему плану сохранять спокойствие все-таки начинает злиться. – И вообще больше ни минуты здесь не останусь. Вся эта клоунада зашла слишком далеко.

– Дело ваше, господин Сай, но на самом деле это в ваших же интересах, – учтиво отметил управляющий.

– Моих? Или вашей компании, которая почему-то считает, что все это невероятно забавно?

– «Забавно» не совсем верное слово. Мы все здесь исполняем свою работу. И все считываем вам помочь.

– О, не сомневаюсь. – Чем больше он сердился, тем отчетливее набухал комочек боли в левом виске, жжением расплываясь под кожей. – Работу вы выполняете на пять баллов. И я понимаю, что этот наш разговор не войдет в итоговый материал, потому что вы явно не предполагали, что я во всем разберусь так быстро, верно? Я не знаю, что за идиоты сидят у вас там в отделе маркетинга, но предлагаю уволить того, кто предложил взять в первый сезон полицейского. Стоило остановить выбор на какой-нибудь рьяной католичке с телевизионным пюре вместо мозгов. Она бы вам сделала невероятные рейтинги своими воплями и готовностью сходить с ума на ровном месте.

Несколько секунд в трубке царил тишина, и Эрик даже начал подозревать, что его собеседник отключился, но потом управляющий заговорил снова. И в голосе его даже как будто звучало сочувствие:

– Я понимаю, что все это для вас непросто и непривычно, господин Сай. Возможно, вам потребуется пара дней, чтобы прийти в себя и в полной мере осознать, куда вы попали и что вам надлежит в связи с этим делать. Как бы то ни было, приглашениями пренебрегать не следует. Вас ведут туда, где вам нужно быть. Да, изначально это может казаться абсурдным и бессмысленным, но в итоге вы сами все поймете. К сожалению, у меня нет ответов, которые вам нужны. Но они точно есть в Школе. Поэтому я бы настоятельно вам рекомендовал...

– Вы что-то там говорили про такси, так? – перебил его Эрик, поняв, что больше не в состоянии выслушивать этот бред. – Такси может увезти меня из этого паноптикума?

– Служба такси работает только в пределах Города, – все так же вежливо ответил на его вопрос управляющий.

– Ну естественно, – в этот момент мужчина уже перестал удивляться. – А что насчет проката автомобилей? Или, дайте угадаю, это тоже что-то из области недоступных сервисов?

– Мне кажется, вы уже сами знаете ответ. – Мужчина готов был поклясться, что мерзавец на том конце линии улыбнулся. – Я могу чем-то еще помочь вам, господин Сай?

Эрик молчал, медленно и методично разрывая флаер Старшей школы Чиок на крошечные глянцевые ошметки. С каждой произнесенной управляющим фразой он все больше уве-

рялся в правдивости своей теории про реалити-шоу и съемочную площадку. Интересно, каких размеров иск он сможет предъявить ТВ-компаниям за то, что они втянули его в проект без его согласия? Мысль об этом была приятной и успокаивающей, она даже сумела умирить боль в его левом виске.

– Я вам перезвоню, – наконец произнес Эрик и повесил трубку.

Потом, разорвав последний относительно крупный кусочек флаера на три поменьше, сдул разноцветное мохнатое конфетти со стола и с размаху плюхнулся на кровать.

Что ж, ему здесь, очевидно, никто помогать не собирается. Все эти люди – актеры, а любая еда и вода может быть отравлена наркотиками.

Наркотики. Может быть, дело в этом? Может, все это и в самом деле как-то связано с Кастеллосом? Он сажает за решетку крупного наркобарона, а уже через несколько дней оказывается здесь в полубольном и практически бредовом состоянии? Ничего толком не помнит, мучается головными болями и кратковременными галлюцинациями – вроде расползающегося лица девицы из бара или прячущихся по углам теней в его номере. Не особо похоже на совпадение, если уж говорить начистоту.

Одно Эрик знал наверняка: ему нужно было выбираться отсюда и притом как можно скорее. Уже неважно было, ни как он сюда попал, ни кем были все эти люди, ни кто стоял за этой абсурдной в своих масштабах постановкой, в которой он явно был главным действующим лицом. Со всем этим он разберется позже. А сейчас, пока его снова не опоили или еще чего похуже, надо было брать ноги в руки и валить. Плевать на бумажник, плевать на телефон и интернет. У всего этого неадекватности должна быть четкая и однозначная граница. И как только он ее пересечет, то мир снова вернется в норму.

– Все-таки решили прогуляться, господин Сай? – с улыбкой поинтересовался управляющий, когда Эрик спустился в холл. – Это очень верное решение. Желаете, чтобы мы подготовили что-нибудь особенное к вашему возвращению?

Он не собирался достаивать его ответом. Но под пристальным взглядом старика в темно-зеленом костюме мужчине вдруг очень захотелось ускорить шаг, как если бы тот в любой момент мог наброситься на него. Или нажать кнопку у себя под столом, которая бы мгновенно заблокировала двери Отеля и заперла Эрика внутри.

Сай настолько ожидал чего-то подобного, что когда ему все же удалось беспрепятственно выйти на улицу, у него от облегчения даже закружилась голова. Поэтому он на несколько секунд остановился, одной рукой оперся на стену, а другую прижав к груди и судорожно, поспешно глотнул прохладный утренний воздух.

Солнца было не видно – оно, как и вчера, пряталось за тучами, клочковатой серостью окутывавших небо. Лишь где-то в отдалении сквозь крошечный разрыв в облаках падал сноп света, но его едва ли хватило бы больше, чем на один-два дома.

Успокоив ни с того ни с сего разыгравшееся сердцебиение, Эрик внимательно осмотрелся, пытаясь припомнить, как накануне добрался до этого места. Сейчас ему было сложно поверить, что он шел наугад, но, кажется, в моменте действительно так и было. Память, однако, ожидаемо его подводила, и Сая не покидало странное ощущение, что он видит этот пейзаж впервые.

Справа и слева вдоль широкого проспекта, ведущего к Отелю, располагалось несколько маленьких ресторанчиков, прачечная и круглосуточный магазин, на ступеньках которого свернулся калачиком спящий бездомный. Вдоль тротуара было припарковано несколько автомобилей, покрытых коричнево-серой грязью, как если бы вчера им пришлось добираться сюда по бездорожью. Чуть в стороне от парадного входа в Отель стояла крупная урна, возле которой, надо полагать, обычно собирались на перекур сотрудники и, возможно, даже постояльцы. На ее изогнутом краю сидела крупная толстая ворона. Она обернулась на звук открывшихся дверей и сейчас внимательно изучала Эрика блестящими черными глазками, туда-сюда наклоняя

голову. В клюве у нее было зажато что-то смутно походившее на использованный презерватив. Жидкость внутри него была непривычно темного, почти бурого оттенка, и мужчина почувствовал неприятное жжение внизу живота при мысли о том, что могло послужить тому причиной.

С трудом оторвав взгляд от как будто посмеивающейся над ним птицы, Сая заметил уличные указатели, находившиеся на перекрестке через пару сотен ярдов. Однако, приблизившись к столбику с веером табличек-указателей, направленных в разные стороны, почувствовал себя идиотом.

«Старшая школа Чиок, 0,7 миль», – гласила самая крупная и заметная из всех стрелок-указателей. Все остальные были заляпаны то ли грязью, то ли краской, и на них он мог в лучшем случае разглядеть одну-две буквы – кое-где даже о длине слов оставалось только догадываться.

Эрику вдруг жутко захотелось обернуться, потому что чужой издевающийся взгляд, казалось, готов был прожечь дыру в его спине. Наверняка проклятый старик в своем зеленом костюме стоял на пороге Отеля и смотрел на него, улыбаясь от уха до уха. Но даже если так оно и было, Сай не собирался доставлять ему удовольствие, поддаваясь на провокацию и выдавая ожидаемую реакцию.

Вместо этого он развернулся в сторону, противоположную тому, где находилась Школа, и, с трудом сдерживая себя от порыва сорваться на бег, зашагал вперед.

Когда наконец между ним и Отелем оказалось несколько домов, мужчина наугад дернул первую попавшуюся дверь одного из магазинчиков и ввалился внутрь. Сердце ощутимо, гулко бухало у него в груди, и он опять почувствовал, как болезненно дергает висок. Это было нехорошо. Это было совсем нехорошо, что он так легко и с удовольствием начинал злиться. Злость всегда выходила ему боком, сколько он себя помнил.

– Я могу вам помочь?

Эрик поднял голову на звук голоса и столкнулся взглядами с миловидной темноволосой девушкой, стоявшей за прилавком. Судя по всему, он попал в магазин зеркал, и от обилия собственных отражений, развешанных по стенам, у мужчины начало двоиться в глазах.

– Нет, я не думаю, что вы... – начал было он, но девушка-продавец его перебила:

– У вас все в порядке? Вид у вас такой, словно за вами собаки по улице гнались. Тяжелая выдалась ночь?

Конечно, Эрик понимал, что она была с ними заодно. И сочувствие в ее голосе, на которое мгновенно отозвалось все внутри него, было таким же фальшивым, как и остальное здесь. Однако раз прямые провокации, как было с управляющим не работали, можно было попробовать подыграть. Сделать вид, что он настолько идиот, что купился на эту игру в доброго и злого полицейского.

– Да, можно и так сказать, – тяжело выдохнув, кивнул он. – Я недавно в городе, и у меня такое ощущение, что с момента, как я здесь оказался, все идет наперекосяк. Понимаете, о чем я?

– Конечно, – поспешила уверить его девушка. – Я сама, когда переехала, первое время ко многому тут не могла привыкнуть. Понимаете, это... Это место, оно не похоже на другие города. Здесь и люди другие, и даже воздух. Новичкам всегда сложно, но это только на первых порах. Хотите чаю? Покупателей в первой половине дня почти не бывает, так что я буду рада немного отвлечься и поболтать.

После этого предложения Эрик пригляделся к ней повнимательнее. Его собеседнице на вид было чуть больше двадцати, она была одета в летнее белое платье, выгодно подчеркивающее ее свежую и по-детски простую красоту. Широкие скулы, голубые глаза, очаровательная родинка на левой щеке, волосы уложены в аккуратное каре. Случайно встречая таких девушек в кафе или за прилавком магазинов, почти невольно начинаешь представлять их на собственной кухне.

Wife material¹ – вот как они назывались.

– Да, конечно, – кивнул мужчина. – Буду рад составить вам компанию. К слову, меня зовут Эрик.

– Эрик Сай, я знаю, – сверкнула очаровательной улыбкой она. – О вас уже многие болтают.

Даже притворяться не будет, что не слышала о нем? Что ж, это определенно сэкономит им время. Но пока стоит придерживаться изначального плана.

– В самом деле? – Он подошел к ее прилавку вплотную, и теперь, чтобы говорить с ним, девушке пришлось поднять голову и смотреть на него снизу вверх.

– Городок-то небольшой, – с улыбкой пожала плечами она. – Слухи быстро распространяются. Вы какой чай предпочитаете? У меня тут небольшая коллекция, от бабушки осталась.

– Все равно, на ваш выбор, – ответил Эрик, не отрывая взгляда от ее лица. – Так вы сказали, вас зовут...

– Я не говорила, – приглушенно рассмеялась девушка, качнув головой. – Мари. Меня зовут Мари. Садитесь вон там, я сейчас принесу чаю.

Эрик, сопровождаемый своими многочисленными отражениями, прошел в указанный уголок торгового зала, где за невысокой ширмой оказался столик с двумя табуретами – видимо, тут Мари отдыхала и обедала, когда в магазине не было клиентов. Здесь приятно пахло свечным воском и чем-то сладковатым, то ли духами, то ли конфетами. Из небольшого окошка под потолком струился прохладный уличный воздух, заноса в помещение городской гул. Садясь на табурет, который показался мужчине слишком низким для его роста, он случайно задел ногой стоявшую под столом бутылку, и та недовольно и коротко звякнула. Ему даже не пришлось наклоняться, чтобы достать ее, и в тусклом комнатном освещении он успел увидеть на этикетке томную девицу в гравюрном стиле. Судя по запаху, мгновенно шибанувшему ему в нос, это было красное вино.

– Ну как же так, мы с вами сразу от знакомства перешли к маленьким личным секретикам, – рассмеялась подошедшая с подносом Мари. – Да, каюсь, иногда балуюсь тут по вечерам в одиночестве. Вы же никому не скажете, правда?

Она заговорщически улыбнулась и, поставив поднос на стол, села на второй табурет, обняв рукой одно колено.

– Обещаю, эта тайна умрет со мной, – улыбкой на улыбку ответил Эрик. – Но на самом деле я не слишком удивлен. Кажется, это место располагает к не самому трезвому образу жизни. Или я не прав?

– Я уже сказала, оно... очень особенное, – кивнула Мари, разливая им чай из заварочного чайника. Его запах тоже отдавал конфетной сладостью, как если бы хозяйка щедрой рукой бросила в горячую воду несколько ложек сахара. – И многие сначала пытаются идти... поперек течения, если можно так сказать. Не сразу приходит понимание, что слушаться будет проще и... полезнее, что ли.

– Вот как, – многозначительно протянул Эрик, поднося чашку с чаем к губам. Сделал вид, что глотает, но на самом деле плотно сжал губы и не взял в рот ни капли. – И правда очень вкусно, спасибо.

– Не благодарите, мне только за радость, – смутилась Мари, немного неловким движением заправляя волосы за уши и очаровательно краснея. Смущение и румянец ей определенно были к лицу. – Я же прекрасно помню себя на вашем месте, так что... А вы к нам надолго?

– На самом деле я еще не решил, – уклончиво ответил Эрик. – Знаете, неудобно признаваться, но я оказался в некотором роде в безвыходном положении. У меня вчера украли

¹ идиома, обозначающая девушку, из которой выйдет хорошая жена

бумажник, и я, видимо, где-то оставил свой мобильный... Управляющий в Отеле сказал, что здесь какие-то сложности со связью. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Сложности со связью? – искренне удивилась девушка. – Нет, ничего такого не замечала. Вам нужно позвонить? Я могу дать вам свой телефон, это не проблема.

Ее внезапное предложение, признаться, сбило его с толку.

– О, это было бы потрясающе, – медленно произнес мужчина, пытаясь понять, что за ловушка его ожидает на этот раз. Имитация телефонного звонка? Ему дадут поговорить с очередным актером? А откуда они вообще знают, кому именно он собирается звонить? Или все проще и звонок просто не пройдет, а Мари удивленно похлопает ресницами и сделает вид, что, конечно же, не в курсе, что случилось.

– Сейчас найду вам телефон, господин Сай, подождите минутку, – меж тем проговорила девушка, а потом снова поднялась и вышла за ширму.

В этот момент звякнул дверной колокольчик, оповещавший, что в магазин пришли еще посетители. Эрик услышал перебивающие друг друга смеющиеся девичьи голоса, и от удивления у него слегка дернулись брови. Они и детей решили привлечь? Зачем? Ведь создать достаточно правдоподобную иллюзию реальности не вышло уже на старте. Так что даже если ему сейчас покажут население города в полном составе и проведут экскурсию по местным достопримечательностям, он уже им не поверит.

Прошла пара минут, но Мари все не возвращалась, и Эрик решил снова взять все в свои руки. Поднявшись на ноги и выйдя из-за ширмы, он действительно увидел столпившихся у прилавка школьниц, одетых в бордовые пиджачки и плиссированные юбки выше колена. Обернувшись на звук его шагов, они сперва как будто оторопели, а потом принялись восторженно перешептываться между собой.

Эрик не сдержал короткой улыбки: слишком уж искренней и неподдельной выглядела их реакция. Может, статистам не показывали его фото? Или в жизни он оказался лучше, чем на нем?

На самом деле мужчина давно привык, что девушки – особенно совсем юные – так на него реагируют. Собственную внешность, доставшуюся ему в наследство от матери, он воспринимал исключительно как средство достижения поставленных целей. Женщин она легко очаровывала, мужчин – вводила в заблуждение.

Сай хорошо помнил первые свои годы в участке, когда никто из коллег не воспринимал его всерьез. Пришлось приложить немало усилий, чтобы завоевать их уважение и доказать, что он куда больше, чем просто «смазливая мордашка». Однако порой это играло ему на руку – особенно во время допросов. Глядя на его модельные скулы и небрежно падающую на глаза челку, сидевшие с другой стороны стола преступники как правило расслаблялись и не ожидали подвоха. Эрик в какой-то мере даже получал от этого удовольствие – вел их за собой, как телят на привязи, заставляя все больше и больше увериться в собственном маскулинном превосходстве, а потом неожиданно и резко дергал на себя и несколькими выверенными фразами разбивал всю их защиту, добираясь до нежного нутра. Он не чувствовал свое лицо частью самого себя, но отлично знал, как именно оно действует на окружающих, и умело этим пользовался – иногда почти неосознанно.

Изучающим взглядом скользя по стайке смущенно хихикающих школьниц, мужчина внезапно обратил внимание на одну из них. Она не улыбалась и вообще как будто не участвовала в разговоре своих подружек. Смотрела на него пристально и требовательно, как если бы чего-то ждала.

Или как если бы они уже давно были знакомы.

Сердце Эрика пропустило один удар. Он замер, полностью обратившись в зрение и слух и ощущая, как пространство между ним и девушкой в бордовом пиджаке вдруг опасно натянулось и затрещало, будто провод, по которому пустили электрический ток.

Не отдавая отчета в своих действиях, он сделал несколько шагов ей навстречу. Девушка поджала губы и чуть наклонила голову вперед, глядя на него исподлобья и как будто готовясь то ли бежать, то ли обороняться, но в следующую секунду одна из ее подружек со смехом перегородила ей обзор, и возникшее на пустом месте напряжение растворилось в воздухе.

– Идем, идем же, уроки вот-вот начнутся, – щебетали ее подружки, утягивая странную девушку за собой. – Да идем же!

Снова звякнул дверной колокольчик, и в магазине наступила тишина.

– Простите, что пришлось отвлечься, обычно по утрам, я уже говорила, никого не бывает, но...

– Они из Старшей школы Чиок, верно?

Это был даже не вопрос, а обреченное в своей уверенности утверждение.

– Да, судя по их форме, оттуда, – кивнула Мари. – Так вам еще нужен телефон?

– Нет, – эхом отозвался Эрик, продолжая неотрывно смотреть на закрывшуюся за школьницами дверь. – Нет, больше не нужен. Простите, Мари, я был очень рад с вами познакомиться, но мне нужно идти. Это... очень важно.

– Да, конечно... – немного растерялась та, снова покраснев и, видимо, считая, что сама сделала или сказала что-то не то. – Была рада с вами познакомиться, господин Сай. Заходите... еще.

Последнюю фразу она договаривала уже в пустом магазине.

Глава 7. Откуда берутся призраки?

– Так, значит, ты скажешь правду в ответ на три любых моих вопроса? – спросил Эрик, когда они с Немо подошли ко входу в Школу.

– Да, скажу, – охотно подтвердил тот. – Но только на три, не больше, таковы правила. Так что хорошенько пораскинь мозгами, прежде чем спрашивать.

Однако, вопреки ожиданиям парня, тратить время на размышления Сай не стал: судя по всему, один вопрос назрел у него очень давно и уже буквально натер мозоль на языке. Впрочем, все прочие тоже всегда начинали именно с него.

– Что это за место? Весь этот... город. Это ведь... не съемочная площадка и не симуляция, так? Все это происходит взаправду.

Реагируя на озвученные им версии, Немо коротко усмехнулся. Ему показалось примечательным, что варианты с ночным кошмаром, наркотическим трипом и сумасшествием чужак к тому моменту уже отверг. Или даже изначально мысли не допускал, что обманывать его могут не какие-то другие люди, а собственный разум.

– Мы называем его просто Городом, – произнес парень, добавив в свои интонации полагающейся моменту загадочности. Как-то так, по его разумению, должны были рассказываться страшные истории у костра. – Его нет ни на одной карте мира, и никто не знает, находится ли он в какой-то запретной зоне, на которую пришелся выброс потусторонних монстров, как у Кинга. Или же существует в какой-то иной реальности. Потому что попасть сюда можно, только если Город сам тебя выбрал, а покинуть – только если Он согласится тебя отпустить.

– Выбрал? Он меня *выбрал*? – повторил за ним Эрик, словно не понимая смысла этого слова. – Для чего?

Немо широко ухмыльнулся и демонстративно поднял в воздух два пальца.

– Это не было... – возмутился было Сай, но потом досадливо поджал губы, осознав свой промах.

– Ты должен что-то понять, – все тем же немного торжественным тоном проговорил парень. – Или осознать в себе. Или, не знаю, принять в своем прошлом. То, что ты здесь, означает, что еще немного и твои демоны сожрут тебя заживо. В Городе у них просто появятся лица и они смогут пообщаться с тобой напрямую, вот и все. Обычно это работает как-то так. Шоковая терапия, о которой ты не просил, но которая была тебе очень нужна.

– Вот уж сомневаюсь, – проворчал Эрик, видимо, все еще досадуя на самого себя за допущенную оплошность со вторым вопросом.

– А вот это не мне решать, – хмыкнул Немо. – И не тебе, что характерно. Ты тут, потому что *должен* тут быть, и не сможешь уйти, пока не сделаешь то, ради чего Город привел тебя сюда. Он вывернет тебя наизнанку, хочешь ты этого или нет, раскопает твоё грязное бельё и развесит его по улицам всем на потеху. Заставит тебя заново пережить самое травмирующее дерьмо из твоего прошлого и признаться в самых жестких своих проебах, а потом, прорыдав-шись и проблевавшись, переродиться навстречу новому себе. Думаю, если бы на входе раздавали программки, там было бы написано что-то такое. – На последней фразе голос Немо уже откровенно поскукнел.

По постепенно же мрачнейшему взгляду мужчины было видно, как медленно и через какое внутреннее сопротивление эти новости укладываются у него в голове. И этот взгляд был парню хорошо знаком.

Стадия первая – отрицание.

– Я не собираюсь играть по Его идиотским правилам, – подтверждая его догадки, выдохнул наконец Эрик и для убедительности даже покачал головой.

– А тебя, в общем-то, никто не спрашивает, – пожал плечами Немо. – Тут, видишь ли, какая расстановка сил: либо ты, как послушный мальчик, решаешь свои проблемы, либо идешь на корм местным, которых к тебе пока особо не подпускают. Но чем дольше ты будешь здесь торчать, тем ближе они начнут подходить, и тогда... Я уже сказал: отсюда нет другого выхода, кроме четко и однозначно обозначенной финишной ленточки. А станешь выпендриваться и строить из себя самого умного, можешь недосчитаться пары конечностей. Город шутить не любит – зато очень любит, когда детки играют по Его правилам.

– Значит, ты тоже, – это не было вопросом, скорее утверждением. – Ты играешь по правилам. И исполняешь роль привратника.

– Пф-ф. Еще бы швейцаром меня обозвал, – почти всерьез оскорбился Немо. – Вообще-то, я твой главный и единственный козырь в этой насквозь подтасованной шулерской партии. Именно поэтому Он и не хотел пускать меня сюда, пока ты сам не открыл ворота.

Эрик нахмурился, припоминая произошедшее несколько минут назад во дворе Школы. А потом, очевидно, очень тщательно подбирая слова и избегая прямых вопросов, проговорил:

– Я тебе не верю. Если все остальное, что ты сказал мне, правда, то ты можешь быть тоже частью игры. Троянским конем.

– А тебе никто не говорил, что ты слишком много думаешь? – отмахнулся парень, покачивая головой. – Слушай, мне, в целом, насрать, веришь ты мне или нет. Конечно, будет обидно, если единственная лошадь в забеге сломает ногу на первом же круге. Но так-то невелика потеря. Дождусь следующего, более сговорчивого. Запомни, умник: ты для меня не последний шанс, а вот я для тебя да.

– Или тебе просто удобно, чтобы я так думал, – парировал Сай, сохраняя все то же скептическое выражение лица.

Признаться честно, в этот момент Немо почувствовал, как на него накатывает неодолимая волна раздражения. Чужаку надлежало вести себя иначе: паниковать, делать глупости и цепляться за любую соломинку. А вместо этого он вел себя так, будто парень пытался втолкнуть ему какую-то бесполезную ерунду с блошиного рынка. Немо от таких отвык и после настолько долгого перерыва предпочел бы добычу помягче и понежнее.

Но приходилось есть, что дают.

– Ты говорил с одним из ее гремлинов, да? – спросил парень, резко сменив тему. – Я видел через ограду, как ты общался с кем-то.

– Да, тут была... девочка. – Кажется, Эрик уже успел забыть о том разговоре, потому что на его лице наконец-то проступило подобие растерянности. – Только я думал, что это старшая школа, откуда здесь взялась первоклашка?

– Дети ей нравятся больше, – пояснил его собеседник. – Они нечасто появляются и остаются в Городе, но Чиок всех забирает себе. И эти вредные маленькие сучки абсолютно преданы своей госпоже. Так что она тебе сказала?

Немо видел, как в глазах мужчины снова вспыхнул вопрос, но тот предусмотрительно сдержал порыв его задать. Досадно. Как правило, игра в «три вопроса» заканчивалась куда быстрее – иногда в первые же пять минут разговора. Обычно парень использовал ее как своего рода способ растопить лед между ним и его новыми знакомыми из мира снаружи. И на его памяти только один из чужаков, помимо Эрика Сая, сумел не потратить все три вопроса сразу и сохранить целых два из них для действительно важных вещей.

Точнее – только *одна* из чужаков.

– Сказала, что меня ждут тут, – меж тем произнес мужчина и достал из заднего кармана джинсов сложенный вчетверо черный листок бумаги, на котором красным шрифтом было напечатано объявление о скором собрании школьного Клуба любителей паранормального. – И если я правильно понял твои объяснения и логику этого места, нам теперь нужно туда.

– Ты вдохновляюще догадлив, – одобрительно кивнул ему Немо. – Может, нам даже не придется тратить слишком много времени на бессмысленную беготню туда-сюда в ожидании твоего внезапного просветления. – А потом красноречивым жестом пригласил Эрика подняться по ступеням Школы и войти внутрь.

Мужчина несколько секунд помедлил, словно обдумывая что-то или просто сомневаясь, но потом все же взял себя в руки и направился к гостеприимно распахнутым двойным дверям. И чем ближе он подходил, тем заметнее Школа менялась, подстраиваясь под его воспоминания. Немо был почти уверен, что Сай видит и осознает это, но тот по-прежнему держит рот на замке.

Черт, если так и дальше пойдет, они ж со скуки помрут!

– Не... самое мое любимое местечко, но чужаков сюда часто притаскивают, – отметил Немо, уткнув руки в бока и созерцая длинный коридор, по обеим сторонам которого вытянулись длинные шеренги металлических шкафчиков.

В Школе не горел свет, она казалась совершенно пустой и заброшенной, тихой и даже сонной. Пахло хлоркой, будто тут недавно мыли полы, и еще немного какой-то подгоревшей кашей, которую, возможно, должны были подавать в столовой на обед.

– Но, как говорил старик Фрейд, все дерьмо идет из детства. Ну-ка, признавайся, Эрик Сай, чего ты натворил? Был задирой и макал кого-нибудь головой в унитаз? Или вывесил в открытом доступе фотку голой одноклассницы и сломал ей жизнь? Серьезно, может, ты просто как следует напряжешься и во всем сознаешься прямо на входе? – Он обернулся к мужчине, однако, без особой надежды. – Этакий спидран самой скучной локации в игре, что скажешь? Нет? Жаль, могли бы сэкономить кучу времени.

Эрик по-прежнему продолжал его игнорировать, о чем-то сосредоточенно размышляя и оглядываясь по сторонам, и, чтобы не стоять на месте, Немо направился к доске объявлений, к которой, как и ожидалось, помимо всех прочих бумаг и листовок был прикреплен уже знакомый ему красно-черный флаер с объявлением о собрании Клуба любителей паранормального.

– А может, дело вообще не в голых одноклассницах. И даже не в тебе, – вдруг задумчиво проговорил парень. – Может, Он просто хочет в этот раз все сделать по уму и сперва выдать тебе на руки весь bestiary. Чтобы ты не тупил так жестко, как некоторые другие.

Идея эта пришла Немо только что, но на фоне всего остального казалась вполне логичной. В конце концов, Эрик Сай не был обычным чужаком – ведь *обычные* чужаки не приносили в Город оружие. Так что, возможно, и все остальные правила и стандартные процедуры на него не распространялись.

О последнем самому мужчине, впрочем, знать не следовало.

– Ты как будто хочешь меня спровоцировать, – наконец отмер Эрик, тоже переступая порог Школы и заходя внутрь.

– Не понимаю о чем ты, – рассеянно бросил Немо, даже не оборачиваясь в его сторону.

– Чтобы я спросил у тебя что-нибудь об этом Клубе или о чем угодно еще из того, о чем ты болтаешь. Можешь не стараться, не спрошу.

Парень замер, и уголки его рта дернуло насмешливой гримасой.

– Кажется, я уже говорил, что умников тут не особо жалуют, – заметил он.

– Поверь, эти чувства совершенно взаимны, – не остался в долгу Эрик.

Могло ли правда быть так, что Город привел его в Школу не для испытания, а чтобы рассказать о том, как здесь все работало? Ввести в курс дела и направить по верному следу?

Тогда тот факт, что Немо удалось перехватить чужака до этого момента, был не просто удачным стечением обстоятельств, а буквально благословением свыше. Ни в коем случае нельзя было спускать с него глаз.

– Клуб любителей привидений дальше по коридору и налево, – произнес он, ткнув пальцем в нужном направлении. – После вас, господин Сай.

Тот, к некоторому удивлению парня, даже не стал спорить в этот раз, и проследовал в указанную сторону.

– Я видел группу школьниц по пути, – неожиданно произнес мужчина чуть погодя. – Думал, они идут сюда. Но теперь уже не уверен.

– Хочешь что-то спросить? – многозначительно улыбнулся его спутник.

– Нет. Лучше дождусь следующего приступа твоего словесного поноса. Кажется, так будет проще и надежнее, – пожал плечами Эрик. – Тебе явно не терпится перейти к чему-то более увлекательному, чем блуждание по школьным коридорам. Так что мне просто нужно дождаться того момента, когда твое нетерпение окажется сильнее твоего желания выставить меня идиотом.

– Ты определенно самый надоедливый мудака из всех, что сюда попадали, – со вздохом резюмировал Немо. – Жаль, мы тут не проводим премии и не выдаем золотые статуэтки. Иначе ты бы точно уже мог расчищать место на каминной полке.

– Почти уверен, что у тебя бы получилось составить мне достойную конкуренцию, – хмыкнул мужчина, а потом повернул ручку двери, на которой висела фигурная табличка в виде черного привидения с огромной красной ухмылкой

И в эту же самую секунду кто-то будто наконец снял окружающий мир с паузы – или с беззвучного режима: захлопали другие двери, зазвучали голоса и раздался все нарастающий топот, как будто вот-вот из-за поворота должна была показаться целая толпа развеселых школьников.

Сай завертел головой, и Немо мог только догадываться, что тот сейчас чувствовал – или о чем вспоминал. А может, просто реагировал на ощутимо сгустившуюся в воздухе угрозу так, как и положено было копу: осознав, что находится на открытой местности, он начал искать укрытие. И в итоге довольно предсказуемо нырнул в податливо открывшуюся ему навстречу дверь.

– С таким уровнем выдержки он тебя в два счета на лопатки уложит. Ты ему даже близко не конкурент, – проговорила девушка в бордовом пиджаке, неизвестно откуда возникшая рядом с Немо.

Парень, подавивший в зародыше желание выматериться от неожиданности, бросил на школьницу беглый изучающий взгляд. Темные прямые волосы, аккуратно забранные ободком, большие ореховые глаза и высокомерный взгляд. Раньше он с ней не встречался, но, с другой стороны, и всех призраков Карла в лицо и поименно не знал, хотя в Отеле бывал куда чаще, чем во владениях госпожи Чиок.

– Ну так покажи класс, – дернул плечом он, не особо задетый ее словами. – Тебя же назначили его проводником, я прав... Вероника? – Имя ее он прочел на бейдже, закрепленном на переднем кармане застегнутого на все пуговицы бордового пиджачка.

– Вроде того, – кивнула девушка, переведя взгляд на закрывшуюся за Эриком дверь.

– Так, может, ты знаешь, в чем тут дело? У меня вот появилось подозрение, что в Школу его заманили совсем не для того, чтобы... преподать хороший урок. – Немо хохотнул над собственным каламбуром. – А чтобы он мог воспользоваться трудами Великолепной Пятерки. Иначе зачем вести его в Клуб, сама подумай?

– Я не знаю, – честно отозвалась девушка и даже плечами пожала для убедительности. – Знаю только, что тебе стоит держаться от него подальше, если не хочешь нарваться на неприятности.

– Это что, угроза? – вяло скривился он. – Неубедительно.

– Предупреждение, – возразила Вероника, снова поймав его взгляд. – Он *плохой* человек, Немо.

Заявление это застало парня врасплох, и он даже не нашелся что ответить. Просто наблюдал за тем, как, кивнув ему напоследок, девушка двинулась следом за Эриком и исчезла, пройдя сквозь стену.

Попытавшись же последовать за ней, Немо вдруг выяснил, что дверь, ведущая в классную комнату, захлопнулась наглухо. Стукнув по ней пару раз кулаком и убедившись, что его либо не слышат, либо игнорируют, парень завертел головой в поисках подходящей опоры – в верхней части стены между классом и коридором шел ряд узких окошек, через которые вполне можно было бы заглянуть внутрь. В итоге же не придумал ничего лучше, чем приволоочь огромную кадку с хилого вида монстерой из другого конца коридора – и ожидаемо пропустил начало состоявшегося в классе разговора. Впрочем, едва ли там было что-то интереснее, чем «Что за черт, кто ты такая и откуда взялась в запертой комнате?»

Осторожно поднявшись на кадку с цветком и мысленно молясь, чтобы та под ним не развалилась, Немо заглянул внутрь аудитории.

Ему повезло – Эрик стоял к нему спиной и даже боковым зрением не смог бы заметить появление в окошке раздосадованного бледного лица. Вероника же сидела на парте, положив ногу на ногу и скрестив руки на груди. Выглядела, как и прежде, недовольной – ни дать, ни взять строгая староста, отчитывающая злостного прогульщика.

– Значит, ты все еще не веришь в призраков? – спросила она, видимо, продолжая какой-то начатый прежде разговор.

– Я уже и сам не знаю, во что верю, – покачал головой Эрик. – И ты мне задачу не упрощаешь, Вероника.

– А откуда, по-твоему, они вообще берутся? – Она чуть наклонила голову набок, словно изучая его.

– Ну... я не то чтобы эксперт, но в кино говорили, что обычно у них есть какое-то незаконченное дело. Мстить своему убийце, например. Но я никого не убивал, так что тут точно мимо.

– Да ну правда, что ли? – ее это как будто повеселило, девушка даже прикрыла рот ладошкой, словно сдерживая рвущийся наружу смешок. – За почти пятнадцать лет службы в полиции так прямо никого и не убил?

– Никого, кто бы этого не заслуживал, – с неохотой поправил себя он.

– А кто решает, заслужил ли человек смерти? Ты?

– Для таких вещей есть закон. И право на самооборону. К чему ты ведешь, Вероника? – Кажется, Эрик начал выходить из себя, но Немо было сложно понять почему.

Говоря с ним, мужчина оставался спокоен и даже раздражающе ироничен там, где ему следовало бы проявить благоразумную сдержанность. А эта сопля... Впрочем – и это он должен был признать, – девочки госпожи Чиок хорошо знали свое дело. Как и все прочие призраки, они обладали способностью более тонко чувствовать своих гостей. Будучи сами порождением чужой памяти, они умели улавливать мысли, эмоции и даже порой воспоминания своего оппонента – и настраивались на них, повинаясь совершенно животным инстинктам. Как птицы ловят воздушные потоки и просто следуют им, порой по несколько часов не взмахивая крыльями.

– Я веду к тому, что твое представление о призраках... Вообще *ваше* представление о призраках в корне неверно. – Она отчетливо выделила это слово, видимо, имея в виду всех чужаков. – Хотя ответ, как по мне, лежит на поверхности.

– Ну так просвети меня, – развел руками Эрик.

Вероника спрыгнула со стола, привычным жестом одернула юбку и, заложив руки за спину, принялась мерить захламленное пространство класса неторопливыми шагами. Видимо, Клуб переехал сюда относительно недавно, потому что все парты и стулья в аудитории были сдвинуты по разным углам, но не убраны совсем. Так и представлялось, как любители поиграть на нервах друг друга сидят в центре класса на подушках и, по очереди передавая друг другу свечку, рассказывают всякие жуткие байки. Случалось ли такое хоть раз на самом деле? Не напоказ для чужаков, а просто потому...

«Потому что местные девчонки решили поделиться историями из жизни и кого через какие трюки-стуки вызывали... Вызывали куда?» – мысль застопорилась у Немо в голове.

Ответ, тем не менее, был более чем очевиден – туда, откуда приходят чужаки. В конце концов, в каждой школе есть двинутая компашка, которая ради острых ощущений готова распотрошить где-нибудь в подсобке куриную тушку. Только вот далеко не все из них готовы к тому, что в ответ на их страстные мольбы и призывы в зеркале, за спиной или в темном коридоре в отдалении действительно кто-то появится. Пусть даже мелькнет смутной смазанной тенью, но навсегда отобьет у энтузиастов охоту повторять свои эксперименты.

– Ты когда-нибудь видел – да пусть даже в кино – призрак измученной домохозяйки? Или заштатного бухгалтера с лысиной и пивным брюшком? Видел призрака, который бы, как ты сам сказал, не пытался отомстить или связаться с кем-то? – меж тем поинтересовалась Вероника.

– Продолжай, – кивнул ей Эрик.

– Призраки всегда обладают недюжинной силой, но что самое главное – волей, которая в исключительных случаях способна даже двигать предметы или... убивать. – Последнее она произнесла через короткую паузу, видимо для особого акцента.

– И что это значит? Что призраками становятся только сильные личности? Ты это хочешь сказать?

Она остановилась, и в ее взгляде, устремленном на Эрика, Немо ясно прочел презрение и досаду. Как если бы девушка почти окончательно разочаровалась в умственных способностях своего собеседника и в том, что он сам сможет дать правильный ответ.

– Это значит, что они *не хотели* умирать, – выдохнула она, и ее глаза вдруг показались парню какими-то неестественно темными и стеклянными. Пахнуло холодом, и он поежился, едва не наверхнувшись с неустойчивой кадки. – Наоборот, они так сильно хотели *жить*, что даже смерть не смогла им в этом помешать.

– А как же призраки самоубийц? – Голос Эрика стал тверже и как будто холоднее. – Скажешь, они тоже не хотели и случайно упали на лезвие или прыгнули с крыши?

– Ты можешь... можешь хотя бы на секунду себе представить ужас и жажду жизни подростка, который решился на отчаянный шаг, потому что не видел другого выхода, а потом, после прыжка – в те несколько секунд, пока летит с крыши – вдруг передумал? – Вероника наступала на него, и воздух вокруг нее дрожал и пульсировал.

– Нужно уметь принимать последствия своих поступков, – пожал плечами мужчина, глядя на нее исподлобья и явно не собираясь отступать. – Если ты выбираешь самый идиотский, на мой взгляд, выход из сложившейся ситуации, то сам виноват.

– Хочешь поговорить о чувстве вины, Эрик? – Эти слова она почти прошипела, становясь все менее похожей на саму себя, и тот невольно отступил на шаг, когда девушка приблизилась слишком сильно.

– Ты последняя, с кем бы я хотел... Блять, какого хера?!

Последнее было адресовано невероятно заинтересованной и слегка расплющенной о стекло роже, которую Эрик наконец-то заметил.

– И вам привет, – отсалютовал Немо, невинно улыбнувшись. – Может, все-таки откроешь дверь, а? Тут снаружи так одиноко и грустно, что я чувствую себя почти что Хатико.

Эрик несколько секунд молчал, переводя взгляд с него на отступившую и ссутулившуюся Веронику и обратно, а потом махнул рукой и сделал то, о чем его просили.

– Я, кажется, вам помешал, извините, – заметил парень, войдя в класс.

– Да, ты совсем некстати, – раздраженно подтвердила Вероника, оправляя растрепавшиеся волосы.

– Как прыщ на жопе, – с покаянным вздохом подтвердил Немо. – Вы только, ради Спящего, не стесняйтесь! Эмоции были на уровне, школьный драмкружок почти готов взять вас в труппу. Я, кстати, могу отойти в уголок и сделать вид, что меня вообще тут...

Он не договорил, потому что внезапно класс заполнил шум помех, доносящийся из висящих по углам класса динамиков.

– Какого черта? – одними губами произнес Эрик. – Теперь-то что?

– Надеюсь, сейчас будет приветственная речь и объявление о скидках на талоны в столовую, – бодро заметил Немо, тоже вертя головой туда-сюда, словно это могло помочь отыскать причину странных звуков.

– Вы не слышите? – замахала на них рукой Вероника. – Прислушайтесь!

– Я ничего не...

Эрик осекся. Его лицо внезапно ожесточилось, он до вздувшихся желваков сжал зубы и зачем-то полез под куртку за пистолетом. Немо бросил на него короткий, ничего не понимающий взгляд, а потом и сам наконец разобрал сбивчивый женский голос за шумом помех.

– Не надо... Пожалуйста, не надо... Отпусти меня... Отпусти, пожалуйста... Я никому не скажу, только отпусти!..

Голос сорвался на крик, от которого кровь стыла в жилах. И почти сразу же прогремел выстрел, разнесший в электронную труху один из динамиков. Но прежде чем Эрик успел прицелиться во второй, Немо всем телом повис на его руках.

– Не смей, – зарычал он, и лицо его в тот миг было таким жутким, что мужчина буквально окаменел. – Еще хоть раз выстрелишь, я тебе руки нахер вырву, понял?

Эрик попытался освободиться, но безуспешно – на вид хилый и почти болезненный парень держал его совершенно бульдожьей хваткой.

– Я тебя предупреждаю, Эрик Сай. Потратишь еще хоть один патрон на такую херню, и я стану твоим главным кошмаром, по сравнению с которым эта вокальная импровизация покажется тебе райским пением, ты меня понял, сука?!

Мужчина до последнего не хотел отвечать ему, но от сдавившей его руку силы уже начали трещать кости, и потому он кивнул – коротко и отрывисто. Немо держал его еще пару секунд, но потом все же отпустил и отступил назад, с трудом восстанавливая дыхание. Только сейчас они заметили, что в классе снова наступила тишина.

И что Вероники в нем больше не было.

Глава 8. Питер и Венди

Когда за Немо закрылись двери Школы, Шай прерывисто выдохнула и, переведя взгляд на свои пальцы, продолжила ковырять уже и без того истерзанный заусенец.

– Почему ты так переживаешь за него? – негромко спросил у нее стоявший рядом Ван. – На твоём месте я бы больше волновался за тех, кто оказался там внутри вместе с ним.

Девушка неловко улыбнулась:

– Привычка, наверное. Он всегда лезет в самое пекло, а мне достаётся роль наблюдателя. И того, кто переживает.

– Тебя он с собой не зовет? – прозорливо уточнил мальчик, и улыбка Шайни поблекла.

– Нет, он... Он оберегает меня. Вроде как. – Девушка нахмурилась, а потом, пару секунд спустя, добавила: – Ты же в курсе, что тебе необязательно тут со мной сидеть?

– В курсе, – деловито подтвердил тот, и, наклонившись вперед, уткнулся подбородком в сложенные на парапете руки.

Шай, наконец оставившая в покое свой измученный, покрасневший палец, устремила взгляд на тени их торчащих над крышей голов. С самого момента их встречи девушка будто бы пребывала в полусне и у нее никак не получалось сосредоточиться на том, что происходило здесь и сейчас.

Шай отправилась к Вану сразу после того, как ушел Немо – чтобы, как и собиралась, поговорить с мальчиком о Твари и о том, как та может быть опасна. Особенно для кого-то вроде него. Но сыграть роль строгой старшей сестры не вышло. Мало того, что она растерялась еще в самом начале, глупо забыв заготовленную фразу, так еще Ван стал отвечать ей на все бойко и с юмором, что уже через пять минут разговора Шай перестала его отчитывать и поучать, а начала искренне наслаждаться их беседой. Которой по итогу не помешало даже желание девушки быть поближе к Школе и брату.

– Ты ведь тоже бывала внутри? – спросил мальчик, снова привлекая ее внимание. – Я слышал, что госпожа Чиок жесть какая строгая.

– Да, я однажды там была, – кивнула Шай, отмахиваясь от наводнивших голову не самых приятных воспоминаний.

– Это было как-то связано с чужаками? – предположил Ван.

– Нет, это... Это другое. – Отчего-то ей было неловко рассказывать. – Это из-за Немо. Мы с ним... поругались, и он заявил что-то в духе того, что кроме него никто не станет со мной возиться. И я... ну, в общем, решила доказать ему, что он не прав. Подумала, что, может быть, в Школе найду кого-то примерно своего возраста. Не знаю даже, это было... не слишком обдуманное решение.

Она чувствовала, что Ван смотрит на нее. Ощущала, как его внимательный взгляд щеко-чет ее правую щеку, и из-за этого ей было сложно сосредоточиться на том, что она говорила.

– И как, получилось? – уточнил он, когда девушка замолчала.

– Не особо, – вынуждена была признать Шайни. – А потом еще госпожа Чиок поймала меня в коридоре и такую выволочку устроила за то, что я одета не по форме... Может, приняла меня за одну из своих учениц. Или просто хотела напугать и выгнать. Но в итоге Немо примчался и спас меня. Дурацкая получилась ситуация.

– Зато вы, наверное, тут же помирились, – рассудительно заметил Ван.

– Вроде того, – кивнула она, решив не углубляться в детали.

Они с братом начали серьезно ссориться не так давно. Поначалу девушка списывала это на его пресыщенность Городом и старалась лишний раз не попадаться парню на глаза, когда тот был не в духе, но в конце концов поняла, что дело не в скуке. Или – не только в ней.

И той очевидно обреченной на провал попыткой найти друзей в Школе Чиок Шай искренне, но совершенно тщетно пыталась решить назревшую проблему: они с Немо слишком долго были только вдвоем. И проросли друг в друга куда глубже, чем следовало. Куда глубже, чем она сама была готова.

Впрочем, не обсуждать же это с Ваном, верно?

Шайни нужно было взять себя в руки и просто не допускать повторения ситуации. Быть внимательной и осторожной, не провоцировать его и не доводить саму себя до той грани, когда допустимое и чрезмерное перестают отличаться друг от друга.

Размышляя об этом, Шай снова принялась неосознанно пощипывать отступающий лоскуток кожи возле ногтя, но Ван вдруг накрыл ее пальцы своими, отводя в сторону и останавливая.

– Я не думаю, что он прав, – негромко произнес мальчик. – Про то, что... никто не станет с тобой возиться.

Не находя в себе слов, чтобы ответить, Шай завороченно посмотрела на его руку – загорелую, исцарапанную, по-детски тонкую. Руку ребенка, которому не было места посреди всего этого кошмара.

– Немо сказал, ты лазаешь по канализациям, – проговорила она, с трудом заставив себя снова посмотреть мальчику в глаза. – И ищешь встречи с Тварью. Зачем? Она разорвет тебя пополам, даже моргнуть не успеешь.

У Вана предательски дрогнула нижняя губа, как будто он изо всех сил старался казаться взрослым и рассудительным, но тут не смог сдержать обиды.

– Я не такой дурак, как твой брат, – пробормотал он, насупившись и отпустив ее.

– Мне тоже хочется так думать, – весело отметила Шайни. – Не то чтобы быть умнее моего брата было так уж сложно, но ты правда кажешься не таким, как многие здесь. Даже странно, что раньше мы не общались, да?

– Я не особо люблю... гулять, – признался Ван, и ей показалось, что ее слова мальчика немного смутили. – Предпочитаю оставаться дома и читать. Все равно тут больше толком заняться нечем.

– Читать? – искренне удивилась девушка. – А где ты...

– Я раньше жил в библиотеке, там много книг. Ну, *было* много книг. Сейчас на том месте просто какие-то развалины, – судя по его голосу, он совершенно не понимал, в чем был смысл такой замены. Но планы и архитектурные решения Города вообще редко совпадали с пожеланиями его обитателей. – Про Тома Сойера мне очень нравилось... И еще та история про тополиную рубашку. И про двух капитанов, и про остров сокровищ, и про мальчика, который летал с гусями, и про смешную девочку, которая могла одной рукой поднять лошадь... – Чем дольше он говорил о любимых книгах, тем более звонким и уверенным становился его голос, и когда Ван снова повернулся, его серые глаза лучились вдохновением и тихим восторгом. – Но моя самая любимая, знаешь, какая?

– Какая? – спросила Шай, невольно отражая его улыбку.

– Про Питера Пэна, – тут же с готовностью ответил он. – Я тоже... Нет, ну я понимаю, что это как бы глупо, но я иногда так себя представляю... Ну типа я тоже потерянный мальчик на острове, только у меня вместо Капитана Крюка – Тварь.

Он сбился, словно само это слово, прозвучавшее в перечне его любимых историй, вдруг каким-то образом забралось в каждую из них и оставило на их страницах отвратительные маслянистые черные отпечатки, разъедающие бумагу. В этот момент солнечный свет вокруг них потускнел, и, вскинув голову к небу, Ван увидел, что солнце зашло за тучу.

– У главного героя всегда должен быть могучий злодей, с которым он сражается, верно? – уже не так уверенно и громко спросил он, глядя на Шай из-под пушистых ресниц. Откуда-то со стороны повеяло холодом, и девушка невольно поежилась. Как бы ей ни хотелось здесь и сейчас

забыть обо всем, что ждало их внизу, оно о них не забывало ни на секунду. Отсиживалось где-то, спрятавшись, укрывшись, обдумывая и представляя следующее нападение.

Никто из них по-настоящему не заслуживал этого. В отличие от чужаков, которых приводили сюда их грехи, они с Ваном не выбирали своей дороги. Их никто не спрашивал, приговаривая к пожизненному заключению. И пусть каждый из них находил свое собственное убежище в окружающем мраке – в танцах или книгах, – тьма на самом деле не рассеивалась ни на секунду. Наоборот, становилась все более густой и плотной, и было только вопросом времени, когда у них обоих уже просто перестанет хватать сил, чтобы не замечать ее.

Пронзенная до глубины своего естества этим образом и этими мыслями, Шай, не вполне отдавая себе отчет в том, что делает, порывисто приблизилась к мальчику. Опустилась перед ним на колени, не обращая внимания на слой грязи на крыше, и крепко обняла Вана, прижав к себе.

– Прости меня, – едва слышно выдохнула она.

Девушка не знала, за что просит прощения, но почему-то в тот момент ей очень захотелось это сделать – укрыть его от того странного мира, в котором они оба застряли, хотя бы на несколько секунд. И она уж точно не ожидала, что он вдруг обнимет ее в ответ, доверчиво и крепко, и его руки на ее плечах окажутся совсем не такими маленькими и слабыми, как ей почему-то представлялось.

Ей вдруг захотелось пообещать ему, что она обязательно сделает что-то, каким-то образом все исправит, но... даже саму себя девушка обмануть не могла.

– Будешь моей Венди? – вдруг тихо спросил Ван.

Шайни шумно выдохнула, отстраняясь и поднимая на него совершенно растерянный взгляд.

– Что?

– Прости, я... – Он густо покраснел, видимо, не ожидая, что она так отреагирует. А потом, словно решив, что нет смысла замалчивать детали, набрал в грудь побольше воздуха и выпалил: – Просто ты классная. Вот и все. А еще было бы круто иметь боевую подругу, которая, к тому же, может еще и суп сварить. Ты ведь... умеешь варить суп? – Последнее он уточнил осторожно, но вместе с тем так серьезно, что Шай, несколько раз открывшая и закрывшая рот в попытке переварить услышанное, вдруг залилась смехом. На крышу вернулся солнечный свет, и Ван тоже несмело улыбнулся, все еще продолжая отчаянно смущаться.

– Я не умею, но попробую... попробую научиться, – тщетно пытаясь сдержать неуместный всплеск веселья, отозвалась Шай. – А ты не считаешь, что я слишком взрослая для Венди?

– Ты не такая уж взрослая, – словно подловив ее на откровенной лжи, возмутился Ван. – А я не такой уж маленький! Лет через десять эта разница вообще не будет заметна. В смысле... не была бы, если бы мы... Черт. – Он досадливо скривил губы и замолк.

Да. Если бы они жили в мире чужаков, то через десять лет вполне вероятно могли бы выглядеть ровесниками. Но в Городе все работало не так. В Городе даже через десять лет Ван останется ребенком. Здесь никто не старел и не умирал. И не взрослел. Впервые в своей растянувшейся на десятилетия жизни Шайни всерьез об этом пожалела.

– Я *буду* твоим другом, Ван, – мягко произнесла она, теперь уже сама беря его за руку. – И с удовольствием послушаю про твои любимые книги.

Мальчик кивнул – поспешно и рвано, словно не разрешая самому себе думать о том, что они обсуждали минутой ранее.

А Шай, почти невольно вспомнив о брате и о том, с каким скепсисом тот наверняка воспринял бы ее попытку в очередной раз вырваться из их тесного семейного гнездышка, снова перевела взгляд на Школу. Сложно было сказать, сколько времени может занять то, что там сейчас происходило. Некоторым хватало пары часов, других затягивало на несколько дней. Она сама не могла себе объяснить, почему тревожится – и именно ли тревогой было это чув-

ство, что привело ее сюда. Школа манила ее, тянула к себе, как магнит, но, как ни старалась, девушка не могла найти этому рациональное или хотя бы понятное объяснение. Поэтому они с Ваном просто стояли здесь, на крыше соседнего здания, смотрели на нее и говорили о детских книгах и супе, а где-то за покрытой сухим девичьим виноградом оградой происходило нечто невероятно важное. Что-то, чему она не могла ни помочь, ни помешать – только беспомощно наблюдать со стороны.

Впрочем, как и всегда.

~

Пауза, определенно, затянулась. Произошедшее в классной комнате до сих пор перекачивалось по ней едва слышно дребезжащим эхом, и Эрику казалось, что, заговори он об этом, оно обрушится на него с новой силой. Наверное, Немо чувствовал примерно то же самое: только что, сами того не желая, мужчины сделали незапланированно большой шаг в сторону тех секретов, говорить о которых было слишком рано. И оба теперь отлично понимали, что, потребуй они объяснений друг от друга, почти наверняка окажутся в ситуации, когда это требование тут же ударит по ним рикошетом.

«Почему тебе вообще есть дело до моего пистолета?»

«А почему ты настолько не хочешь слышать чьи-то вопли в динамиках, что готов им воспользоваться?»

У Эрика все еще бешено колотилось сердце и в ушах звенело от выстрела. И вместо того, чтобы продумывать план дальнейших действий, он зачем-то снова и снова мысленно возвращался к произошедшему и проигрывал его по кругу, словно упрямо долбясь лбом в стену. Это раздражало, но остановиться не получалось – его заело, как старую пластинку.

«Сплошное дерьмо у тебя там бегает, сынок», – услышал он знакомый скрипучий голос, но, к счастью, тот прозвучал тихо.

И почти наверняка только в его голове.

Чтобы хоть как-то привести мысли в порядок, Эрик отошел к книжным шкафам, наполовину загороженным сдвинутыми партами. Начав рассматривать их без всякой конкретной цели, он вдруг зацепился взглядом за корешок одной из книг.

– Я ведь знаю этот учебник, – вырвалось у него. – Мы учились по такому же, когда я был в старшей школе. И остальные книги тут... Они же из другого мира. Я имею в виду, *нормального* мира, а не... этого.

– Я знаю, – подал голос Немо, для которого это, кажется, вовсе не было откровением. – У местного народа есть занятия поинтереснее, чем страдать графоманией и писать собственные книги. Да и насчет издательств тоже как-то не уверен – кажется, в Городе их физически нет.

Опять пауза – но на этот раз понадобившаяся Эрику для того, чтобы переформулировать возникшую в голове фразу.

– Не верю, что никому в голову не пришло задать вопрос, какого хрена, собственно, происходит.

Блять, как же сложно было избегать этих гребаных вопросов.

– Ты про местных? Или про чужаков? – не уловил направление его мысли парень. – В любом случае, когда каждый день живешь в мире, где тебя кто-то так и норовит сожрать или хотя бы от души обслюнявить, времени на всякие там размышления остается немного. Конечно, все здесь в курсе, что существует «другой» мир. – Он пальцами изобразил кавычки в воздухе. – Как минимум потому, что такие, как ты, приходят оттуда и притаскивают с собой кучу своего хлама. В том числе и эти книги. А ты думаешь, откуда они здесь?

– Теперь уже не уверен, – вынужден был признать Сай.

– Каждый приносит в Город свое. Кто-то приходит с оружием в кобуре, кто-то – с учебниками в портфеле. А потом Город копирует, размножает, подстраивается и мимикрирует. Он отлично научился притворяться за эти годы, но не без помощи со стороны.

Эрик снова задумался, анализируя услышанное. Картинка уже постепенно начала выстраиваться в его голове, но больших кусков пазла все еще не хватало.

– А откуда вы... – мужчина не договорил, скривился и едва сдержался, чтобы не сплюнуть с досады. – Черт, да что будет-то, когда я задам этот проклятый третий вопрос? Ты вообще перестанешь мне отвечать?

Парень, реагируя на его возмущение, вяло осклабился:

– Вовсе нет. Я просто больше не смогу гарантировать, что буду отвечать честно. Так что после третьего – на свой страх и риск, умник.

Сай еще несколько секунд взвешивал за и против, а потом рискнул предложить компромисс:

– Тогда с этого момента я откладываю третий вопрос на полку. И отдельно дам тебе знать, когда решу им воспользоваться, идет? Так что можешь врать напропалую – ложь, как показывают годы моей службы, это просто еще одна ступенька на пути к правде. Нужно просто уметь на ней балансировать.

Он наконец обернулся через плечо, ловя взгляд парня. Выражение лица того, однако, оставалось непроницаемым – сложно было сказать, доволен он или раздражен. Или, как вариант, ему вообще плевать. Кажется, осознав, что вывести Эрика на эмоции болтовней и дилетантскими провокациями у него не выйдет, Немо избрал какую-то новую тактику поведения. Или просто все еще не отошел после инцидента с выстрелом. Так или иначе, спорить с Саем не стал и просто пожал плечами:

– Как знаешь, умник. Хозяин – барин.

Мужчина ощутил легкий всплеск раздражения – держать в голове бесконтрольно поступающую новую информацию и одновременно следить за перепадами настроения Немо было непросто. Левый висок налился неприятной горячей тяжестью, но мужчина усилием воли подавил нарастающую злость и вернулся к осмотру территории Клуба.

В какой-то момент среди прочих учебников и околонуточных книг внимание Эрика привлек черно-красный корешок – такой же расцветки, как флаер, что привел его сюда. Повинуясь интуиции, мужчина кое-как проложил себе путь через парты к шкафу, открыл дверцу со стеклянными вставками и вытащил наружу большое иллюстрированное издание с черно-красным призраком на обложке.

– Страшные истории школы Чиок, – прочел он заголовок, аккуратно пробежав пальцами по как будто все еще пахнувшей свежей типографской краской обложке. – Собраны, записаны и оформлены членами Клуба любителей паранормального. Эй, как думаешь, это нам поможет?

– Эта штука? – с сомнением протянул Немо, подходя ближе. – Даже не знаю, чем бы она могла помочь. Ты вообще представляешь, какого рода истории про привидений обычно ходят по школам?

– Не особо, меня такое никогда не интересовало, – отозвался тот, устроив книгу на руке и по очереди переворачивая толстые глянцевые страницы. – А оформлено неплохо. Ну, для школьной самодеятельности.

– Я за всю свою жизнь в Городе слышал таких баек штук сто в самых разных вариациях, так что меня давно уже пора было избрать президентом этого недоклуба, – скучающим голосом заметил парень. – И они все до боли похожи друг на друга. Начинаются и заканчиваются уж точно примерно одинаково. Жила-была маленькая девочка, которую никто не любил. А потом она умерла и всем отомстила. Конец.

– Не может быть все так просто, – покачал головой Эрик, а потом, когда он перевернул очередную плотную страницу, из книги выпорхнул и вальяжно спланировал на пол плотно исписанный листок в клетку.

– А ты начинаешь втягиваться, – хмыкнул парень, наблюдая за тем, как Сай, отложив книгу в сторону, тут же опустился на корточки и взял его в руки.

Пару минут, пока мужчина изучал находку, в классе было тихо, после чего тот наконец неуверенно резюмировал:

– Тут будто бы... какая-то классификация. Не пойму.

– Дай посмотреть, – протянул руку Немо, и Эрик, помедлив секунду, все же послушался и отдал листок парню.

– Ты знаешь, что это? – спросил он.

Его спутнику хватило всего одного короткого взгляда на чьи-то записи, чтобы уверенно кивнуть:

– Определенно. Именно то, что я и ожидал тут увидеть. Это записи Полин.

– Полин? – это имя Саю ровным счетом ни о чем не говорило. – Кто такая Полин?

– Одна из так называемой Великолепной Пятерки, – пояснил Немо, складывая листок и убирая его себе в карман. – Это было... давненько уже, не помню точно. Но чужаки тогда появлялись намного чаще, и вполне нормальной была ситуация, когда в Городе их было несколько одновременно. Собственно, те пятеро, о которых я говорю, были чем-то вроде местного рекорда – ни до, ни после их столько за раз не собиралось. Ну, я не беру, конечно, случай с семейкой Книксенов, но это вообще отдельная история. Короче говоря, Пятерка продержалась дольше всех. Мы даже ставки начали делать, как Город по итогу будет с ними разбираться.

– И... как он разобрался? – Мужчина не мог не признать, что ему и правда вдруг стало любопытно.

Как минимум из-за того, что и с ним Город, очевидно, рано или поздно будет «разбираться» тоже.

– Как обычно, – многозначительно двинул бровями Немо. – Нашел самое слабое звено, надавил на больное и выдернул ковер из-под всех пятерых. Но они много чего после себя оставили. В том числе все эти записи. И разного рода советы для «будущих поколений». Очень заботливо, я считаю. А в Школе у них была своего рода штаб-квартира, поэтому тут этого добра больше всего.

Слушая его, Сай продолжал вдумчиво собирать мозаику у себя в голове. Если *раньше* чужаки могли появляться по несколько сразу, это означало, что сейчас, кроме него, других нормальных людей здесь нет? Хорошо это или плохо? Сколько человек прошло через это место за все прошлые годы? Как давно Город вообще существует?

Неужели отсюда и правда нет иного выхода, кроме заботливо выложенной дорожки из хлебных крошек? Или ему в самом деле придется...

– А среди их советов есть что-нибудь на тему того, как избавиться от призраков? – вслух задал следующий возникший у него вопрос Эрик.

– Смотря каких призраков ты имеешь в виду, – хмыкнул Немо. – Некоторые из них могут быть весьма полезными. Например, Вероника пусть и местами перегибала, но в целом говорила правильные вещи. В твоих же интересах ее слушать.

При упоминании пропавшей девушки Эрик немного помрачнел.

– Я бы... вероятно, даже послушал, да вот только куда она делась?

– Кто ее знает. – Кажется, ни появление, ни исчезновение девушки Немо особо не взволновало. И уж точно нисколько не удивило. – Может, госпожа директриса попросила ее что-нибудь дооформить на месте. Кровь там разбрызгать похудожественнее или отрепетировать скример из-за угла. Короче говоря, явится, когда будет положено по сценарию. А нам с тобой

пока стоит сосредоточиться на деле. В динамиках точно играла запись, а значит, поставить ее могли только в радиорубке.

А вот и следующая хлебная крошка. Да что там – целый торт, в который его снова и снова тыкали лицом, не давая ни на минуту забыть о его существовании.

Как и о том, что кроме этой массы крема и влажного теста, на столе больше в принципе ничего не было.

– Разве ты должен вот так напрямую решать за меня загадки? – без особого энтузиазма уточнил Эрик.

– Я никому ничего не должен, – парировал парень. – В том числе и тебе, умник. Но я вот погляжу, что ты не слишком-то рвешься сам с этим всем разбираться. Хотя наверняка знаешь, чей голос был на записи и вообще – почему и о чем это все. Я прав?

Сай промолчал, упрямо сжав губы и не глядя на него. Конечно, он узнал голос на записи – и не только его. Но это совершенно не означало, что мужчина жаждал окунуться в это все с головой.

– Насколько я помню, ты сам мне говорил, что мои желания тут никого особо не волнуют, – наконец заставил себя проговорить он.

– В точку, – подтвердил Немо и даже кивнул для пущей убедительности. – Но это не значит, что я готов медитировать возле тебя в позе лотоса в ожидании, пока ты соизволишь раздуплиться. Просто имей в виду: раз все пришло в движение, Школа нас уже не выпустит до самого конца. Сейчас ни тебе, ни мне, ни даже самой госпоже Чиок эти ворота не открыть. Так что укладывай эту печальную правду у себя в извилинах поскорее и давай уже займемся делом. – На этих словах парень, не особо церемонясь, коротким пинком открыл дверь в коридор. – Ладно. Насколько я помню, радиорубка на втором этаже, рядом с актовым залом. Так что ноги в руки и вперед, Эрик Сай. Твое грязное бельишко ждет, пока мы зароемся в него с головой.

Мужчина подчинился неохотно, через силу – и только потому, что другого выхода у него, кажется, действительно не было.

Немо же все больше и все ощутимее его раздражал. Будь они в участке и сиди этот парень прикованным к столу наручниками, разговор у них, конечно, был бы совсем другой. Тогда бы Эрик не суетился, не торопился и не совершал досадных промахов. Он бы выжидал, присматривался, искал слабые места и после втыкал в них острые иглы с точностью мастера акупунктуры с многолетним стажем. Но игра сейчас шла не на его поле, и он даже правил толком не понимал. Поэтому оставалось полагаться на интуицию – и удачу, наверное. А еще на его упрямую убежденность в том, что такой тип, как Немо, просто не способен не совершить ошибку, если решит, что у него все полностью под контролем.

– Почему коридоры такие пустые? – спросил Эрик, когда они оба вышли из кабинета и направились к центральной лестнице, ведущей на второй этаж. – Несколькими минутами ранее мне казалось, тут кто-то есть. Я... точно слышал каких-то детей.

– Запросто, – легко согласился парень. – Не факт, конечно, что это были дети из нашего Города, но тем не менее.

– Не понял, – нахмурился мужчина.

– Конечно, не понял, куда уж тебе, умник, – усмехнулся себе под нос тот. – Оглянись по сторонам, Эрик Сай. Что ты видишь? И не говори, что никогда не бывал в этих коридорах.

– Но я не... – он не договорил, внезапно в полной мере осознав, о чем идет речь. Пока они были в классной комнате, занятой Клубом, Школа закончила перестановку, начатую сразу после того, как Эрик переступил ее порог. Теперь он бы при всем желании не смог отличить ее от того учебного заведения, где провел свои последние подростковые годы. Он даже мог поклясться, что узнает сколы на подоконниках и пятна на выкрашенных в бледно-розовый

стенах. Вон то он точно оставил сам, когда в гневе пнул одну из этих стен после заваленного теста по математике.

А еще он снова начинал слышать их – звуки, нарастающие, как гул прибоя, накатывающего неотвратно и безжалостно. Снова смех и топот, снова голоса парней, подвыпившие, дерзкие, перебивающие друг друга. Сколько раз он видел этот самый момент в своих кошмарах?

И когда именно и по какой причине вдруг перестал? Забыл или убедил себя, что нет причин помнить?

– Я не хочу, – судорожно выдохнул Эрик. – Это бессмысленно. Зачем мне вспоминать об этом? Ничего уже не исправить. Ничего уже...

Мужчина отступил, неотрывно, до боли в слезящихся глазах вглядываясь в тот угол, из-за которого они вот-вот должны были появиться. Семеро парней, отмечавших то ли сдачу экзамена, то ли победу в межшкольном соревновании. Этой компании сторонились даже выпускники, потому что они были непредсказуемыми. Отец их главного был одним из ключевых спонсоров школы, а потому на многие проступки – и откровенный беспредел – его отпрыска руководство предпочитало просто закрывать глаза. Эрику они никогда не нравились, но он старался просто держаться от них подальше. Хватило одного раза, когда главарь этой школьной банды привязался к его внешности и прическе и попытался заставить Эрика отсосать ему. Соппротивление тогда едва не привело Сая на больничную койку, но обидчикам досталось не меньше – один, например, после этого так и хромотал до самого выпуска. После той стычки Эрика оставили в покое, но он понимал, что любое неосторожное напоминание о себе может закончиться куда хуже.

Он знал, что сейчас будет. Знал и до невозможного отчетливо помнил каждое из лиц, что должны были вот-вот показаться в коридоре. К горлу подкатила жгучая желчь, ему захотелось то ли проблеваться, то ли заорать. Схватить Немо за грудки, встряхнуть и крикнуть ему в лицо: «Я сделал все, что мог. Я правда пытался!..»

Он сам и не понял, как зажмурился, словно до последнего пытаясь отсрочить неизбежное. А потому очень удивился, когда подростковый пьяный гогот вдруг резко сменился незнакомым детским голосом.

– Она идет, – произнесла маленькая девочка, вышедшая из-за угла.

– Эй, разве можно обрывать повествование на самом интересном? – как будто совершенно искренне возмутился Немо.

– Госпожа Чиок послала меня предупредить, – не обращая на него ровным счетом никакого внимания, звонким, как серебряная монетка, голосом повторила девочка и в упор посмотрела на Эрика. – Мы не знаем, как она попала в здание, но вам нужно быть начеку.

– О ком она? – не понял мужчина, с усилием встряхивая головой и возвращая себе способность мыслить хотя бы отчасти здраво.

Немо ответил не сразу. Он, подняв лицо кверху, смотрел на замигающие в потемневшем коридоре школьные лампы и с присвистом втягивал в себя внезапно остывший воздух.

– Ты гребаный везунчик, Эрик Сай, – бесцветным голосом произнес он, резко помрачнев и сжав кулаки. – Кажется, у тебя есть все шансы сдохнуть уже сегодня.

– Я не понимаю, о чем ты...

– Она идет, – повторила девочка, а потом пропала вместе с мигнувшим в очередной раз светом.

– Немо! – требовательно воскликнул мужчина, с трудом сдерживаясь от того, чтобы в самом деле не наброситься на него.

– Тварь в Школе, – с какой-то вселенской усталостью в голосе отозвался тот. – А мы заперты тут, как гребаные крысы в лабиринте, потому что кое-кто не способен подтерпеть свой зад от дерьма двадцатилетней давности!

– Что за Тварь? Почему ты не упоминал о ней раньше? Немо!

Одна за другой лампы под потолком начали взрываться, рассыпаясь шипящими стеклянными осколками.

– Бежим, – выдохнул тот, хватая Эрика за локоть. – С этого самого момента, если хочешь выжить, делай так, как я говорю, понял? Или, клянусь твоей мамой, ни один из нас сегодня отсюда не выберется.

И отчего-то – возможно, впервые за все время их знакомства – мужчина полностью и безоговорочно ему поверил.

Глава 9. Тень

Откровенно говоря, появления Твари в планах Немо не было. Но в этом-то и заключалась главная проблема: Тварь в принципе не умещалась ни в какие планы и рамки. Она появлялась там, где ее ждали меньше всего, как неряшливая пометка посреди почти переписанного набело эссе. Она пришла не потому, что Город прислал ее, не потому, что так было *надо* для достижения неких абстрактных целей. Нет, Тварь всегда выскакивала случайным багом в общей программе, непредвиденным сбоем, из-за которого летели к черту и остальные строчки кода. Она была неучтенной переменной, ставившей с ног на голову все уравнение, мгновенно превращая его в бессмысленный набор букв и цифр. То, что она оказалась в Школе, можно было назвать случайностью – но на самом деле в глубине души Немо в это не верил.

– Ты мне объяснишь или нет, какого хера там происходит? – наконец сумел до него достучаться Эрик. Парень перевел на своего спутника слегка ошалелый взгляд, словно пытаясь вспомнить, кто это вообще такой и что он тут делает. Потом несколько раз моргнул и вроде бы пришел в себя.

Они стояли посреди класса биологии – об этом красноречиво свидетельствовал улыбающийся во все тридцать два скелет в углу и целые джунгли из комнатных растений, развешанных по стенам. Из-за последних в помещении царил бледно-серый полумрак и казалось, будто на улице уже сгустились сумерки. В воздухе перемешивались запахи лягушачьих потрохов и листьев герани, а на одной из парт, возле которой они стояли, кем-то было нацарапано: «В.Д. – шлюха!» Надпись, судя по ее виду, пытались соскоблить, но, очевидно, безуспешно. Мелкие детали навязчиво бросались в глаза, как если бы мозг отчаянно пытался отвлечься хоть на что угодно, не касаясь того, что осталось за дверью.

– Объясню на подручных примерах, – медленно выговорил Немо, продолжая зачем-то оглядываться, словно в поисках того, что могло бы их выручить. – Слышал когда-нибудь про сверххищников?

– Это те, которые в пищевой цепочке находятся на самом верху? – уточнил мужчина.

– Если упрощать, то да. Тварь – это как раз такой сверххищник в нашем маленьком уютном биоценозе. А это значит, что ни ты, ни я, ни даже сама госпожа директриса ей не указ. Поэтому тебе ни в коем – слышишь? – *ни в коем* случае нельзя попадаться ей на глаза. Вот как мы поступим. – Из взгляда Немо пропала всякая насмешливая леность и ехидное любопытство, с которыми он смотрел на Эрика еще совсем недавно. Но того, впрочем, это уже совсем не радовало.

Отсчитав третий шкаф слева, парень уверенно саданул кулаком по верхней части дверцы, и та тут же послушно открылась. Еще пара секунд, и он вернулся к своему спутнику с большим, сложенным вчетверо листом бумаги в руках.

– Это карта Школы, – прокомментировал очевидное мужчина, когда добыча Немо легла на стол.

– Ага, она самая, – сосредоточенно кивнул тот, хмурясь и водя пальцем вдоль линий коридоров. – По идее, ты должен был найти ее сам, когда бы искал что-нибудь полезное в этих классах. Город всегда все рассовывает по одним и тем же местам. Но у нас нет времени этим заниматься.

– Я себя сейчас ощутил персонажем какой-то компьютерной игры по поиску предметов, – пробормотал Эрик, складывая руки на груди и тоже вглядываясь в карту. – Жаль только, что тут нельзя сохраниться перед битвой с финальным боссом или прирастить обратно отрезанную руку, полив ее волшебной водичкой. Или... у вас тут и такое бывает? – Последнее он спросил с неожиданно охватившим его сомнением.

– Не-а, если отгрызут руку, можешь с ней попрощаться, – рассеянно пробормотал Немо. – Вот, смотри сюда. Видишь это помещение? Мы сейчас здесь. А Тварь, судя по замигавшим лампам, где-то вот тут. – Он провел пальцем вправо и вверх. – В дверь она пока не ломится, а значит, нас еще не учуяла. Я пойду к ней навстречу, а ты, наоборот, налево. Вот здесь, в конце коридора, будет лестница. Поднимешься на этаж выше, потом свернешь тут и тут и выйдешь к радиорубке. Я попытаюсь увести Тварь в другую часть Школы и дать тебе время.

– А если я... не смогу? – напряженно уточнил Эрик, сосредоточенно вглядываясь в карту и запоминая путь.

– Вероника тебе подскажет, не переживай, – отмахнулся парень. – Проводники всегда помогают, это их основная функция. Она может говорить загадками и вообще... вести себя странно, но ты просто читай между строк или типа того. У тебя на руках есть все исходные данные, осталось лишь понять, что Город хочет получить на выходе. Обычно Он пытается заставить чужаков вспомнить о чем-то, признать свои ошибки или принять свое прошлое. Все всегда стоит на этих трех китах, так что тебе осталось понять, который из них – твой.

– А если моего здесь...

Он не договорил, потому что над их головами внезапно ярко вспыхнула, а потом оглушительно громко лопнула лампочка в круглом пыльном плафоне.

– Все, некогда сиськи мять, – отрывисто произнес Немо, втягивая носом воздух и неосознанно приподнимая верхнюю губу словно в оскале. – Я дам тебе столько времени, сколько смогу, но если встанет вопрос, твоя голова или моя, дважды думать не буду.

Эрик хотел спросить кое-что еще, но парень не стал его слушать и тенью скользнул обратно в коридор.

На самом деле часть его жаждала того, что неизбежно должно было произойти дальше. Тварь, будучи самым опасным созданием Города, в то же время была максимально далека от того, что обычно собой представляли эти самые создания. В ней отсутствовал «Божественный» замысел и хитро продуманная схема причин и следствий, и в том, чтобы удирать от нее, не было уже давно набившего оскомину вопроса свободы воли. Было неважно, сам Немо боялся ее до смерти или же этот страх был ему внушен незримым Создателем, потому что прямо сейчас не было ничего реальнее, ошутимее и прекраснее этого страха. Адреналин жег вены изнутри, голова кружилась, а пальцы словно оледенели. Именно так, находясь в полушаге от абсолютного и бескомпромиссного небытия, Немо ощущал себя по-настоящему...

Живым?

Чем ближе он подходил к развилке коридоров, тем темнее становилось вокруг, словно часы пролетали за секунды, погружая школу в глубокую непроглядную ночь. Именно об этом говорил Ван. Тварь всегда приносила темноту с собой. Пряталась в ней, выжидая наилучший момент для удара, а потом набрасывалась совершенно бесшумно, одним ударом разрывая тебя от пупка до шеи – или просто снося сразу всю верхнюю часть туловища. Немо не раз видел, как это случалось с ходящими. Они были самыми медленными и тупыми из всех обитателей Города, так что неудивительно, что им доставалось чаще прочих. Просто вдруг в одном конкретном месте наступала локальная ночь, а потом там в лучшем случае оставалось огромное кровавое пятно. Это если у нее было настроение что-то пожевать, а не проглотить в один присест.

Иногда у Немо мелькала мысль о том, что он мог бы назвать Тварь родственной душой – если бы у нее, конечно, была эта самая душа. Город не принимал их обоих, и они оба отказывались следовать Его правилам. Если бы только Тварь умела говорить или хотя бы думать... Впрочем, в таком случае велика была вероятность, что Город бы залез и к ней в мозги, настроив их на свой лад. Для того чтобы избежать подобной судьбы, нужно было либо обыграть Создателя на Его же поле, либо – сломать к херам шахматную доску. И если Немо льстил себя мыслью, что однажды справится с первым, то Тварь определенно преуспела во втором.

Но все это было сейчас неважно и категорически не в тему. Потому что впервые за все годы их совместного существования в одном замкнутом пространстве Города Тварь была угрозой не самому Немо, в чем тот давно научился находить особо изощренное удовольствие, а его планам. А этого допустить было никак нельзя.

– Эй ты! – крикнул парень, обращаясь в темное жерло коридора, напоминавшего сейчас давно заброшенный автомобильный туннель, пустой и непроглядно-черный. – Слышишь меня? Я здесь!

Темнота напознала. Липкая и холодная, она стелилась вдоль пола, поглощая свет, звуки и запахи. Она казалась почти живой, и Немо знал, что отчасти это было правдой. Сложно было понять, где простое отсутствие всякого света переходит непосредственно в материю, из которой состояла сама Тварь. Однажды, пытаясь это выяснить, он едва не лишился руки, и повторять как-то совсем не тянуло. Поэтому парень внимательно следил за тем, чтобы держать дистанцию.

– Зачем ты сюда явилась, а? – продолжал говорить он, отступая и держа в уме расстояние, оставшееся до следующей коридорной развилки. – Тоже захотелось поглядеть на новенького? А тебе разве вообще есть разница, кого жрать? Или чужаки все-таки вкуснее, чем ходячие? Ну же, дорогая, поговори со мной. Мы столько лет знакомы, но ни разу не общались по душам. А я, между прочим, один из самых приятных собеседников в Городе.

Где-то сзади раздался короткий детский смешок, но у Немо не было ни времени, ни возможности оглядываться и искать источник звука. Конечно, гремлины госпожи Чиок держались поблизости. На самом деле он бы даже не удивился, если бы узнал, что Тварь их не трогает. Это как жгуче-кислые леденцы – раз попробуешь, а потом не отплюешься. В одном он был уверен наверняка: они были здесь явно не для того, чтобы помочь. В лучшем случае – чтобы контролировать ситуацию, но, скорее всего, чтобы не пропустить момент, когда Тварь размоет по коридору его кишки.

Он вел ее прочь от Эрика, в другое крыло здания. Память услужливо подкидывала расположение коридоров и кабинетов, но ни один из них не казался хорошим вариантом укрытия. Оставалось полагаться на свою скорость и реакцию – и на то, что чужак окажется ровно таким умником, каким пытался выставить себя все это время.

Загадки Города редко бывали сложными, они, напротив, так и просились быть разгаданными. Другое дело, что ответ на поставленный вопрос редко оказывался таким, какой чужаки хотели слышать – или тем более давать сами.

На развилке Немо свернул вправо, продолжая двигаться спиной и не упуская из вида ползущую за ним темноту. Ему на мгновение показалось, что он видел вдалеке мужскую фигуру, осторожно прошмыгнувшую на лестничную площадку, но, возможно, глаза его обманывали, выдавая желаемое за действительное. Парень обернулся через плечо, чтобы точно быть уверенным, что движется в нужном направлении, и заметил ярко выделяющийся элемент интерьера, которого точно не было здесь раньше: чуть смазанное фото какой-то блондинки с крупными, почти голливудскими кудрями, в траурной рамке. Вокруг нее на доске объявлений были приколоты записки, полароидные фото и открытки – пестрая россыпь запоздалых сожалений и попыток казаться равнодушным. Наверное, именно о ней говорила Вероника, когда упоминала чье-то самоубийство.

– Неплохая попытка, но мимо ворот, – пробормотал себе под нос Немо. – Наш умник пошел другим путем.

Воспользовавшись его секундной заминкой возле стенда с фотографией, темнота хлынула вперед, обволакивая лодыжки и стремительно взбираясь вверх по штанинам. Она была холодной и колючей, словно глухая зимняя ночь, случайно просочившаяся в натопленную комнату, и от ее прикосновения по его коже побежали крупные мурашки. Парень коротко выругался себе под нос, дернулся назад и, теряя равновесие, едва не шлепнулся на задницу. Повезло:

удалось схватиться за перила ближайшей лестницы и в два прыжка взлететь на верхний уровень коридора, куда она вела. Там, на архитектурной антресоли, тоже находились кабинеты – кажется, административные.

Теперь он мог наблюдать за происходящим поверх перил, отделявших его от пустоты над нижним этажом коридора. И, заняв эту более выгодную наблюдательную позицию, Немо обратил внимание на две свечки, горевшие по бокам от фото в траурной рамке. Ожидал, что Тварь погасит их так же легко, как она пожирала электрические лампы, но та отчего-то замерла в нерешительности. Тянулась к двум дрожащим огонькам своими щупальцами темноты, но не могла коснуться. И на мгновение – пусть даже это была абсолютно идиотская идея – Немо показалось, что она молится о чем-то и что он почти может различить в клубах мрака колено-преклонную фигуру, похожую на человеческую.

Обдумать и осознать ему это, однако, не дали – кто-то вдруг жестко схватил его за плечо, дергая назад. Почему-то Немо подумал, что это Ури, хотя его другу было совершенно неоткуда тут взяться, но та пара секунд, что потребовалась ему на осознание этого, не дала возможности оказать сопротивление или вырваться. Поэтому после щелчка запираемого замка кабинета, куда его затащили силком, он обнаружил себя стоящим напротив высокой хмурой женщины в очках и строгом костюме, сжимающей в руках длинную деревянную линейку.

– Госпожа директриса, – с дергающим его голос злым весельем поприветствовал ее парень. – Не могу сказать, что безмерно скучал по вашей... прекрасной наружности. Но раз вы решили заявиться сами, у нас всех большие проблемы, не так ли?

Она не отвечала, но продолжала буравить его холодным презрительным взглядом. На вид госпоже Чиок нельзя было дать больше сорока, но при определенном освещении она казалась намного старше. Лицо ее было сухощавым и бледным, водянисто-голубые глаза из-за очков казались больше, а волосы были стянуты на затылке так туго, что, казалось, еще немного и кожа не выдержит этого натяжения и пойдет красно-черными трещинами. Весь ее вид источал глухую, закованную саму в себе ярость, и рядом с ней невозможно было избавиться от ощущения, что ты сделал нечто ужасное – и, бесспорно, заслуживаешь за это самого строгого наказания.

Может, именно это ощущение вдруг натолкнуло Немо на вполне очевидную мысль:

– Это же вы еепустили, правда? – поинтересовался он, складывая руки на груди и принимая защитную позу. – Хотели преподать мне урок за ту девчущку? Клянусь, я понятия не имел, что она в петлю полезет. Знал бы – в жизни не сунулся. Мне с вами, госпожа директриса, проблем ну вот вообще не надо.

У женщины едва заметно дрогнули брови, словно она лишь в последний момент сумела сдержать свое удивление. Однако в ее голосе, когда она заговорила, не было и намек на него:

– Ты, безусловно, заслужил порку, мальчик. И еще получишь свое, тут сомневаться не приходится. Но, говоря по правде, я бы хотела обо всем позаботиться лично, а не перепоручать все некомпетентному специалисту.

– Логично, – пробормотал Немо, продолжая размышлять. Снизу по-прежнему было тихо, и оставалось только догадываться, чем именно там была занята сейчас Тварь: все еще сидела около фотографии погибшей девушки или уже втихую подкрадывалась к кабинету госпожи директрисы. А, может, потеряв интерес к Немо, снова отправилась на более сладкий и манящий запах чужака. Так или иначе, у него была еще пара минут, чтобы закончить этот – потенциально очень важный – разговор. – Она пришла уже после того, как двери закрылись. А пока они закрыты и чужак здесь, даже вам не под силу отпереть их. Что в свою очередь означает...

Он не договорил – просто расплылся в довольной улыбке, с предвкушением потирая руки.

– Мне совсем не нравится выражение твоего лица, – сухо отметила госпожа Чиок. – Что бы ты ни задумал, я больше не позволю тебе вмешиваться в мои дела и вредить моим девочкам.

– Уж не сомневаюсь, что так, как вредите им вы, никто другой просто физически не способен, – хмыкнул тот, качая головой. – Думаете, никто не знает о том, что здесь происходит по ночам?

Не то чтобы он собирался ее смутить или заставить оправдываться, но вот внезапно искаившей ее лицо улыбки не ожидал точно. Зубы госпожи Чиок были темными, словно вымазанными углем, и от этого ему на мгновение показалось, что их и вовсе нет. Ровно до того момента, как она коротко провела кончиком языка по их верхнему ряду.

– Ученики должны хорошо себя вести, – проговорила женщина, и костяшки пальцев, которыми она сжимала линейку, побелели. – Девочкам надлежит быть благочестивыми и скромными, а мальчикам – прилежными и ответственными. Тем, кто не может соответствовать высоким стандартам Старшей школы Чиок, нечего делать в ее стенах.

Немо вдруг передернуло. Он много чего слышал об этом месте и уже не раз тут бывал, но все еще не мог избавиться от вкрадчиво скребущегося под кожей ощущения, что в учреждении госпожи Чиок на орехи доставалось не только и не столько чужакам. Если бы призрачные бедолаги в бордовых пиджаках могли хранить в памяти больше нескольких дней, они бы давно...

Давно – что?

Сбежать из Школы они не могли, она привязывала их к себе, как пчел привязывает улей. Да и какие пчелы будут жрать свою матку, которая является центром их мира и благодаря которой их семья постоянно пополняется новыми членами? Даже если эта самая матка не считает зазорным использовать оторванные головы собственных подопечных для устрашения чужаков.

– Странно, что Эрика Сая отправили именно к вам, – медленно проговорил Немо, чтобы сменить тему и случайно не нырнуть с головой в суп из человеческих внутренностей на дне кроличьей норы. – Он вроде не особо похож на того, чья главная проблема в жизни – это косяк в старшей школе.

– Направление выбирает Город, а не я, – равнодушно отозвалась госпожа директриса, и ее лицо снова стало холодным и непроницаемым. Словно белый хитин снова сомкнулся, скрывая что-то мерзко копошащееся под его тонким слоем. – Но, насколько мне известно, это в любом случае лишь разминка. Его главные грехи не здесь, но кто-то должен объяснить ему правила, разве не так?

– Откуда вы знаете? – прищурился Немо. – Город вам нашептал?

Госпожа Чиок улыбнулась одними губами – взгляд ее голубоватых глаз оставался все таким же жестким и как будто теперь даже насмешливым.

– Можно сказать и так, – ответила она, склонив голову. – Мои птички иногда залетают в городской архив. Особенно когда намечается большая заварушка.

Архив? Немо напряг память, пытаясь вызвать в ней хоть какие-то ассоциации, но не смог. Все, что ему было известно про городской архив, так это то, что он периодически перемещался из одной части Города в другую. И что чужаков туда никогда не отправляли, а потому особого интереса он для парня прежде не представлял.

– Тебе бы стоило лучше учить свои уроки, мальчик, – не сдержала ядовитой усмешки госпожа Чиок. – Впрочем, я не удивлена. Таким, как ты, там делать нечего.

– Таким, как я? – огрызнулся Немо. Не хотел злиться, не хотел давать выход эмоциям, но он не сдержался. Мысль о том, что все это время у него под носом было нечто важное, а он это прошляпил, при этом искренне считая, что обходит Город хотя бы на полшага, кипятком плеснула ему по шее.

– Некоторые совершенно необучаемы, – пожала плечами госпожа Чиок, сощутив глаза. – Тебе явно нравится думать, что ты какой-то особенный, мальчик. Но, как по мне, ты просто пятно плесени, которое давно пора стереть.

– Ну так рискните здоровьем, бабуля, – гостеприимно развел руками Немо. – Посмотрим, кто из нас более продуктивно тратил время все эти годы.

Она метнулась вперед беззвучно и легко, чего никак нельзя было ожидать от женщины ее возраста, тем более в юбке-карандаше и на каблуках, и парень ощутил порыв ветра на своем лице от мазнувшей совсем рядом с ним линейки. Оскалился, пригнулся, подался назад. Врезался бедром в парту, но зато почти сразу нащупал ручку двери. Не дожидаясь, пока госпожа Чиок соберет воедино свое расплывающееся лицо, повернул ее, толкнул задом дверь и вывалился в коридор. Едва успел увернуться, и линейка, мгновенно увеличившаяся в длине, с грохотом обрушилась на перила. Брызнули щепки и запахло паленым, а в следующую секунду Немо ощутил, как чьи-то пальцы – слишком сильные, слишком длинные для женских или даже просто человеческих – сграбастали его за грудки, поднимая над полом.

– Проклятый выродок, – выдохнуло существо с черными зубами. – Это все из-за тебя.

Она швырнула его спиной вперед, и парень полетел вниз, проломив перила. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль о том, что ждет его внизу, но он не успел даже толком ухватиться за нее. Удар об пол вышиб воздух из его груди, и несколько секунд Немо просто не мог сделать вдох. Картинка перед глазами расплывалась – двоилась, троилась, ездила кругами, как лошадка на заевшей карусели. Он захрипел, сплюнул чем-то черным и вязким – кровью? – потом перевернулся на бок, ошалелым взглядом пытаясь отыскать госпожу Чиок. Но ее рядом не было, и вместо этого он наткнулся глазами на детские ножки в белых гольфах и лакированных черных туфельках.

– Где... где Тварь? – через силу протолкнул он слова через сведенное судорогой горло.

– Неподалеку, – ответила девочка, садясь на корточки и с интересом оглядывая его лицо. Провела пальчиками по подбородку, собирая кровь, потом с любопытством принялась рассматривать ее. – Она еще не нашла чужака. Но скоро найдет. Тогда все будет кончено.

– Хрена с два, – сплюнул Немо, садясь и встряхивая гудящей, как перегревшийся системный блок, головой. – Как будто бы я ей это позволю.

– А тебя никто не будет спрашивать, – пожала плечами девочка. – Госпожа Чиок еще немного поиграет с тобой, а потом сам знаешь. Ты, вообще-то, должен быть благодарен ей. Она единственная, кто не поставил на тебе крест. Мы будем очень рады, если ты останешься тут с нами навсегда. Тебе пойдет бордовый.

– Иди нахрен, сопля, – огрызнулся парень, держась за стенку и кое-как поднимаясь на ноги. Спина после удара об пол ныла, но, наверное, ему следовало быть благодарным за то, что не схлопотал директорской линейкой – интуиция безошибочно подсказывала ему, что в таком случае парой синяков дело бы не ограничилось.

– Ты просто пытаешься отсрочить неизбежное, – серьезно заметила девочка, теперь глядя на него снизу вверх. – Но нестрашно. Даже самые упрямые в конце концов понимают, что госпожа Чиок желает им добра. И чтобы все было хорошо, нужно просто ее слушаться. Если ты будешь ее слушаться, Немо, все будут довольны. А если нет... она все равно тебя заставит.

Он ничего ей не ответил – просто не видел смысла продолжать этот, без всяких сомнений, заученный диалог, призванный отвлечь его внимание. Нужно было как можно скорее найти Тварь – или Эрика. А, может статься, уже и обоих сразу. У него категорически не было времени ни на ворчание озлобленной старухи, ни на подколки ее малолетних подпевал.

«Какого же хера ты натворил, Эрик Сай?» – с досадой подумал он, поправляя одежду и ощущая клочья порванной ткани там, где госпожа директриса вцепилась в него перед тем, как сбросить со второго этажа. Тут же, словно вспомнив о чем-то, он обернулся к доске объявлений, на которой видел траурное фото. Оно все еще было там, как и все остальные стикеры и цветные бумажки, но за те несколько минут, что он провел наверху, кто-то успел основательно над ним поработать: глаза и рот девушки на снимке были теперь наглухо закрашены черным маркером.

Немо подошел ближе, пытаясь все же разглядеть ее лицо и запомнить его – чтобы узнать, когда девушка появится здесь собственной персоной, что было, в данных обстоятельствах,

практически неизбежно. Но гремлины безнадежно испортили фото, и, как он ни вглядывался, не мог даже примерно вообразить себе ее образ. Более того – чем дольше парень всматривался в испорченный снимок, тем более странное впечатление тот производил. Как будто лицо на нем шевелилось – или, точнее, отчаянно *пыталось* пошевелиться, изменить свое выражение, подать какой-то знак, но глухие черные блямбы на глазах и губах не давали этого сделать. Немо мог поклясться, что видит эту мучительную судорогу, безуспешно пытающуюся разорвать растянутую маркером улыбку, а за ней... за ней как будто что-то еще...

– Блять! – выругался он, отпрыгнув назад, когда поверхность фото выгнулась уже от совершенно реального движения внутри. Как будто кто-то ткнул в нее пальцем с той стороны – или вроде того. Только вот там была доска объявлений и глухая стена за ней.

Парень пытался отвести взгляд, но не мог, и воображение услужливо рисовало ему огромного жука-трупоеда, копошащегося под матовой бумагой.

А, может быть, даже не одного.

Он снова услышал призрачный детский смех, и этого хватило, чтобы взять себя в руки и наконец сдвинуться с места. Тело все еще плохо слушалось, но, по крайней мере, он мог идти вперед. В несколько прыжков преодолел лестницу, поднимаясь к радиорубке и молясь, чтобы Эрик оказался в состоянии позаботиться о себе. На мгновение замер перед дверью, собираясь с духом, потом повернул ручку, дернул дверь на себя и вошел.

– Ёб твою мать... – вырвалось у Немо, и он ощутил, как тело его наполняется тяжестью.

Тяжестью непередаваемого облегчения.

– Это ты, – коротко констатировал очевидное Эрик, опуская руки с зажатыми в них пистолетом. – Разве ты не должен отвлекать Тварь?

– Он даже с этим не справился, – закатила глаза стоявшая тут же Вероника. – Да ну кто бы сомневался.

– Нахуй иди, – миролюбиво посоветовал ей Немо. – Что вы нашли? Только не говорите, что опять выясняли отношения и строили друг другу глазки вместо того, чтобы заниматься делом.

– Я нашел это, – отозвался мужчина, указав на старый CD-диск, лежавший на столе. – Судя по всему, это с него воспроизвели запись.

– Дай-ка посмотреть, – оживился Немо, потянувшись к диску, но Эрик ловко перехватил оный, отводя руку назад. – Эй, в чем дело?

– Я не думаю, что тебя это касается, – сдержанно отозвался тот. – Это только мое дело.

– Позволь-ка я кое-что тебе объясню, – начиная терять терпение, проговорил парень. – Мы все застряли здесь из-за тебя. Где-то там, снаружи, – махнул он рукой в сторону двери, – ошивается злобный монстр, который может зажевать нас обоих и глазом не моргнув. Я знаю, что обычно все должно быть не так и что тебе полагается больше времени на осознание, принятие и все остальные стадии этого дерьма. Но у нас нет этого времени, понимаешь?

– Оставь его, Немо, – негромко проговорила Вероника, глядя на них обоих чуть исподлобья и сложив руки на груди. – Он еще не готов. Он не был готов двадцать лет назад и сейчас тоже... не может. Правда же, Эрик?

Она бросила на мужчину короткий выразительный взгляд, и тот до боли стиснул зубы, отчего на его щеках вздулись желваки.

– Дело в той девице с фото, да? – устало потирая переносицу, поинтересовался Немо. – Я видел ее. Милая блондиночка с большими оленьими глазами. Что ты ей сделал, Эрик Сай? Довел до самоубийства своим отказом? Не замечал, как она бежит за тобой по школе, ловя каждый твой взгляд и посылая анонимные валентинки на праздник? Разбил девочке сердце и теперь не можешь признать, что был эгоистичным мудаком, не замечавшим...

Его пламенная речь была прервана смехом Вероники. Правда, то, что она именно смеется, он понял не сразу – сначала ему показалось, что девушка задыхается или что у нее слу-

чился какой-то припадок. А когда Немо обернулся, то увидел, что она стоит, чуть согнувшись и прижав стиснутые в кулачки к груди. Девушка словно пыталась возмутиться или сказать что-то резкое, но хохот душил ее, и она никак не могла с ним справиться. Сгорбленные плечи Вероники дрожали, по щекам бежали вызванные напряжением слезы, и девушка в целом выглядела так, словно вот-вот упадет. Но когда Немо инстинктивно подался к ней, чтобы поддержать или хотя бы похлопать по спине, чтобы она выплюнула то, что застряло у нее поперек горла, Вероника резко выпрямилась, и его едва не сбила с ног волна холода, покотившегося от нее во все стороны.

– Он?! – каркающим, изломанным голосом воскликнула она. – Разбил девочке сердце? Это... это ничтожество?

– Ну, не знаю, как по мне, он выглядит как тот самый парень, за которым бегают все девчонки в старших классах, – пожал плечами Немо, однако глядя на нее со все нарастающим подозрением.

– Он... он... – у нее не находилось слов, и чувства, переполнявшие девушку, размазывали и скручивали контуры ее тела, заставляя мерцать и расслаиваться в пространстве.

– Ей нужно было просто подождать, ясно?! – наконец воскликнул Эрик. – Это был ее выбор! Ее, не мой! Я не хотел ничего такого!

– Я не знаю, кому и чего там надо было подождать, но... – Немо поднял глаза кверху, где начала мигать и потрескивать единственная лампа радиорубки. Вместе с ней начало странно шипеть и попискивать и остальное оборудование. – У нас уже точно нет времени ни на что. Поэтому предлагаю продолжить этот увлекательный разговор в другом месте, если никто не против.

Он направился к двери, но Вероника преградила ему путь.

– Он не уйдет отсюда, пока не признает то, что натворил, – отрывисто выдохнула она. – Он должен признать свою вину в том, что произошло!

– О, а вот и кит всплыл, – почти про себя пробормотал Немо. – Детка, нам правда сейчас вообще не до этого. Давай мы немного попозже вернемся и повторим.

Он небрежно попытался сдвинуть ее с дороги, приложив для этого не больше усилий, чем если бы боролся с пятилетним ребенком. Призраки всегда были ощутимо легче и слабее людей, а порой и вовсе просачивались сквозь пальцы, оставляя на них ощущение комковатого мокрого тумана. Они много болтали, этого не отнять, но физически были абсолютно безвредны, а еще невероятно податливы и...

– Отвали, – огрызнулась девушка, скидывая его руку. – Не прикасайся ко мне. Не смей прикасаться ко мне!

Словно отзываясь на ее взвизгивший голос, лампочка под потолком вспыхнула и лопнула, а холод, плещущий во все стороны от девичьей фигурки в школьной форме, стал совершенно невыносим.

– Нет, серьезно, у нас нет на это... – Немо не договорил, потому что в следующую секунду получил удар в грудь такой силы, что его буквально отшвырнуло к стене. И еще в полете, отзываясь на произошедшее, в его голове вспыхнуло всего одно короткое слово.

Нет.

Этого не может быть.

Так *не должно* было быть.

Такого просто *не могло* быть.

Если только не...

– Ах ты сучий потрох. – Это Немо выплюнул вместе со сгустком все еще розовой от крови слюны.

– Что? Что такое? – спросил Эрик, снова поднимая одной рукой оружие, а второй продолжая сжимать диск. – Что с ней не так?

– А то ты не знаешь, гондон ты рваный, – выдохнул парень, ощущая, как от захлестнувшей его горячей злости темнеет в глазах. – Какого хера ты не сказал мне?!

– Не сказал о чем? – вытаращил глаза мужчина, явно не понимая, что происходит. И тем выводя Немо из себя лишь сильнее.

– Она не проводник, – прошипел парень, медленно поднимаясь на ноги, – не одна из девочек госпожи Чиок. Она вообще не отсюда! Это *ты* привел ее сюда, Эрик Сай. Она и есть твой гребаный кит!

Аккомпанементом его словам прозвучал первый глухой удар, с которым кто-то из коридора обрушился на запертую дверь.

Мужчина открыл и закрыл рот, словно не найдя, что ему ответить на это. Диск жег ему руку, но он не мог заставить себя ни отшвырнуть его, ни сломать. Просто смотрел в глаза Вероники, которая сейчас казалась намного выше, словно парила в нескольких сантиметрах над полом, и время как будто бы обходило стороной их обоих.

Она обрезала и покрасила свои голливудские локоны в темный цвет вскоре после того, что произошло в ту ночь. Тогда Эрику казалось, что это первый сигнал о том, что девушке все же удалось каким-то образом справиться со случившимся и отделить себя от этого. Свою ошибку он осознал, когда было уже слишком поздно.

Мужчина слышал, как под натиском неведомой силы трещала дверь, но это казалось чем-то невероятно далеким – таким же далеким, как голос Немо, что-то ему кричавшего. Во внезапно сжавшемся до размеров радиорубки мире не существовало ничего более важного, чем лицо его давно умершей одноклассницы.

Лицо, которое он узнал в первую же секунду, как только увидел в магазинчике Мари.

– Говна кусок, да сделай ты хоть что-нибудь! Скажи ей то, что она хочет услышать, и все это закончится! – наконец-то пробился сквозь его ступор голос Немо.

Мужчина перевел на него ничего не выражающий взгляд, и в следующую секунду Тварь наконец выломала дверь.

Глава 10. Классная комната № 304

Когда-то давно Эрику казалось, что он никогда не сможет забыть события той ночи. Произошедшее всегда было где-то поблизости, скалилось и рычало из темноты, а стоило ему по неосторожности повернуться спиной – набрасывалось сзади, впиваясь клыками в шею.

Нет, лицо Вероники Данс вовсе не было первым, что являлось ему после пробуждения, и он редко думал о ней перед сном, но любая светловолосая девушка в бордовом пиджаке или кардигане что-то дергала и болезненно царапала внутри него. Иногда он даже пытался представить себе, что бы почувствовал, если бы в самом деле увидел ее живой и здоровой посреди улицы, но воображение обычно ему отказывало.

Однако встреча в магазине зеркал показала, что чувством этим будет страх. И вовсе не из-за того, что умершая двадцать лет назад школьница вдруг воскресла, а из-за того, что он прочел в ее глазах, когда их взгляды встретились.

Она ничего не забыла и не простила ему.

Эрик Сай познакомился с Вероникой Данс в старшей школе, когда они оказались в одном классе. Смешливая, уверенная в себе блондинка с ореховыми глазами привлекла к себе его внимание еще в самый первый день, и он почему-то до сих пор хорошо помнил, как она смутилась, когда он впервые задержал на ней свой взгляд. Конечно, Эрик знал, какое впечатление производит на девушек, и, конечно, Вероника была не первой и не последней, у кого перехватывало дыхание, когда симпатичный, но демонстративно неприступный одноклассник одаривал ее своей благосклонностью – пусть даже в мелочах. Но в ней было что-то особенное. Не настолько особенное, чтобы пробудить в Эрике желание подойти ближе и превратить этот случайный обмен взглядами во что-то большее, но достаточно, чтобы мысленно выделять ее из толпы прочих одноклассниц.

Позже, уже в зрелом возрасте, он пришел к мысли, что этим «особенным» была ее слабость. Ему стоило взглянуть на нее всего один раз, чтобы понять: эта девушка отдаст ему все, стоит ему только попросить и надавить посильнее. Только вот ни просить, ни давить он тогда не собирался.

Эрик помнил и тот день, когда она, набравшись смелости, первая с ним поздоровалась. Помнил, как хихикали и краснели ее подружки, стоявшие чуть поодаль, и как неловко он себя ощущал из-за того, насколько восторженно и в то же время смущенно она на него смотрела. Ему не нравилось то, каким сложным все вдруг стало и каких однозначных ответов от него потребовало. А он очень не любил сложности – особенно сложности в отношениях. Поэтому в тот день он был неприветлив, даже груб и таки добился своего.

Эрик обидел ее, после чего Вероника стала обходить его стороной. Сожалел ли он о своих словах, когда в очередной раз наткнулся взглядом на ее светловолосую головку или ловил ее улыбку, которая мгновенно меркла в тот же самый момент? Не настолько, чтобы забивать себе этим голову или искать способ исправить ситуацию.

«Девки-то, поди, тебе прохода не дают?» – посмеиваясь, спрашивал его отец в те годы.

«Да сдались они мне, – ворчал Эрик в ответ. – Мне главное в колледж поступить нормальный, чтобы из этой дыры выбраться. Не до девок пока».

«Ты ж не педик у меня, сынок? – с вызывающей тошнотворную тревогу лаской уточнял тот. – Ты у меня смотри. Лицом-то весь в мамку пошел, а она у тебя знатная шалава была, ни одного хуя не пропускала».

«Не говори так о маме», – просил мальчик, но отец лишь смеялся, одной рукой ероша его волосы, а другой стряхивая пепел с сигареты в переполненную пластмассовую мисочку, из которой когда-то ел их кот.

Кот давно убежал – ну или так говорил отец, – но Эрик вспоминал его каждый раз, когда его родитель брался за сигареты. Это была странная ассоциативная цепочка, начинавшаяся с запаха табака и заканчивавшаяся в темноте его крохотной детской спальни. Он засыпал, уткнувшись носом в теплый бок своего единственного друга, слушая, как за стеной подвыпивший отец и его друзья на все лады хаяли правительство, систему правопорядка, политиков, городские власти. Из-за алкоголя Сай-старший становился нервным, громким и чрезмерно экспрессивным, но на его сына эти пламенные тирады почему-то действовали успокаивающе.

Ведь если он кричал на других, то, значит, сегодня точно не будет кричать на него.

На свидания Эрик в то время и правда особо не ходил. Было что-то запредельно волнующее в том, чтобы осознавать – помани он пальцем, любая из них кинется ему на шею, – и в то же время сдерживать себя. Он казался самому себе невероятно крутым уже за счет того, что мог обходиться без секса – и даже как будто не хотеть его. Иногда, наедине с собой, он позволял себе фантазировать о всяком, но часто ловил себя на том, что посреди процесса его мысли переключаются на что-то постороннее, и он совершенно теряет интерес к происходящему. А все же достигая оргазма, Эрик потом не мог избавиться от навязчиво вертевшегося в голове вопроса: *и это все?* Это то самое, из-за чего его одноклассники сходят с ума и готовы из штанов выпрыгнуть, пытаясь понравиться девчонкам?

«С девушкой будет иначе», – так он говорил себе в такие моменты, и эта мысль дарила ему облегчение. А еще – возможность не усложнять.

Однажды он думал о Веронике, когда онанировал. Совершенно осознанно извлек ее образ из собственной памяти и представил, как она стоит перед ним на коленях, смотря все тем же своим робким и восторженным взглядом. Ему понравилось мысленно раздевать ее, понравилось воображать, как ее уже вполне оформившиеся груди касаются его коленей, когда девушка подается вперед. Он почти физически ощущал, как натягиваются ее светлые локоны, когда он наматывает их на пальцы и сжимает у корней. Дальше... дальше было что-то еще – нечто, кроваво-алым облаком заполнившее его голову, когда оргазм вырвался из груди сдавленным вибрирующим стоном. Эрику удалось убедить себя, что это была случайность, что его разум просто соскочил с нужной картинки и унесся куда-то совсем... не туда. И он правда не вспоминал об этом следующие два года, даже когда они случайно пересекались с Вероникой в коридорах, а она, подчеркнуто задрав нос, проходила мимо, не одаривая его и взглядом.

До той самой ночи.

Экзаменационная неделя выдалась крайне напряженной. Почти каждый день Эрик, как и многие другие его одноклассники, задерживался в школе допоздна: в библиотеке, в читальном зале, иногда просто в одном из пустых классов. Там готовиться было куда легче, чем в папиной тесной квартире, где вечно грохотал телевизор и невозможно было дышать от запаха сигарет, грязного тела и сгнивших объедков в мусорном ведре.

– О, ты еще здесь? – услышал он удивленный голос от двери, и, подняв взгляд, увидел стоящую в проеме Веронику. Кажется, она уже досадовала на себя из-за того, что заговорила с ним, потому что теперь недовольно покусывала губы и не знала, куда смотреть. – Я думала, все уже ушли. Охранник попросил проверить классы.

– Да, я... уже тоже закончил, – кивнул Эрик, поднимаясь из-за парты. – Погоди минутку, я сейчас соберу вещи.

– Некогда мне тебя ждать, – поспешно отозвалась девушка, словно опасаясь, что он может подумать, будто она нарочно пытается остаться с ним наедине. – Надо остальные классы проверить. Выход сам найдешь. – И, не дожидаясь его ответа, направилась дальше по коридору.

Эрик, проводив ее взглядом, пожал плечами. То, что происходило у этой девчонки в голове, было исключительно ее проблемой, и уж точно не ему было разгонять это стадо тараканов.

Бросив короткий взгляд на часы, он осознал, что и правда порядочно засиделся: время уже перевалило за десять часов вечера и за окнами совсем стемнело. Кое-как утрамбовав свои учебники, тетради и пособия в сумку через плечо, Эрик выключил в классной комнате свет и вышел в коридор, прикидывая, есть ли смысл по дороге зайти в круглосуточный магазин за каким-нибудь полуфабрикатом или существовала вероятность, что отец оставил ему что-нибудь на ужин.

В его мысли неожиданно вмешались чьи-то голоса, доносившиеся из-за поворота. Эрик замедлился и остановился, не уверенный, как ему следует поступить дальше. Говоривших он узнал сразу же – и этот гогот, и визгливые нотки одного, и медвежий бас другого. Это была компания Дэва Торонто – того самого, что несколько месяцев назад зажал его в мужском туалете, а потом в приказном тоне посоветовал пошире открыть рот, если парень не хочет лишиться пары зубов. Эрик отказался и дорого за это заплатил. С тех пор у них с Торонто установились весьма напряженные отношения, и лишний раз попадаться ему на глаза – особенно посреди пустой школы поздно вечером – однозначно не стоило.

Сай метнулся назад, к тому классу, где только что занимался, и затаился внутри, оставив лишь крохотную щелку, чтобы следить за тем, что происходит в тускло освещенном коридоре. Голоса приблизились, на мгновение остановившись около поворота, а потом двинулись в его сторону. Эрик затаил дыхание, последним вдохом уловив нотки перегара и ядреного пота.

Та пара секунд, которая понадобилась банде Торонто, чтобы миновать его укрытие, тонкими иглами вошла ему под кожу, но все обошлось – они не заметили его, пройдя мимо. Осталось дожидаться, пока они найдут подходящее местечко, чтобы устроить там свои пьяные тела, и тогда он сможет проскользнуть к выходу. Ни к чему, совершенно ни к чему были ему эти нервы накануне последнего экзамена.

Эрик прикрыл глаза, отсчитывая про себя проходящие мгновения, и в тот самый момент, когда ему показалось, что теперь выйти будет безопасно, он услышал восторженный возглас Торонто:

– Ну-ка, ну-ка, а что это у нас тут?

На мгновение Сай решил, что это о нем. Весь замер, буквально окаменел, и лишь несколько ударов сердца спустя осознал: голоса доносились издалека, много дальше по коридору.

Да и не был единственным человеком, оставшимся в школе так поздно.

Первой его мыслью было бежать – бежать немедленно и как можно дальше. Предупредить охранника внизу, набрать номер службы спасения, найти хоть кого-то, кто сможет помочь. Потому что не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что может произойти в пустой школе между компанией пьяных подростков, которые, благодаря своему главарю, давно получили отпущение всех грехов, прошлых и будущих, и беззащитной и на свою беду очень симпатичной девушкой. Эрик даже вышел из класса и сделал несколько шагов по направлению к лестнице, ведущей на первый этаж, а потом замер, скованный по рукам и ногам одной просто мыслью: это было совершенно бесполезно. Охранник наверняка видел их, но не остановил и позволил подняться сюда. А полиция... Что сделает полиция против могущественного отца Дэва Торонто, который и так уже скупил полгорода? Нет, ему нужно было что-то посущественнее – что-то, от чего не получится избавиться, просто заткнув ему рот.

Эрик сунул руку в карман, нащупав там подарок отца на прошедшее Рождество – новенькую модель телефона со встроенной камерой. Такие начали появляться относительно недавно, и конкретно эта стоила ему многих часов корпения над учебниками, прежде чем он смог гордо представить своему родителю табель с отличной успеваемостью. Да, вот что нужно было сделать. От доказательств такого масштаба они уже не отвернутся – особенно если те станут достоянием широкой общественности.

Стараясь ступать беззвучно, Сай направился к единственному классу, сквозь верхние окошки которого в коридор еще струился свет. От напряжения у него начало сводить мышцы, и ему казалось, что, если сейчас кто-то его вспугнет, он сможет подпрыгнуть на пару футов вверх, как персонаж дурацкого детского мультика. По спине катился холодный пот, а собственное дыхание казалось невероятно громким, буквально оглушающим в этой ночной тишине. Чем ближе он подходил к источающему свет классу под номером 304, тем быстрее и яростнее сновали мысли у него в голове, в конечном итоге слившись в какую-то мутную горячую неразбериху.

Эрик медленно, преодолевая сопротивление собственного одеревеневшего тела, поднял руку с телефоном и поднес ее к щелчке приоткрытой двери, а потом нажал на запись.

Едва он это сделал, исчезнувшие было звуки вдруг обрушились на него со всей своей накопленной силой. Он услышал, как возмущается Вероника и как ее сперва недовольный голос вдруг становится неуверенным, потом – напуганным, а потом...

– Ну куда же ты убегаешь, Никки? – смеясь, спрашивал Торонто, судя по звукам сдвигая вставшие у него на пути парты. – Мы же всего лишь хотим повеселиться. Да прекрати ты себе цену набивать, чего ты.

– Не трогайте меня, – дрожащим голосом потребовала девушка. – Не приближайтесь!

– Да ну как будто ты меня не ждала, принцесса, – ухмыляясь, подмигнул ей Торонто, поигрывая мускулами, накачанными изнуряющими спортивными тренировками – и наверняка стероидами. – Просто признайся, что специально задержалась подольше. Я никому не скажу, правда.

– Отстань от меня, – усилием воли стараясь не срываться на крик или мольбу, прошептала девушка. – Просто дай мне уйти. Пожалуйста, мне нужно домой. Мне нужно к маме. Дэв, отпусти меня.

На маленьком экране телефона Эрика было видно, как Торонто проигнорировал последнюю просьбу девушки и рывком приблизился, преодолев разделяющие их пару шагов. Вероника вжалась спиной в шкаф, зажмурилась и отвернулась.

– Да ну уж не драматизируй, Данс, – поморщился парень. – Не строй из себя недотрогу. Все знают, что ты шлюшка та еще и что за Саем бегаешь с первого дня. Да только придется тебя обломать, принцесса – он не твоего поля ягода. Клянусь, когда он мне сосал в школьном толчке, у него хер чуть штаны не порвал.

Эрик сжал зубы, ощущая, как в голове потемнело от нахлынувшей ярости. В тот момент он был в шаге от того, чтобы ворваться в класс. И плевать на все – на последствия, на травмы, даже на то, что записанные на его телефоне полминуты низкокачественного видео не сошлись бы в качестве доказательства ни в одном суде. Остановил его голос Вероники – внезапно громкий, чистый и звенящий от гнева.

– Не говори о нем так! Заткни свою поганую пасть, Дэв! Какими бы влажными фантазиями ты себя ни тешил, он в твою сторону не посмотрит даже, ущербный ты кусок дерьма!

Тот ударил ее без замаха, коротко, но сильно, и девушка, захлебнувшись своими словами, рухнула на колени, прижимая дрожащие руки к щеке.

– Ты что, меня пидором назвала, сука? – сквозь зубы прошипел Торонто, тут же вздергивая ее обратно на ноги и встряхивая, как тряпичную куклу. – Или мне послышалось?

– Можешь драть на него сколько хочешь, но он скорее застрелится, чем твой вонючий хуй в рот возьмет. Я знаю, что тогда случилось! Знаю, что он отправил твою шестерку в больницу! Тебе никогда, слышишь, никогда...

Она кричала, плевала яростные слова ему в лицо, как если бы эта ярость помогала ей справляться с собственным ужасом перед происходящим и придавала сил. Эрик же мысленно умолял ее заткнуться, прекратить это бессмысленную и самоубийственную защиту его чести, о которой он вовсе не просил.

«Память заполнена», – услужливо сообщил ему телефон, прекратив запись видео. Сай беззвучно выматерился и, нервно тыкая по кнопкам, принялся удалять бесполезный ролик. Не поднимая взгляда от экрана, он услышал второй звук удара, прервавший пламенную речь Вероники, а затем то, как ее тело волокли по проходу. Она пиналась, кусалась, пыталась снова кричать, но теперь ее голос был каким-то булькающим, сдавленным, невнятным, утопающим в заливающей горло крови.

Дэв с размаху швырнул ее грудью на учительский стол, с которого посыпались канцелярские принадлежности и во все стороны полетели бумаги.

– Я тебе покажу, какой я пидор, сука, – просвистел он ей на ухо, задирая девушке юбку и одним резким движением срывая с нее нижнее белье. Вероника еще пыталась дергаться и сопротивляться, но он вжал ее щекой в стол, и та никак не могла подняться или повернуться. Звякнула пряжка расстегнутого ремня, и в этот момент Эрик наконец разобрался со своим телефоном и смог включить новую запись.

– Тупая шлюха, – сквозь стиснутые зубы выдохнул Торонто, насухую загоняя член в извивающуюся под ним девушку. Она закричала от боли, и кровь из разбитого носа и губы пузырилась у нее на зубах.

– Какая у тебя славная, тугая киска, принцесса, – удовлетворенно проговорил насильник, наваливаясь на нее сверху и стискивая ее взлохмаченные светлые волосы.

В ту секунду Эрика словно парализовало. Он вдруг вспомнил – вспомнил ярко, отчетливо, сумасшедше детальной вспышкой – похожую картинку, которая однажды встала у него перед глазами, пусть даже в совершенно иной ситуации. В тот момент это он был тем, кто стоял сзади, яростными ударами вбивая слабо дергающееся тело в учительский стол. И именно этот образ, почти дословно – включая кровь на скрюченных от напряжения пальцах, опутанных белокурыми прядками волос – тогда стал финальной каплей. Последним толчком перед одним из самых ярких оргазмов в его жизни.

В его штанах что-то горячо и требовательно толкнулось, а к горлу подкатила невыносимая, горькая тошнота. Он зажал рот ладонью, ощущая, что еще секунда и его просто вывернет прямо тут. И в этот самый момент Эрик вдруг осознал, что Вероника перестала дергаться и кричать и замерла, словно мгновенно лишившись всех сил и воли к сопротивлению. Лишь толчки бедер Дэва заставляли ее тело дергаться туда-сюда по разгромленному столу. Ореховые глаза были расширены, залитый кровью рот приоткрыт как будто в легком, нечаянном удивлении.

Она смотрела прямо на Эрика и на телефон, что дрожал в его руке. А тот не мог пошевелиться, не мог даже скрыть собственное возбуждение – постыдное, отвратительное и пугавшее его похлеще того, что происходило в классной комнате номер 304. Молился о том, чтобы девушка не заметила хотя бы этого. А потом, действуя почти на уровне рефлексов, отдернулся назад, в темноту, и тогда Вероника закричала снова.

~

Чернота хлынула через порог радиорубки, и призрак девушки в бордовом пиджаке на мгновение полностью утонул в ней, поглощенный, развоплощенный, практически стертый с лица земли беспощадным натиском никем не управляемой силы. Бесформенное, сконцентрировавшееся почти у самого потолка темное облако замерло, дрожа и потрескивая, словно готовясь вот-вот разразиться грозой, и эта пауза была, кажется, их единственным шансом спастись.

– Валим, живо! – Немо буквально пинками погнал замершего в шоке Эрика к сломанной двери. – Да очнись же ты, тупая твоя башка!

На выходе мужчина едва не потерял равновесие и чудом не вписался лицом в стену напротив, но его спутник за ним не поспел: в последний момент вырвавшиеся у Немо из-за

спины щупальца обвили грудь и плечи парня, дернули назад и швырнули на погасшее, мертвое оборудование.

Тот зашипел от боли, но попытался встать и нащупать что-то для самозащиты, однако от заполнившего радиорубку холода мысли путались, а тело отказывалось слушаться. Все, что он смог сделать, это поднять голову и увидеть крошечный мрак, заполонивший все пространство перед ним. Словно кто-то разрубил тесное помещение пополам, выбросив ту половину, в которой находился Немо, прямоком в открытый космос.

Этот космос манил, звал к себе, нашептывал что-то, но даже в своем нынешнем состоянии парень ни на грош не верил этому шепоту и его обещаниям. Да вот только сил сопротивляться как будто в самом деле не осталось.

– Ты тоже это чувствуешь, правда? – внезапно охрипшим голосом спросил он, не зная, на чем конкретно сфокусировать свой взгляд и просто смотря куда-то вперед в одну точку. – Чувствуешь, что мы похожи? Может быть, я вообще единственный, кто тебя понимает. Все это... все это такая срань, но я вообще не представляю, как отсюда выбраться. Как... *по-настоящему* все это закончить?

Может быть, зрение обманывало его, но Немо вдруг показалось, что в медленно текущей к нему темноте он видит чью-то фигуру. Было непонятно, мужчина это или женщина – и вообще, человек ли в общепринятом смысле этого слова, – но от самой возможности говорить с кем-то, хоть отдаленно похожим на него самого, парень испытал неожиданное облегчение.

– Может, они зря все это про тебя говорят, что думаешь? – уже громче спросил он. – Может, все это время ты просто искала... подходящего собеседника, а? А тебя никто не понимал, все прогоняли и пытались убить. Знаешь, если так, то самое время в этом признаться. Я все пойму, не переживай. Даже не буду обижаться за тот раз и за руку. Ну, всякое бывает в конце концов, у всех нас случаются паршивые дни. Я вот, когда не выплусь, например, тоже могу пару голов оторвать, дело-то житейское...

Теперь он совершенно точно видел чью-то фигуру в черном облаке. Она стояла, чуть склонив голову набок, и как будто бы с интересом его слушала. И чем явственнее проступали ее контуры, тем менее плотным становился мрак вокруг нее, словно скапливаясь и сливаясь воедино.

– Вот так, дорогая, давай, – подбадривал ее Немо, по-прежнему предпринимая тщетные попытки подняться на ноги. – Ты сможешь, я знаю. Мы с тобой станем отличными друзьями. Госпожа директриса мне ведь все рассказала. Ты сюда пробралась незваной, так ведь? Границы, которые устанавливает Город, для тебя не проблема. А если для тебя не существует запертых дверей, то как насчет попробовать вломиться в самую большую и самую главную, а? Бьюсь об заклад, тебе не меньше моего интересно, что же этот сукин сын припрятал на вершине Обелиска.

Тварь как будто в самом деле заинтересовалась. Парню даже показалось, что она кивнула в ответ на его слова.

– Вот и я подумал, что было бы классно нам объединить усилия, – подвел итог парень, которому наконец-то удалось привести себя в вертикальное положение, пусть даже с опорой на стоявшую позади аппаратуру для трансляции школьных оповещений. – Ну что, по рукам? Ты да я, команда мечты, правда ведь?

Он в самом деле протянул ей руку, и по его спине пронесся ворох щекочущих мурашек, когда Тварь внезапно зеркально отразила его жест. Как загипнотизированный, Немо сделал короткий шаг вперед, даже близко не представляя, чем все может закончиться, но в этот самый момент раздался смех.

Сперва он решил, что это снова гремлины госпожи директрисы – в конце концов, гадкие малявки ржали над ним всю дорогу, – и лишь спустя несколько секунд осознал, что смех доносится не откуда-то сбоку или извне – он раздастся прямоком из утробы стоявшей напротив

него черной фигуры. Вся она буквально тряслась от этого нечеловеческого, отрывистого, кашляющего смеха. И тряска эта была такой сильной, что в какой-то момент тело ее не выдержало и будто бы надломилось пополам.

Немо даже не успел удивиться или вскинуть брови, потому что на месте разрыва, ровно поперек живота, в кроваво-красной ухмылке растянулся огромный рот. Он смеялся, и верхняя часть почти человеческого туловища над ним болталась туда-сюда, как неудачно натянутая на руку марионетка. Не замолкая и не переставая дергаться, Тварь поперла на него, расползаясь во все стороны щупальцами и клубами ледяного черного дыма. Немо выматерился, снова отпрыгнул назад, вжавшись в угол радиорубки, и в эту самую секунду прогрехотал выстрел.

Пуля прошла сквозь темноту навывлет, как будто вовсе не задев ее, но Тварь вдруг остановилась. Замерла, замолкла, окаменела. На мгновение Немо подумал, что она прямо сейчас рассыплется на осколки из черного стекла, исчезнет, как дурной сон поутру, однако фигура только взвыла – то ли от боли, то ли от ярости – и метнулась назад, в раскуроченный дверной проем.

Немо ждал второго выстрела, но его не последовало. Зато вернулось тепло, а вместе с ним – чувствительность и способность нормально двигаться.

– Долго ты... собирался, – прохрипел он, обращаясь к замершему напротив двери Эрику.

– Думал, сдержишь ли ты свое обещание вырвать мне нахер руки, если я это сделаю, – отозвался тот, тяжело выдыхая и опуская пистолет. – Кажется, я промазал. Не знал, куда целиться.

– Ты ее спугнул, а это главное, – пробормотал парень, опершись ладонями о колени и тщетно пытаясь восстановить дыхание. – Будем надеяться, она поняла намек и в ближайшее время не сунется.

– Очень на это рассчитываю, – кивнул Эрик. – Так ты в порядке?

– Буду в порядке, когда выберемся отсюда. Куда делась Вероника? Я потерял ее из вида, когда Тварь сломала дверь.

Мужчина огляделся по сторонам, словно в самом деле ожидая увидеть ее строгий силуэт где-то поблизости, но, кроме них, в коридоре больше никого не было.

– Она ведь... вернется, правда? – тихо спросил он, убирая пистолет обратно в кобуру.

– Да уж не сомневайся, – подтвердил его спутник. – Вернется и всю душу из тебя вытрясет, умник. Но лучше так, чем... Ух, короче, ты сам все видел.

– Ты сказал, она моя тень, так? Ну, до того как... – Эрик абстрактно повел рукой.

– Все пошло по пизде? – подсказал Немо. – Да, так и есть. Было бы куда проще и быстрее, если бы ты сразу сказал, что знаешь ее, а не устраивал театр одного актера.

– Наверное, – не стал спорить мужчина. – Я просто все еще не совсем понимаю, как и... Да я вообще почти ни черта не понимаю, и такое чувство, что еще чуть-чуть и у меня просто голова нахрен взорвется от всего, что тут происходит.

Он сплюнул и сжал кулаки, кажется, с трудом сдержав порыв засадить одним из них по стене или чему-нибудь еще поблизости.

– Ладно, ладно тебе, не психуй, – поморщился Немо, наконец выпрямляясь. – Думаю, ты был достаточно хорошим мальчиком, а потому заслужил немного логики и адекватности. Но только не злоупотребляй, у нас тут такое выдают исключительно по большим праздникам. Идем.

Эрик повиновался – не споря, не возражая, даже никак не комментируя слова Немо.

Внезапно он ощутил, как сильно устал за этот бесконечный день. Возвращение Вероники, пытающийся их сожрать монстр, призраки, его старая школа и эти проклятые воспоминания, от которых он думал, что давно уже избавился. На этом фоне его номер в Отеле с тупыми рекламными проспектами и жутковатым управляющим казался сейчас буквально санаторием. Неужели существовал расклад, при котором он вернется туда целым и невредимым? Может

быть, в самом деле проще было покориться Городу и сделать, что от него требовалось? Попросить прощения у Вероники за то, что не спас ее? За то, что струсил, и за то, что случилось потом?

Но даже если так, разве сможет она его простить спустя все эти годы?

И что он будет делать, если нет?

Глава 11. Скажи это сам

Эрик с Немо вернулись на первый этаж. Им повезло – их никто больше не задерживал и не пытался остановить. И даже помещение Клуба любителей паранормального было настезь открыто, словно классная комната не могла дожидаться, когда же они наконец вернутся и закончат то, что начали.

Закрыв дверь и для верности подперев ее близстоящей партой, мужчина тяжело опустился на одну из напольных подушек, рассеянно наблюдая за тем, как Немо что-то старательно рисует мелом на грифельной доске, иногда сверяясь с тем самым листком с классификацией, который они обнаружили здесь в их прошлый визит. Эрик даже позволил себе ненадолго прикрыть глаза, чтобы успокоить все еще бешено колотящееся сердце и, видимо, задремал, потому что очнулся после того, как парень легонько пнул его в бок.

– Ну вот как-то так, – сообщил тот, двумя руками указывая на доску, которая была поделена на несколько секторов с текстом и чем-то вроде палочковых человечков внутри.

– Что... это? – потирая слезящиеся глаза, поинтересовался Эрик.

– Примерно то же самое, что было на бумажке, только красиво и с картинками, – даже с некоторыми нотками гордости в голосе отозвался Немо. – Как и договорились, рассказываю только то, что ты бы и так узнал без меня, просто потратив чуть больше времени.

– А ты там тоже есть? – уточнил мужчина, у которого пока слегка кружилась голова от обилия новой визуальной информации. – А та... девушка из магазина?

Он вспомнил о Мари внезапно, почти случайно, может быть, потому, что один из рисунков напомнил ему ее – схематично нарисованный человечек в белом платье с короткими волосами чуть выше плеч.

– Из какого магазина? – вопросительно поднял брови Немо.

– Зеркал, – подумав пару секунд, вспомнил тот. – Да, кажется, она продавала зеркала.

Парень хмыкнул, кажется, позабавленный этим фактом.

– Наш пострел везде поспел, ты погляди.

– Получается, она тоже... из ваших? – Хотя звучало это как вопрос, в правильном ответе на него мужчина почти не сомневался. И его собеседник подтвердил очевидное предположение, убежденно кивав головой:

– Из наших, из наших. Но к ней вернемся позже. Давай-ка начнем сначала. Вот из этого угла. – Он ткнул пальцем в верхнюю часть доски, в которой были нарисованы какие-то странные существа, похожие на гибрид курицы и динозавра.

– Итак, нижний уровень – это ходящие, – неожиданно поставленным, почти учительским тоном начал Немо. – Ты их, видимо, еще не встречал, но, поверь, как встретишь, уже никогда не забудешь. Тупые, бесполезные, в большинстве своем безобидные. Я их воспринимаю как голубей, которые шляются туда-сюда по улицам. Зачем они тут, вообще непонятно. Второй уровень – призраки. Но не те, о которых говорила твоя Вероника. У этих вместо желания жизни после смерти есть разве что неистовое желание драить полы. И обычно они состоят на побегушках у тех, кто посильнее, и выполняют их волю и приказы. Мелкие гремлины, которых мы сегодня видели – как раз из их числа.

Эрик кивнул, но не смог не спросить:

– А о ком тогда говорила Вероника, если не о них?

– До сих пор не догадался? – выразительно двинул бровями Немо. – Или хочешь воспользоваться своим третьим вопросом?

Испытав легкое чувство досады, мужчина мотнул головой:

– Нет, спасибо. Давай дальше.

– Окей, без проблем, – легко согласился тот. – Третий уровень – тени. Они стоят чуть выше в общей иерархии, потому что в отличие от этих дубинушек стоеросовых с памятью золотой рыбки они более вдумчивые и осознанные. Могут даже показаться разумными, если не понимать, с кем связался. Тени – это тоже по сути заевшие пластники, только сфокусированы не на повторяющихся действиях, а на конкретном стремлении – порой даже довольно сложном и эмоционально противоречивом. Полагаю, твоя Вероника ждет от тебя извинений и признания своей вины – что бы ты там ни натворил. И пока их не получит, ты от нее не избавишься.

– Ты сказал, это я... привел ее сюда, верно? – вспомнил Эрик.

– Да, в этом и соль, – выразительно кивнул Немо, кажется, довольный тем, что это отложилось у мужчины в памяти. – У призраков нет иного центра притяжения, кроме их хозяев. Например, госпожи Чиок, если мы говорим о Школе. А тени привязаны только и исключительно к чужакам вроде тебя. Вы приносите их с собой, словно бомбу замедленного действия в собственной памяти. И разрядить такую бомбу под силу опять же только тому, кому она принадлежит. Это одно из долбанных правил Города: все свое ношу с собой. Он просто выпускает теней наружу и дает им голос, но все остальное – твоя забота. И если чувство вины в лице Вероники тебя убьет, это будут только твои проблемы, сечешь?

Эрик помолчал, переваривая его слова, потом вяло кивнул:

– Хорошо, давай дальше.

– Окей, поехали сюда. – Немо снова переместился по доске. – После теней идут ребята вроде нашей дорогой хозяйки зеркального магазина. Их в Городе, на самом деле, намного меньше, чем рядовых призраков. И это то, что тебя ждет, если не будешь достаточно расторопным.

– В каком плане? – напрягся мужчина.

– Помнишь, я говорил, что если ты слишком затянешь с прохождением своего пути, Город тебя убьет? – уточнил его собеседник и, дождавшись неохотного кивка, продолжил: – Ну так вот, после смерти ты, скорее всего, станешь таким, как эта Мари. Постепенно забудешь свое прошлое и начнешь торговать семечками на углу. Ну или устроишься вышибалой в бар, я не знаю. Я называю эту группу гребаными неудачниками, но моя... одна моя знакомая предпочитает более поэтичное название – заблудшие души. Они просто таскаются туда-сюда, пакосят по мелочи, страдают и воют на луну, пока однажды их не сожрет Тварь или товарищи по несчастью.

– Все чудесатее и чудесатее, – пробормотал мужчина, хмурясь. – А это тогда кто?

Он ткнул пальцем в пятую по счету секцию на доске. Там были изображены то ли зомби, то ли ходячие скелеты – примитивность рисовки не позволяла сказать с уверенностью.

– А это охотники, – с готовностью отозвался Немо. – Те... заблудшие души, которым надоело таскаться и страдать, и они из жертв сами стали хищниками. Полностью перешли под юрисдикцию Города так сказать, и он выдал им добро на... поддержание в тонусе этих улиц. Эти ребята будут пытаться сожрать тебя даже за просто так, потому что ты им не нравишься. Могут быть надоедливыми, но лично для меня это как злая болонка – будет больно, если покусают, но ей, скорее всего, достанется сильнее.

– Значит, даже Мари может... – мужчина абстрактно повел рукой.

– В какой-то момент это неизбежно, – подтвердил его спутник. – Так что на твоём месте я бы брал на свидание не только цветы, но и что-нибудь тяжелое. Просто на всякий случай.

Эрик рассеянно кивнул, сейчас пребывая мыслями где угодно, но точно не на свидании с Мари. Потом медленно уточнил:

– А куда же относишься ты? И госпожа директриса? Есть еще какие-то... группы?

– Есть еще шестой и седьмой ранги, – снова кивнул Немо. – Меня и некоторых других Полин и ее приятели условно отнесли к шестому. Госпожа директриса, Карл и прочие, у кого есть подведомственная территория, населенная призраками и участвующая в испытаниях

чужаков, считаются вершиной пищевой цепочки. Хотя помимо них есть еще Тварь, которая в классификацию не вписывается априори. Ну и, конечно... – Он ткнул мелом в верхнюю часть доски, где был нарисован карикатурный мужской член, устремленный вверх. – Есть Обелиск и тот, кто всем этим зоопарком управляет оттуда. Лично я с ним никогда не встречался, так что тут наверняка ничего не скажу.

Выслушав его, Эрик глубоко задумался. Благодаря этой нехитрой презентации, имевшейся на тот момент пробелы в его голове начали постепенно заполняться. И если не задаваться бесполезными вопросами типа «какого хрена» и «почему все устроено именно так», а просто работать с тем, что было известно, он вполне мог разработать план.

И выбраться отсюда.

– Я знаю, чего она хочет, – медленно произнес мужчина. – Вероника, я имею в виду. И у нас есть то, чем мы можем припугнуть Тварь, если... станет совсем жарко. – Он выразительно указал взглядом на пистолет у себя под курткой.

– Да, – вдруг нахмурился Немо, – кстати об этом.

– Догадываюсь, что ты хочешь сказать, – покачал головой Эрик. – Не переживай, я постараюсь больше не тратить патроны. Осталось еще четыре, и они у меня и так на вес золота, если тебе интересно.

– Это хорошо, – с облегчением выдохнул парень.

– И да, пожалуйста, – выразительно добавил мужчина.

Не поняв, о чем он, Немо вопросительно изогнул бровь.

– Я спас тебе жизнь недавно. Помнишь? – Отчего-то мужчина почувствовал себя глупо, напоминая об этом.

– А, вот ты про что, – равнодушно пожал плечами парень. – Я бы даже умильно всплакнул, если бы хоть на секунду поверил, что дело было во мне, а не в том, что ты панически боишься остаться тут один. Не трать больше патроны попусту, Эрик Сай. Лучше расскажи мне о Веронике. Правду на этот раз.

– Что... именно ты хочешь знать? – нахмурился тот.

– Все, – просто отозвался Немо. – Но в кратком пересказе, если можно. У нас нет времени на пьесу в трех актах, так что начнем сразу с сути.

Однако начать сразу с сути у Эрика не вышло: слишком уж неприятной и постыдной оказалась эта самая суть. Но поплутав немного по контексту, обстоятельствам и запутанной предыстории, он в итоге все равно вынужден был заговорить о классной комнате № 304. И о том, что там произошло.

Что удивительно, лицо Немо на протяжении всего этого рассказа практически не менялось – тот всего пару раз хмыкнул и задал один уточняющий вопрос, но в основном просто молчал и смотрел на своего собеседника ничего не выражающим взглядом. Словно таких историй, какой мужчина только что с ним поделился, он слышал уже вагон и маленькую тележку, а потому давно устал удивляться, возмущаться или ужасаться чему-либо.

– Значит, она решила не заявляться в полицию? – попыток услышанное парень, когда Эрик наконец закончил.

– Я... пытался ее уговорить, но... – Мужчина сокрушенно покачал головой. – А ведь она прекрасно знала, что у меня были доказательства. Знала... лучше кого бы то ни было другого.

– Думаешь, она уже тогда приняла решение относительно того, как... все закончится? – задумчиво спросил Немо.

Об этом Эрик тоже много думал в свое время. Поначалу этот ответ казался ему самым очевидным и простым – не он сломал Веронику и не он был причиной, из-за которой девушка сделала то, что сделала. Он просто оказался в неподобающее время в неподобающем месте. И не смог бы ее спасти, даже если бы постарался. Ничего не поделаешь.

Но с годами, навидавшись всякого во время службы, мужчина изменил свою точку зрения:

– Нет, – покачал головой он. – Мне кажется, она просто не хотела, чтобы это... стало частью ее жизни. Следствие, свидетельские показания, потом суд и очная ставка. А что если отец Дэва дал бы кому-нибудь на лапу и дело бы по итогу замяли? Она бы ничего не добилась, но на нее бы все показывали пальцем.

– Тебе... *кажется*? – уточнил парень, подловив его на слове. – Ты не говорил с ней? Не спрашивал о причинах?

– Не уверен, что это можно было назвать разговором, – отозвался тот, чуть поморщившись. – Она взяла с меня слово, что я никому никогда не скажу – и что ту запись никто никогда не увидит. И предложила до конца выпускного года не общаться.

– Надо полагать, ты согласился. – И снова эта насмешливая полуулыбка. Словно Немо знал – или, по меньшей мере, понимал – куда больше, чем следовало бы. Словно человеческие пороки и грехи были для него как семь музыкальных нот, которые он мог распознать по одному лишь звучанию, даже не заглядывая в партитуру.

– Я считал, что она справилась и... – произнес Эрик, усилием воли прогоняя из головы застывшее там и полное укора лицо девушки. – Позволил ей принять это решение. В конце концов, это была ее жизнь и ее... травма.

– Которую ты, надо полагать, порядочно усугубил, поучаствовав в качестве главного оператора, – не сдержал язвительной подколки парень.

На это Сай уже ничего не ответил, посчитав разговор исчерпанным.

– Так что было на том диске? – негромко уточнил Немо спустя пару минут неприятной, вязкой тишины. – Та самая запись с твоего телефона?

– Да, она, – устало кивнул Эрик. – Я скинул ее на диск и хранил в укромном месте, пока думал, что делать дальше. И то, что мы слышали в динамиках, это тоже...

– Да я уже понял, – отмахнулся парень. – Неудивительно, что ты так упорно не хотел про это вспоминать. Ей есть за что на тебя злиться, Эрик Сай.

Тот не стал отвечать на последние слова своего собеседника и вместо этого спросил:

– Значит, так он действует, да? Город? Варит тебя в твоём же дерьме, пока ты либо не захлебнешься, либо не опрокинешь всю посудину?

– Я тебе примерно это и втолковываю весь день, но да, метафора получилась ничего, – пробормотал Немо, взяв в руки тряпку и принявшись стирать с доски свои нехитрые художества.

– И что, нет способа... сделать это как-то иначе? – нахмурился мужчина, сложив руки на груди и внимательно глядя на своего спутника. – Только идти по проложенной тропе и слушаться... непонятно кого? Это вообще работает? Сколько из чужаков доходило до самого конца?

– Никогда не задавай вопросы, на которые на самом деле не хочешь знать ответа, – не глядя на него, улыбнулся парень.

– Хочешь сказать, что тебя это устраивает? Быть болванчиком на побегушках? – недоверчиво прищурился Эрик. Тот сморщился, словно от осязательного тычка под ребра, и бросил испачканную мелом тряпку на пол. Несколько секунд внимательно изучал глазами лицо собеседника, словно решая про себя, можно ему верить или нет, потом коротко отозвался:

– Нет, конечно. Поэтому-то мне и нужен ты. И твоя пушка.

– Опять она, – закатил глаза Сай. – Не хочешь же ты сказать, что во всем чертовом Городе больше нет никакого оружия?

– Дело не в этом. – Немо все еще сомневался, но после всего произошедшего в Школе не мог не признать, что его отношение к чужаку изменилось. Он многое узнал о нем, а еще – увидел, как тот ведет себя в экстремальной ситуации. И надо было признать, что мужества

и хладнокровия мужчине было не занимать. Из него мог выйти очень полезный союзник – да и, в конце концов, даже с частичной правдой управляться было легче, чем с полноценной выдумкой. И парень наконец решился: – Просто оружие из твоего мира... из места, откуда ты пришел, действует иначе, чем то, которое можно найти здесь.

– Не понимаю, поясни, – покачал головой тот.

– Так... заведено, – туманно отозвался Немо. – Чужаки имеют больше прав, чем местные, это я уже говорил. Аналогично с предметами из вашего мира. Они... сильнее. Например, здесь есть полицейский участок с целым арсеналом, и мы в свое время знатно повеселились, когда его грабили, но очень быстро стало ясно, что те пули действуют только на существ до пятого ранга включительно. Остальным – что слону дробина. Я тогда лично вызвался поучаствовать в эксперименте исключительно во благо науки, но даже заряд дробы в упор стоил мне всего недели в постели под нудное ворчание... одной заботливой дамочки.

В который уже раз он едва не назвал Шай по имени или своей сестрой? Невероятно, какое огромное место она занимала в его жизни, раз даже совершенно отвлеченные темы, никак напрямую с ней не связанные, все равно так или иначе заставляли его вспоминать о ней. Оставалось лишь надеяться, что у Эрика слишком много своих забот и проблем, чтобы обращать внимание на его постоянные оговорки.

И тот действительно явно думал совсем о другом.

– Хочешь сказать, что из своего пистолета я могу убить тебя? – медленно и вдумчиво проговорил мужчина.

– Как мелко ты мыслишь, – досадливо отмахнулся Немо. – Я всего лишь пешка. Я, госпожа директриса, остальные – мы лишь марионетки на ниточках. Даже Тварь... возможно. Хотя мне хочется верить, что нет.

– Значит, есть тот, кто за ниточки дергает? – сделал напрашивающийся вывод Эрик.

– А я о чем говорю? – выразительно щелкнул пальцами в его сторону тот. – Они могут звать его просто Городом, как если бы улицы, дома и здания могли иметь собственную волю, но я не верю в это дерьмо. Я уверен почти на сто процентов, что у Города есть лицо, есть физическое воплощение. И голову даю на отсечение, что это воплощение живет на вершине Обелиска. И если мы туда попадем и разберемся с ним, все закончится. Мы все станем свободны и сможем убраться отсюда. Ты в свой мир, а я... куда угодно, лишь бы подальше отсюда. И ты с твоей пушкой – мой лучший и самый надежный вариант за последние я даже не знаю сколько лет.

Слушая его, Эрик достал свое оружие из кобуры, смотря на него так, будто видел впервые. Теперь становилась понятна агрессивная реакция Немо на то, что произошло с динамиками в Клубе паранормального. Если эти пули предназначались для местного Бога, тратить их на то, чтобы заткнуть разбушевавшуюся тень, и в самом деле выглядело как кошмарное расточительство.

– А почему ты просто не забереешь у меня пистолет? – негромко спросил он. – Зачем тебе я?

Немо этот вопрос насмешил. Он осклабился и покачал головой:

– Думаешь, будь у меня такой вариант, ты бы еще тут сидел? Я не настолько падок на смазливых мужиков, чтобы сохранять тебе жизнь исключительно из эстетических соображений. Сказал же: у таких, как ты, здесь больше власти. Вы можете то, что недоступно нам. Безусловно, существует вероятность, что пушка сработает и в моих руках, но что-то я не готов просрать свой, возможно, единственный шанс на спасение в угоду собственному эго.

Некоторое время Эрик обдумывал его слова, пытаясь прикинуть, сможет ли каким-то образом использовать новую информацию себе на благо. Но с сожалением приходил к выводу, что Немо – это по-прежнему его единственный шанс не пропасть в этом мире. Пусть тот был болтлив и порой невероятно раздражал своими неуместными комментариями, но сейчас он

был самым надежным – если не сказать единственным – его источником информации. Кажется, как ни крути, им действительно предстояло работать вместе.

– Что ж, значит, нам нужно как можно быстрее со всем этим разобраться, – резюмировал Сай, поднимаясь на ноги и отряхивая штаны от пыли. – Как нам... вызвать Веронику? Где она может быть сейчас?

– По-моему, ответ на этот вопрос настолько очевиден, что тебе бы и вовсе не стоило его задавать, – заметил парень, следуя его примеру.

– 304-й? – безрадостно предположил мужчина, и Немо развел руками, мол, а чего еще ты ожидал. – Ладно. Пора заканчивать это представление.

– После вас, – склонился в шутовском поклоне парень, указывая ему на дверь.

Эрик кивнул – то ли ему, то ли самому себе – и направился к ней. Но после того, как уверенным рывком распахнул створку на себя, вдруг замер. А потом приглушенно выругался сквозь зубы и прищурился, пытаясь убедиться, что пляшущие по стенам тени не скрывают в себе кого-то живого.

Живого ли? Или, скорее, недостаточно мертвого?

– О, кажется, госпожа директриса устала ждать, пока ты сам разродишься, – заметил Немо, выглянув у него из-за плеча. – У нее это бывает, эта дама никогда не славилась особым терпением и чуткостью. Знаешь, из тех родителей, которые, объяснив тебе задачку по математике дважды, в третий раз берутся за ремень, потому что выносить твою тупость иначе у них уже не получается.

– Кому-нибудь стоило бы ей объяснить, что жизненные травмы и ошибки прошлого немного отличаются от примеров по алгебре, – пробормотал Эрик, оглядываясь по сторонам.

Все двери и повороты, которые были за стенами Клуба раньше, теперь исчезли, и перед напарниками вытянулся длинный глухой коридор-тоннель, стены которого были увешаны детскими рисунками и свечами. Казалось совершенно невозможным, что прыгающие словно от сквозняка язычки пламени не поджигают тонкую, испещренную то ли простым карандашом, то ли углем бумагу, и Эрику на мгновение подумалось, что, стоит им пройти достаточно далеко, как это хрупкое равновесие тут же будет нарушено и огонь мгновенно охватит всю Школу от фундамента до крыши. Нельзя сказать, чтобы эта идея ему совсем не нравилась – но только при условии, что сам он будет, по меньшей мере, в квартале отсюда. Уж точно не внутри вместе с разбушевавшейся тенью Вероники Данс.

Повинуясь внезапному импульсу, Сай достал из кармана сложенную карту Школы, которую забрал из кабинета биологии. Разворачивая ее, уже примерно представлял, что увидит, а потому даже не удивился.

– Dead end, – вслух прочитал он надпись, в которую упирался теперь единственный на схеме длинный коридор.

– Чуешь, тонкую игру слов подвели, – фыркнул Немо, тряхнув головой.

– Наверное, у меня в самом деле крыша поехала, потому что это почти кажется мне забавным, – вздохнул Эрик. – А вот это, кстати – совсем не кажется, – он указал на рисунки, покрывающие стены. За редким исключением все они изображали разного рода монстров. Безумные клыкастые ухмылки чередовались с зашитыми ртами, а кукольные лица с зооморфными мордами-масками. Или и вовсе – отсутствием голов, чье место занимали то мегафоны, то треугольные часы с кукушкой, то и вовсе что-то смутное похожее на старый ботинок. Сами по себе эти твари не были страшными, но их обилие, разнообразие и этот отвратительный мигающий свет заставляли желудок мужчины неприятно сжиматься и подкатывать к горлу.

– Ты знаешь, в чем разница между призраками и монстрами? – меж тем поинтересовался Немо, первым начиная идти вперед и совершенно не реагируя ни на тот факт, что от движения воздуха, вызванного им, рисунки встрепенились и потянулись к нему, как живые, ни на опасную близость сухой старой бумаги и огня.

– В том, что одни – это бывшие люди, а другие никогда ими не были? – уточнил Эрик, убирая карту и устремляясь за ним.

– Нет, хотя попытка засчитана, – усмехнулся парень. – Монстры означают страх перед внешней угрозой. Призраки – страх перед самим собой. Поэтому вторые всегда страшнее, а первые пугают ровно до того момента, как не найдешь дубину потяжелее.

– Честно сказать, никогда не понимал, почему детям так нравится вся эта... крипота. – Саю наконец удалось нагнать его, и теперь они шли рядом, плечом к плечу. – У моего напарника был сын, так он тоже в детстве с ума сходил от восторга, когда ему попадалась какая-нибудь такая дрянь. Весь компьютер у него был этим завален. Мне всегда это казалось диким, а Кайл только смеялся над ним. К счастью, малой это перерос примерно в средней школе. По крайней мере, начал интересоваться чем-то еще помимо своих страшилок.

– Дети ближе к смерти, – эхом ответил Немо. – По сути, время до рождения идентично смерти, разве нет? И они его помнят лучше. Поэтому их и тянет туда... сильнее. Они видят все это не так, как взрослые, потому что еще не научились бояться по-настоящему. А когда начинают – перестают быть детьми. – Эрик посмотрел на парня удивленно, словно не ожидал от него таких глубоких и почти философских размышлений, и парень, будто бы очнувшись, поспешил вернуться к своему привычному тону: – Я не знаю на самом деле. По мне, эти мелкие гремлины просто из кожи вон лезут, чтобы действовать мне на нервы.

– Сколько нам еще идти? – решил сменить тему мужчина. – Мне кажется, мы уже полторы Школы в длину прошагали, а этот коридор все никак не кончается.

– Усыпляют бдительность, – убежденно отозвался Немо. – Чтобы потом ка-а-ак выпрыгнуть из-за угла! – Он сам сделал короткий выпад в сторону Сая, и тот привычно отмахнулся от него. – Уже знаешь, что скажешь ей?

Легкая, почти неощутимая пауза, а потом полный горечи выдох:

– Конечно знаю.

– Ну тогда вперед, прекрасный принц, ваш дракон и заколдованная принцесса в одном лице ждут вас, – улыбнулся парень, взяв его за плечи и развернув.

Мужчина шумно выдохнул, ощутив вдруг, как в грудь словно бы залили ледяной воды. Исчезли рисунки, свечи, темный коридор-тоннель. Осталась только чуть приоткрытая дверь, из-за которой лился электрический свет и доносились сдавленные крики и звуки борьбы. Много лет назад он не смог себя заставить открыть ее и переступить порог, но здесь и сейчас, будучи уже взрослым мужчиной, обретя весь тот опыт, что обрушила на него впоследствии жизнь, повидав куда более жестокие и кровавые сцены – почему он медлил сейчас? Судьба давала ему второй шанс вмешаться и все исправить, изменить ход событий – пусть даже в собственной голове. Ведь можно же допустить мысль, что весь этот Город с его кошмарами и вправду был всего лишь сценой, не самыми изысканными и продуманными декорациями для чего-то куда более важного?

– Не надо... Пожалуйста, не надо... Отпусти меня... Я никому не скажу, обещаю, только отпусти!

Вероника закричала от боли и ужаса, и Эрик, не в силах больше выносить этот крик, что есть силы дернул дверь на себя.

– Оставь ее, слышишь! Не трогай ее! – взревел он, ворвавшись внутрь и до побелевших от напряжения костяшек сжимая кулаки.

Классная комната № 304 была пуста. В ней не было ни семерых гогочущих пьяных парней, ни окровавленной девушки в разорванной одежде. Только густые весенние сумерки, пахнущие дождем и дорожной пылью.

– Ты опоздал, – услышал он тихий печальный голос за своей спиной, и его кулаки безвольно разжались. – Ты опоздал на целых двадцать лет, Эрик Сай.

– Ты же знаешь, я сделал все, что мог, – проговорил он, низко опустив голову и не оборачиваясь. – Прости, что этого было недостаточно.

– Так ты за этим пришел сюда? За моим прощением? Тебе это нужно?

Она обогнула и села на парту, сложив руки на груди и глядя на него чуть исподлобья. Все те же темные волосы и фирменный бордовый пиджак школы. Ни крови, ни разорванной одежды – и почему-то это немного приободрило его. Словно мужчина в самом деле опасался увидеть девушку точно такой же, как на сделанной им записи.

Или такой, какой ее с большим трудом смогли отскрести от скоростного шоссе, на которое она прыгнула с эстакады через два месяца после произошедшего в 304-м классе.

– Мне нужно, чтобы ты поняла – я не мог тебя спасти, Вероника, – медленно произнес Эрик, глядя в ее непроницаемые ореховые глаза. – Я просто *не мог*.

Она коротко, едва заметно улыбнулась – словно вспышкой фар проехавшего мимо темной комнаты автомобиля.

– Так это твой ответ на все вопросы, Сай? – поинтересовалась девушка. – Ты *не мог* и все?

– Ну а что бы я сделал? – возразил он. – Ну, даже предположим, ворвался бы я туда, но их там было семеро!

– Я *отлично* помню, сколько их там было, – мотнула головой она, и волосы упали ей на лицо.

– Ты не понимаешь, я... – проникновенно начал он, но собеседница его перебила:

– Ты был моим героем, Эрик. – Вероника не повышала голоса, но было что-то такое в ее интонации, отчего ему хотелось втянуть голову в плечи. Это злило, как если бы она пыталась насильно внушить ему чувства, которых он на самом деле не испытывал. – Я верила в тебя, я знала, что ты достаточно сильный, чтобы дать им отпор. Может быть, единственный в школе, кто был способен на это. А ты... ты ведь просто... бросил меня им на растерзание. И потом... Думаешь, я не знаю твою самую постыдную тайну?

По спине мужчины пробежали колющие ледяные мурашки, и он с трудом сдержал сжавшую внутренности вспышку ярости.

– Я догадываюсь, как это выглядит с твоей стороны, – с нажимом произнес он, – но пойми и ты – если бы они уложили меня на соседнюю парту, ничего бы не изменилось.

– Изменилось бы! – почти выкрикнула девушка, но ее следующие слова прозвучали намного тише, словно у нее вдруг перехватило дыхание: – Ведь я бы не была там одна...

От накативших на нее эмоций Вероника снова замерцала в пространстве, теряя четкие контуры и словно перетекая с места на место. Казалось, что еще немного и она не выдержит и просто рассыплется на сотни блекло тлеющих искр.

– Вероника, мы оба... были детьми, – мягко урезонивая ее, проговорил Эрик. – То, что с тобой произошло, это ужасно, и мне очень-очень жаль. Но еще больше мне жаль, что ты не смогла справиться с этим. И что не поверила в то, что система сможет тебя защитить. Ты ведь даже... не попыталась.

– Я ненавижу тебя, – вдруг перебила его она. Мерцание прекратилось, и если бы не вдруг потянувший по классу холодок, Эрик мог бы поклясться, что перед ним стоит такой же человек из плоти и крови, как и он сам. – И себя за то, что видела в тебе того, кем ты никогда не был.

– Ты имеешь на это право, – подтвердил он. – Но твоя ненависть не поможет ни тебе, ни мне. Прости меня, Вероника. Ты *должна* меня простить. Прошлое не изменишь, и правда в том, что я с ним давно уже смирился. Так что тебе тоже стоит.

Девушка опешила. Глядя на него расширившимися от шока глазами, она едва слышно повторила его слова:

– Смирился? *Ты* смирился, Эрик Сай? С чем именно, позволь спросить? С тем, что даже не попытался спасти меня, или же с тем, о чем ты так старательно умалчиваешь, будто этого и

вовсе не было? Почему ты не рассказал Немо всю правду о той записи? Побоялся, что после такого даже он не захочет работать с тобой бок о бок?

– Знаю, что это совсем не то, что ты хочешь услышать, – не отступил мужчина, нахмурившись. – Но это правда. В какой-то момент я перестал видеть кошмары о той ночи. Она просто... затерялась где-то в моей памяти. Мы оба пострадали тогда, и нам обоим была нужна помощь взрослых. Но мы ее не получили. Поэтому ты покончила с собой, а я стал полицейским, чтобы подобное больше никогда не повторялось с другими детьми. Это – мой путь искупления, Вероника. И я прошел его до самого конца, поэтому мне больше нечего тебе сказать. Если ты не способна понять это и отпустить меня с миром, ты не оставляешь мне выбора.

Привычная тяжесть оружия оттягивала руку вниз, но он держал пистолет ровно, целясь девушке ровно промеж вытаращенных ореховых глаз.

– Я должен выбраться отсюда. Должен разобраться с тем, что происходит в этом долбаном Городе. Все это уже намного больше, чем ты и я, Вероника. Так что просто дай мне уйти.

По лицу девушки побежали слезы – сперва чистые и прозрачные, они спустя несколько мгновений окрасились алым, превращая ее лицо в жуткую посмертную маску.

– Ты ведь не за прощением сюда пришел. – Голос ее стал бесцветным и обреченным. – Тебе нужно услышать совсем другое. Но я не дам тебе этого. Так что если хочешь... скажи это сам.

– Я не виноват в твоей смерти, Вероника, – проговорил он, и эти слова как будто наконец распустили стянутую пружину в его груди, позволив впервые за целый день сделать полноценный глухой вдох. – Это не моя вина, что ты оказалась такой слабой и позволила тем ублюдкам сломать тебя.

Тень бросилась на него – бесшумно и яростно, словно собрав для этого рывка все свои оставшиеся силы.

Мужчина выстрелил. Его рука не дрогнула, и пуля попала точно в цель, сбив девушку на подлете и отшвырнув назад с такой силой, словно он всадил в нее, по меньшей мере, заряд дроби.

– Это... не конец для тебя... Эрик... – успела проговорить упавшая в проход между партами Вероника, медленно растворяясь в воздухе. – Он так просто тебя не выпустит. Даже не надейся.

– Посмотрим, – тихо ответил мужчина, убирая оружие обратно в кобуру. – Возможно, у меня уже есть джокер в рукаве.

Она в беспомощной ярости дернулась к нему снова, но силы уже окончательно оставили ее, и все, что ощутил мужчина, это легкий порыв ветра, вслед за которым в помещение снова вернулось тепло. Над его головой одна за другой начали загораться лампы, и темнота за окнами стала еще гуще и непроницаемее.

– Все-таки не удержался, да? – раздосадованно поинтересовался Немо, который и включил свет. – Зря я тебе рассказал про твою чудо-пушку.

– У меня осталось еще три пули, – пожал плечами Эрик, ничуть не урезоненный его словами. – Зато теперь нам ничто не мешает, так? Больше я не собираюсь отвлекаться на всякую ерунду и следовать указаниям Города, так что тебе не стоит переживать об этом.

– И все-таки извиниться было бы проще, – заметил парень, не спуская с него недовольного взгляда, даже когда Сай вышел из класса и уверенно направился к лестнице, ведущей вниз.

– У меня не было того, что было ей нужно, – отозвался тот через плечо. – Она хотела, чтобы я страдал и мучился. Но я не страдаю и не мучаюсь. Сделанного не воротишь, и дерьмо иногда случается. Я не был тем принцем, которого она так хотела во мне видеть, но разве это моя вина? Вероника сама невеста что себе нафантазировала, а потом я оказался виноват в том, что не соответствовал ее фантазиям.

Немо молчал, не спеша спорить с ним. У него было свое мнение на этот счет, и он знал, что сам бы точно поступил иначе. Было и что-то еще во всей этой истории, что почему-то не давало ему покоя – какая-то смутная недосказанность, незавершенность. Но даже если и так, не осталось никого, кто дал бы ему ответы на оставшиеся вопросы. Вероника была мертва – дважды мертва, если быть точнее. И на его памяти это был первый раз, когда чужаку сходило с рук нечто подобное. Когда Город *позволял* ему сотворить нечто подобное. Теперь не было смысла отрицать, что правила изменились. Система сбоила по всем фронтам, и это становилось все более очевидным. И если раньше Немо только злорадствовал про себя и обмозговывал, как бы поудачнее этим фактом воспользоваться, в тот момент, когда они с Эриком Саем беспрепятственно покинули Школу через распахнутые настежь центральные ворота, он впервые задался вопросом о том, почему это вообще происходило.

И почему именно сейчас.

Глава 12. Волчья яма

Несмотря на давно наступившую ночь, улицы Города были пусты. Словно, оставшись под впечатлением от того, как легко и не задумываясь Эрик сеял вокруг себя смерть, невидимый кукловод решил от греха подальше расчистить ему дорогу. Что только лишний раз убеждало Немо в верности его изначальных предположений: и пистолет, и патроны появились здесь не случайно – и были предназначены для кого-то конкретного. Однако делиться этими своими размышлениями с самим Саем парень пока не спешил.

Когда они бок о бок, словно давние друзья, вошли в холл Отеля, Карл за стойкой смерил их долгим задумчивым взглядом, а потом негромко уточнил:

– Я так полагаю, вопрос с бумажником улажен?

– Да, мы с господином Саем пришли к мировому соглашению, – тут же заверил его Немо. – Гость не имеет никаких претензий к Отелю и местному уровню сервиса, так что не переживай.

Эрик в ответ на это коротко хмыкнул, но ничего не сказал и только, когда они уже зашли в лифт, уточнил:

– Я так понимаю, бумажника мне больше не видать, так?

– Если любишь – отпусти, – посоветовал парень, ободряюще похлопав его по плечу.

Мужчина только покачал головой, но как будто даже усмехнулся себе под нос. Оставшееся время подъема они молчали, а когда кабина, неторопливо поскрипывая, добралась наконец до шестьдесят второго этажа и Эрик вышел, то обнаружил, что Немо за ним не последовал.

– Ты... не составишь мне компанию? – Голос его звучал почти удивленно.

– Я польщен твоим предложением, Эрик Сай, – фыркнул парень, выразительно сверкнув темными глазами. – Но я забыл побрить зону бикини, так что не уверен, что это хорошая идея.

– Я не это... – закатил было глаза тот, но Немо почти сразу перебил его:

– Я знаю, – и подмигнул мужчине за секунду до того, как их разделили закрывшиеся двери лифта.

Парень и правда не планировал оставаться с чужаком дольше, чем это было нужно. Во-первых, его ждали дома. Во-вторых, ему нужно было хорошенько обмозговать произошедшее в Школе.

А в-третьих, что-то сделать с разбуженными их небольшим приключением воспоминаниями. Теми самыми, что заставили Немо остановить кабину на сорок пятом этаже, а затем, помедлив всего пару секунд, все же выйти в полутемный коридор.

Здесь, в отличие от этажа, где жил Эрик, освещение было приглушенным, толком не разгонявшим ночную темноту, и тянущиеся вдоль стен закрытые двери почти сливались с окружающей обстановкой. Но парень, проводивший в этих стенах неприлично большую часть своего свободного времени в промежутках между появлениями в Городе чужаков, знал их расположение как свои пять пальцев – и мог найти нужную даже с закрытыми глазами.

Двадцать комнат на этаже: десять по левую сторону от лифта, десять по правую. Двери расположены друг напротив друга в шахматном порядке и ни одна не смотрит прямо на другую. А если побывать в каждой и подключить пространственное воображение, можно было легко прийти и к еще одному неожиданному выводу: даже соседние на одной стороне никак не соприкасаются, будто бы между ними находится еще одно помещение поменьше. Или просто пара метров сплошной кирпичной кладки и бетона. Все потому что каждой истории было положено храниться отдельно, не смешиваясь с другими и оставаясь закупоренной в собственном сейфе с непроницаемо толстыми стенками.

Впрочем, непроницаемость эта могла стать весьма условной – особенно для того, кто знал, где достать нужные ключи.

Немо подошел к двери номера 887. Зайти внутрь так и не решился – только положил ладонь на теплое и как будто бы чуть вибрирующее под его прикосновением дерево двери.

В номере 887 много лет назад жила Полин Шелли, главная из Великолепной Пятерки. Девушка, практически приведшая свою команду к ответам на вопросы, которые Город оберегал яростнее всего. Она и ее спутники оказались первыми и последними чужаками за всю историю, кому почти удалось попасть в Обелиск, не проходя для этого своих испытаний до конца, и в какой-то момент все действительно выглядело так, будто Полин и ее команда смогут вызволить не только себя, но и всех остальных.

А потом в дело вмешались чувства – никому не нужные, бессмысленные, возникшие, как сорная трава, там, где их не ждали и не хотели. И поддавшись им, позволив себе потерять контроль над происходящим, Полин совершила роковую ошибку. Ведь то, что проросло на этих мертвых улицах вопреки логике и здравому смыслу, было таким же свирепым и безжалостным – иначе ему было просто не выжить. Оно терзало и своего хозяина, и того, на кого оказывалось направленным.

И Немо знал об этом не понаслышке.

По пути домой парень продолжал думать обо всем этом: об Эрике, Веронике, Полин и самом себе. А еще о Твари. Той самой, что появилась из ниоткуда, буквально смешав с дерьмом все его изначальные планы двигаться неторопливо и постепенно, чтобы сперва измотать чужака до полного оупения и покорности, а потом уже начать скормливать ему нужные ответы и идеи. Однако по итогу именно это появление и дало парню ту идею, которая в моменте показала ему просто сумасбродной глупостью, но со временем начала все глубже пускать корни в его разум и казаться все более логичной и заслуживающей внимания.

Если он не ошибся в своих предположениях относительно Твари и ее способности обходить запертые двери и запреты Города, может ли так статься, что путь к Обелиску все это время был у него перед глазами?

И не к этому ли выводу в свое время пришла и команда Полин за пару дней до того, как официально перестать существовать?

Поглощенный своими размышлениями и почти не смотрящий под ноги, Немо в какой-то момент едва не навернулся, споткнувшись обо что-то в темноте и только чудом успев ухватиться за стену находящегося рядом здания.

«Блять», – мысленно припечатал он, а потом бездумно пнул лежавшую на дороге кучу мусора.

Кроссовок его, однако, тут же увяз в чем-то влажном и упругом, и только тогда Немо опознал в неожиданно возникшем на его пути препятствии наполовину выпотрошенный труп. Судя по отсутствию одежды и характерным формам – прежде тот был одним из ходящих.

Первым порывом парня после того, как тот освободил свою ногу, было просто пойти дальше, сделав вид, что смерть этого бедного тупицы вовсе его не касается – но что-то его удержало. Какая-то толком не оформившаяся мысль, яркой бабочкой вспорхнувшая и исчезнувшая на границе его сознания.

Пытаясь разобраться в собственных неясных ощущениях, Немо достал из сумки фонарик и осветил скалящиеся обломки ребер. Оглядев их повнимательнее, убедился в верности прежде сделанного вывода: да, это, без сомнения, был ходящий. Как будто немного более крупный, чем другие, но в остальном от них не особо отличающийся. Разве что отсутствием ног и наполовину выпотрошенным туловищем, ну да подобное в Городе едва ли можно было считать чем-то нетипичным.

Единственное, что бросилось парню в глаза, это старый белый шрам прямо над глазами. Словно кто-то хотел снять с бедолаги скальп, но посреди процесса вдруг передумал. Глядя на это, он вдруг вспомнил его товарища, которого охотники зажали в темном углу возле Отеля.

Что ни говори, сложно избежать неприятностей в Городе, где у каждого второго есть либо мачете, либо клыки и когти, а ты всего лишь голая безмозглая туша с лапками тиранозавра.

– Ну, по крайней мере, теперь я точно знаю, что ты выбралась и хорошо покушала, – резюмировал он, выпрямляясь и выключая фонарик.

Тело было определенно свежее, а значит, Тварь разделалась с этим ходящим за то относительно небольшое время, что прошло с момента их с Эриком выхода из Школы.

А еще это значило, что выстрел чужака ей все-таки не навредил. Ведь, как известно, близость смерти не способствует настолько хорошему аппетиту.

Эти новости приятно взбодрили его, и остаток пути до дома парень преодолел, по своей любимой привычке двигаясь по крышам, пожарным лестницам и карнизам. Их с Шай окно он увидел и узнал сразу – не только потому, что мог даже с закрытыми глазами и в полной темноте отыскать дорогу к сестре, – но и потому, что в нем единственном горел свет, отражаясь от стены соседнего здания. Предчувствуя неизбежные проблемы, с этим связанные, Немо даже замедлился и не влетел внутрь дома со всего маху, а забрался осторожно, почти бесшумно, вдруг совершенно без всякой причины начав чувствовать себя виноватым.

Она действительно ждала его. Сидела за кухонным столом, уронив золотоволосую растрепанную голову на сложенные руки. Сперва он понадеялся, что сестра спит и что ему удастся проскользнуть в свою комнату незамеченным, но тут его собственная усталость наконец дала о себе знать в полной мере и вместо того, чтобы по-лиси грациозно соскочить на пол с кухонной тумбы, он буквально рухнул с нее, еще и дернув за собой рейлинг с поварешками, шумовкой и венчиком для теста.

Шайни вздрогнула всем телом, дернулась назад и сама, кажется, едва не навернулась со стула, на котором сидела. Несколько секунд совершенно ошалело хлопала глазами, пытаясь сфокусироваться и понять, что случилось, потом наконец перевела взгляд на угрюмого брата, так и оставшегося сидеть на полу в окружении кухонной утвари.

– Ты чего не спишь? – ворчливо поинтересовался он, потирая ушибленное бедро.

– Где тебя черти носили, Немо? – Голос у нее был напряженный и хриплый со сна. А еще теперь он совершенно ясно видел ее красные, опухшие глаза. Это резануло ему по сердцу, но отчего-то боль эта была до того сладкой, что он, кажется, согласился бы испытать ее снова.

– Ты в порядке? – тихо спросил парень, хотя ответ на его вопрос был и без того совершенно очевиден.

– Я знаю, что Тварь была в школе, – ответила Шай, шмыгнув носом и тут же остервенело вытерев его темно-синим рукавом свитера. Кажется, прямо сейчас она хотела быть грозной, а не испуганной и расстроенной, и это тоже какими-то особенно сладостными спазмами отозвалось у него где-то внутри. – Ты хоть представляешь, как я волновалась?!

– Откуда знаешь про Тварь? – Он склонил голову набок, размышляя о том, понимает ли сестра, как откровенно он ею любит сейчас. Ох, великий Спящий, за это зареванное личико – зареванное из-за него и потому, что она действительно волновалась! – он был готов схватиться с десятком Тварей одновременно.

– Ван рассказал, – ответила Шай на его вопрос. – Он же постоянно за ней наблюдает. Обо всем готов забыть, стоит ей на горизонте появиться. – Она досадливо цыкнула, но тут же, опомнившись, снова вцепилась в брата взглядом. – Ты мне зубы-то не заговаривай! Почему вы так долго?

– Разве долго? – удивился Немо, наконец поднимаясь с пола и начиная методично собирать рассыпавшиеся кухонные принадлежности. – Всего-то один рабочий день, я, можно сказать, иду с опережением графика...

На секунду ему показалось, что сестра сейчас чем-нибудь в него бросит, но вместо этого она встала из-за стола сама. Ему в спину пахнуло жаром, когда девушка в два резких шага приблизилась.

– Я тут чуть с ума не сошла! – отрывисто, выплевывая слова, отчеканила она. – И эти выстрелы... Не знала, что и думать!

– Ты слышала выстрелы? – Он по-прежнему не собирался позволить ей загнать себя в тот угол, из которого без извинений или чего-то вроде того было бы уже не выбраться.

– Да их пол-Города слышало! – всплеснула руками рассерженная девушка.

– Теперь понятно, почему нас на выходе не ждал парад с оркестром, – глубокомысленно изрек Немо, и в эту секунду ему наконец прилетел первый удар по плечу.

Впрочем, ударом это можно было назвать с натяжкой. Шайни била его не с целью и не с желанием причинить боль – просто сейчас у нее уже не получалось по-другому донести до него свои эмоции. Это было хорошо. Куда лучше обвинений и криков.

Немо с готовностью раскрыл сестре свои объятия, позволяя в полной мере выплеснуть свою злость, и та не стала сдерживаться, продолжая все громче хлюпать носом, твердить, какой он безрассудный дурак и как жутко ее перепугал. Парень молчал, давая ей выговориться и ощущая, как с каждым тычком в его груди все сильнее и яростнее пульсирует сжавшийся раскаленный комочек. Странно, раньше он всегда ощущал его в районе сердца, но сейчас тот словно бы сместился, левее и выше – к плечу. На мгновение Немо представил, что тот может однажды и вовсе вырваться за пределы его тела, тем самым лишив его столь необходимой связи с единственным близким и родным ему существом здесь, и эта мысль так его напугала, что парень вдруг, без предупреждения и перехода, сграбастал Шайни в объятия и крепко-крепко прижал к себе. Девушка осеклась, замерла, онемела. Стояла так пару секунд, позволяя ему наполнять легкие ее запахом и прижиматься щекой к ее волосам, но потом отпрянула, как непокорный дикий зверек. Еще раз шмыгнула носом и, все так же по-звериному, с ногами запрыгнула на тумбу возле окна, уже не глядя на него.

Немо медленно выдохнул, закрыв глаза и успокаивая бешено стучащее сердце. Она никогда не позволяла обнимать себя слишком долго. Никогда не оставалась рядом дольше, чем на несколько вдохов. Словно боялась того, что крылось в этих объятиях – того, что неизбежно могло последовать за ними, разрушив их хрупкий невинный мирок. И Немо полностью разделял ее опасения. Он знал, что однажды может не сдержаться. Что, наплевав на все запреты и негласные договоренности, он рискнет абсолютно всем и перейдет ту грань, переходить которую было ни в коем случае нельзя.

Кто из них кого на самом деле мучил? Он ее своей настойчивостью и жадой или она его – своей недоступностью и в то же время безусловной и неоспоримой зависимостью от него? У него не было ответа на этот вопрос.

– Я хочу переехать.

Она произнесла это, не оборачиваясь к нему и продолжая смотреть на темный Город за окном.

– Давай. Я уже предлагал тебе, – пожал плечами он. – Куда?

Девушка ткнула пальцем в стекло, и он догадался, что она указывала на какие-то огоньки в вышине. Скорее всего, редкие горящие окна верхних этажей или маяки заградительного освещения. Звезд в небе Города не было.

– Куда-нибудь повыше, – негромко произнесла она, подтверждая его мысль.

Немо подошел ближе и встал рядом, опершись руками на тумбу, где она сидела, но больше не решаясь дотронуться до сестры. Она ощущалась наэлектризованной, дрожащей от накопившегося внутри напряжения – только коснись и поджаришься заживо.

– Могу спросить, есть ли у Вана свободная квартира под боком, – предложил парень. – Вы двое, судя по всему, сдружились.

На мгновение ему показалось, что Шай смутилась. Но он не был в этом уверен, ведь ее лицо было больше, чем наполовину в тени. Да и с чего бы?

– Мне с ним весело, – вяло, словно ей не хотелось с ним этим делиться, отозвалась она.

– Конечно, весело, – не сдержал легкого ехидства в голосе ее брат. – Ты таки нашла себе кого-то по возрасту.

Девушка вспыхнула и наконец снова посмотрела ему в глаза. Ее лицо все еще было опухшим и покрасневшим после слез, но из взгляда пропали загнанность и страх, и это был хороший знак.

– Просто обещай мне, что будешь осторожен, Немо, – тихо и очень серьезно проговорила Шай, и у него яростно зашумело в голове и буквально закоротило все внутри от желания протянуть ее ближе. Пообещать ей все, что она захочет, а потом... Парень усилием воли заставил себя отстраниться.

– Мы поменялись местами, а я и не заметил? – Поразительно, как правдоподобно и естественно прозвучала эта добродушная усмешка в его голосе. Словно ему вовсе даже не хотелось сделать непоправимую глупость пару секунд назад, а внутри все не подергивалось, как от слабых ударов током.

– Пообещай! – требовательно повторила девушка, не сводя с него своего невыносимо синего взгляда. – Я правда не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Ладно, хорошо, – без особого энтузиазма согласился он. Возвращалась усталость, ведущая за собой воспоминания обо всем, что случилось за день. Снова захотелось просто окатиться в кровати и вырубиться, и гори оно все синим пламенем.

– Кстати, заходила Бина. – Эти слова остановили его на выходе из кухни, когда Немо уже буквально физически ощущал прохладу своих простыней и привычную упругость матраса.

– Чего ей надо было? – устало поинтересовался он, положив одну руку на дверной косяк и обернувшись через плечо.

– Она передала тебе вот это. – Шайни спрыгнула с кухонной тумбы и достала откуда-то красную зверушку, скрученную из воздушного шарика. Судя по тому, что та не шевелилась и не подавала никаких признаков жизни, оставили ее тут уже давно.

– Странно, что у нее в зубах нет билета в цирк, – скорчил досадливую гримасу парень. – Как будто бы я и так не догадался к нему зайти. Этот пройдоха, поди, умирает от любопытства.

– Между вами что-то есть? – вдруг коротко поинтересовалась девушка.

– Конечно, есть. Лютое взаимное обожание и крепчайшее соперничество, – фыркнул ее брат. – Мы почти совершенно друг друга не выносим, но остальных, кажется, не выносим еще сильнее, на этом и сошлись.

– Я не про Ури, – перебила его Шай, чьи уши покраснели то ли от досады, то ли от смущения. – Я про Бину. У вас с ней что-то есть?

Вопрос был настолько неожиданный, что у Немо мгновенно вымыло из головы все остроумные ответы. Он просто открыл рот, собираясь что-то сказать, да так и застыл молча, глядя на сестру и ощущая себя полным идиотом. Если бы он только не был таким измотанным и задолбанным жизнью... А так ему даже можно было уже не пытаться что-то из себя выдавливать – она и так все прекрасно поняла.

– Это вообще важно? – наконец смог невыразительно пробормотать он.

– Важно, – тихо подтвердила Шай, глядя на него так серьезно и проникновенно, что ему сделалось не по себе.

– Почему? – раздраженно дернул плечом Немо. – Какое тебе вообще до нее дело? До любой женщины рядом со мной?

– Потому что я переживаю за тебя, – отозвалась та. – Я... хочу, чтобы тебе... чтобы ты... – Кажется, подбирать слова ей было невыносимо трудно, и парень внезапно замер, сраженный неожиданной догадкой.

Она что, ревнует? Ревнует его к Бине? Seriously? После всех своих выкрутасов и того безнадежного болота, в котором они с каждым днем увязали все глубже?

Отчего-то одна только мысль об этом дико его разозлила.

– Продолжай, – кивнул он, снова начиная подходить к девушке. Голос его звучал вкрадчиво, даже мягко, но Шайни слишком хорошо его знала, чтобы позволить этим интонациям себя обмануть: когда Немо начинал говорить так мягко, почти мурчаще, на самом деле вся сила из его голоса уходила на то, чтобы сдерживать закипающую в груди ярость. – Расскажи мне, как она мне не подходит и что я достоин лучшего. Давай же, я с удовольствием послушаю.

– Я вовсе не это... – залепетала сестра, пятясь от него. – Я наоборот! Немо, я имела в виду, что если между вами что-то есть, что это может быть... что это важно и...

Но он ее уже не слышал. Или точнее не хотел слышать того, что она так мучительно и неуклюже пыталась до него донести, путаясь в словах и формулировках.

– Конечно, между нами что-то есть, – едко подтвердил он. – Знаешь, как это называется? Секс. Тебе тоже стоило бы попробовать как-нибудь. Это очень приятно. А еще охуительно приятно, когда девушка не каменеет в твоих руках, будто ты невесть какой монстр только из-за того, что ты позволил себе прикоснуться к ней.

Немо знал, что зашел на запретную территорию. Знал, но уже не мог себя остановить. Он слишком устал за этот чертовски длинный день, и этот разговор о Бине – бессмысленный, глупый, никому из них на самом деле не нужный – был тем самым прутиком, что переломил спину верблюду. Почему именно сейчас? Почему она просто не могла подождать до завтра, когда он выспится и успокоится? Что ж, в таком случае можно сказать, Шай сама напросилась.

Немо сразу понял, что его слова заделли сестру за живое. Видел это по ее изменившемуся взгляду, по тому, как сбилось ее дыхание и как она вдруг неосознанно сделала еще один шаг назад. Но, помимо шока и непонимания, в ее глазах было в тот момент что-то еще. Что-то, что он сейчас никак не мог уловить и прочитать.

– Все не так, – проговорила она дрожащим голосом. – Ты не монстр. Ты мой брат.

– Какое невъебенно удобное слово и оправдание на все случаи жизни, правда? – зло хохотнул он. – Я не просился быть твоим *братом*, Шай. Ты сама так решила, не дав мне права голоса. Сама решила за нас обоих, что так будет лучше. Но, кажется, в твоем изумительном плане что-то пошло не так. Но вот прямо даже не знаю, где такая умненькая девочка, как ты, могла просчитаться.

В тот момент он упивался чувством своей власти над ней. Знал, что при желании может искромсать ее в кровавые лоскуты всего лишь парой фраз, и от этого у него кружилась голова и подкашивались ноги. Она была совершенно незащитна перед ним, ведь доверяла ему как никому другому. Это было жуткое, но слишком захватывающее ощущение, чтобы отказаться от него одной лишь силой воли.

И потому ее следующие слова полоснули его раскаленной плетью вдоль хребта.

– Просчиталась, когда подумала, что чувства между людьми необязательно должны сводиться только к сексу. – Шай дышала тяжело, через рот, готовая то ли разрыдаться, то ли ответить ему пощечину. – Но если без этого никак, просто... скажи мне об этом. Черт побери, Немо, скажи уже это и хватит мучить нас обоих!

В голове его сделалось горячо, мутно, совершенно сумбурно. Отчего-то парню вдруг начало казаться, что он все еще в Школе, а говорит сейчас не со своей сестрой, а с одной из малявок госпожи директрисы, которая приняла ее облик, чтобы позлить и подразнить его. От ощущения вседозволенности, которую предполагал такой расклад вещей, у него задрожали руки.

– Вот как? – Немо в два шага преодолел разделявшее их расстояние, заставив ее вжаться спиной в холодильник, и нависнув сверху. – Что мне тебе сказать, Шай? Давай, раз ты сегодня такая смелая, так договаривай уже до конца.

Она стиснула кулаки и закусила нижнюю губу, из последних сил сдерживая себя и не отступая. Теперь, чтобы взять то, чего ему так хотелось, нужно было лишь немного податься вперед. Накрыть ртом эти искусанные, налитые губы, втолкнуть язык ей в рот, заставить поко-

риться и поддаться. В его распаленном сознании невероятно ясно встал этот образ – он даже почти услышал ее слабые, хнычущие стоны, просачивающиеся сквозь поцелуй. Представил, как комкается и рвется в его пальцах растянутая темно-синяя ткань, как он касается прохладной гладкой кожи ее спины и бедер, как раз и навсегда забирает то, что давно уже принадлежало ему по праву. И она сдалась бы на милость победителя, поняла бы, как это хорошо и правильно. Ведь как же иначе? Ведь у них с самого начала не было никого, кроме друг друга, и только так оно и должно было быть.

Фантазии будоражили, раззадоривали, сдавливали грудь и горячили голову – и не только ее. Парень, едва себя осознавая, качнулся вперед, и в этот самый момент услышал тихое, едва различимое:

– Нет.

Немо замер, сбитый с толку, словно вышвырнутый из теплой постели в яростный февральский мороз. Заморгал, пытаясь вернуть себе ощущение реальности, а потом медленно поднял взгляд, встретившись им с полными слез синими глазами. Судя по выражению ее лица, девушка была в шаге от обморока – или приступа паники. И едва он в полной мере это осознал, как его возбуждение мгновенно сошло на нет, оставив после себя лишь гадкое липкое послевкусие.

– Прости, – глухо выдохнул он. Его ноги подогнулись, и парень упал на колени перед дрожащей сестрой, почти уткнувшись лицом ей в живот, но удержав себя от этого прикосновения. – Прости, Шай, я не хотел... Я... не это имел в виду. Не слушай меня. Я... очень устал. Я просто безумно устал за сегодняшний день. Я просто пойду спать, хорошо?

Немо поднял лицо, ощущая себя так, словно прямо сейчас кто-то перемалывал все его внутренности в кровавую кашу. Кажется, стоило ему легонько кашлянуть, и она потечет прямо из уголков рта. Он ненавидел себя за то, что не сдержался – за то, что, подчиняясь своим эгоистичным порывам, довел их обоих до этой черты. Той самой, которую они так старательно обходили все это время, оберегая и удерживая друг друга в шаге от пропасти.

А он взял и все похерил буквально за пару фраз.

– Шай? – Голос протолкнулся сквозь горло, словно комок горячей ваты, нашпигованный иголками.

Сестра судорожно, торопливо кивнула, не глядя на него. Немо тяжело отшатнулся назад, садясь на собственные пятки, и, почувствовав свободу, девушка тут же скользнула в сторону. Отбежала почти на другой конец кухни, сжимая собственные плечи и дрожа всем телом.

– Не трогай меня. – Она выдавила это из себя через силу. – Пожалуйста, Немо, только не ты. Я не смогу с этим справиться. Пожалуйста, не заставляй нас обоих.

– Шай... – Парень чувствовал себя совершенно беспомощным. Не находил в себе сил даже подняться на ноги – или тем более последовать за ней.

Звук торопливых удаляющихся шагов, затем хлопок двери ее комнаты и поворот ключа в замке.

Ему хотелось выть. От ярости, отчаяния, тоски и боли. Он ведь прекрасно знал, чем это закончится. Каждый раз, переступая незримую черту и надеясь, что в этот раз она отзовется на его игру,отреагирует иначе, он наталкивался на крепкие неприступные стены, которые Шай возвела вокруг себя. А когда он впервые позволил себе пойти на штурм, его не просто оттолкнули – нет, его сбросили глубоко вниз, в самую черную и ледяную из всех волчьих ям.

И теперь, когда ее колья разрывали его внутренности и он тихо умирал, теряя последнюю кровь и гордость, оставалось только недоумевать и задаваться риторическим вопросом – неужели он в самом деле рассчитывал, что будет иначе?

Как он вообще умудрился за столько лет не понять, что все это совершенно безнадежно?

Глава 13. Шоу должно продолжаться

На цирковой арене было темно, и если бы не расходившийся конусом тусклый свет из покачивающегося на проводах прожектора, то две фигуры, которые там находились, были бы совершенно неразличимы. Одна из них – та, что отливала багряно-алым – замерла в не слишком удобной и выражающей крайнюю степень сосредоточенности позе, которая всей собой устремлялась в блеклые зеркала трюмо. Вторая неторопливо кружилась в паре метров над полом. Зацепившись согнутыми коленями за обруч и изогнувшись в спине с гибкостью, скорее, животного, чем человека, она красила ногти на руках и иногда спускалась ниже, чтобы макнуть сохнущую кисточку в стоящий на трюмо открытый флакончик.

В воздухе вокруг ощущалось сгустившееся, вязущее язык ожидание, от которого, кажется, устали уже оба.

– Ты когда-нибудь задумывалась о том, что было в самом начале, моя радость? – негромко поинтересовался Ури, наконец отрываясь от бесконечно повторяющих друг друга отражений в сведенных створках туалетного столика.

– А должна? – как будто даже немного удивилась его помощница, отведя руку в сторону и перебирая пальцами по воздуху, чтобы получше рассмотреть, как лег лак.

– А разве не этим мы отличаемся от животных? – со свойственным ему пафосом протянул фокусник, откидываясь на спинку своего обитого линялым бархатом кресла и устремляя взгляд вверх, мимо почти беззвучно движущегося туда-сюда светового пятна. – Вопросами. Мы задаем вопросы о том, что было, и о том, что будет, а не довольствуемся лишь тем, что у нас есть сейчас. Разве тебе не интересно, что лежит за границами наших знаний о реальности, моя лишенная любопытства грация?

– Не особо, – честно ответила та, снова спустившись пониже и метко отправив кисточку во флакон с лаком. Потом, подумав пару секунд, девушка положила руки на спинку кресла Ури по обе стороны от его лица, и, выпрямив одну ногу, отцепилась ею от обруча. Прочертив в воздухе полукруг вытянутым носком, она встала им на пол, а еще через пару секунд в полной мере вернула себе опору под ногами. – Это скучно.

– А что же тебя веселит в таком случае, моя привередливая Бина? – уточнил фокусник, насмешливо изогнув бровь и подперев подбородок пальцами.

– Ты знаешь, что меня веселит, папочка, – отозвалась она, ничуть не смущаясь и наклоняясь ближе к нему. Ее тяжелая грудь, не сдерживаемая ничем, кроме тонкой ткани циркового трико, качнулась вперед вместе с ее движением. – И ты давно меня не баловал.

Его красно-золотые глаза вспыхнули, запыхав озорными угольками, и Ури улыбнулся уголком губ. Но вместо того, чтобы приласкать так и напрашивающуюся на это девушку, он резко сменил тему:

– Скажи-ка лучше, Немо точно получит послание?

– Да куда он денется, – с притворным разочарованием вздохнула Бина, выпрямляясь и переводя фокус своего внимания на зеркало. Принявшись поправлять растрепавшиеся светлые волосы, она нарочно принимала самые соблазнительные позы, красуясь перед смотрящим на нее хозяином цирка. – Все досадуешь, что не смог пролезть за ним в Школу и пропустил самое интересное?

– Наш упрямый друг склонен к безрассудству там, где стоило бы действовать иными методами, – заметил фокусник, качнув головой. Потом вздохнул, сдернул с себя цилиндр и поставил его вверх полями на трюмо. Потерявшие форму и лоск темные пряди упали ему на лицо, на некоторое время прикрыв собой разноцветные глаза. Увидев это, Бина недовольно цокнула языком и принялась поправлять ему челку, но почти сразу ее действия были остановлены несильным, но все же весьма ощутимым хлопком тростью по пальцам.

– Эй, больно же!

– Ногти еще не высохли, – на удивление кротко произнес Ури, глядя на нее снизу вверх. Девушка охнула и, развернувшись, намеревалась было метнуться в сторону, ближе к прожектору, чтобы рассмотреть масштабы нанесенного маникюру ущерба, но не сумела сделать и шага, потому что вездесущая трость уже каким-то образом перегородила ей путь.

– Стой, – негромко приказал фокусник, и она, услышав в его голосе особые нотки, которыми он так редко ее баловал, послушно замерла на месте. Прикрыв глаза и трепеща от предвкушения, она ощутила, как прикосновение прохладного гладкого дерева переместилось. Перестав преграждать путь, оно скользнуло сбоку по ее ноге – от коленей вниз, к щиколоткам. Там кончик трости нырнул между ее лодыжек и легонько толкнулся сперва в одну, потом в другую, отдавая недвусмысленную команду. Бина зажмурилась от удовольствия и послушно расставила ноги чуть шире, неосознанно выгибаясь в спине и чуть наклоняясь вперед.

Теперь она совершенно ясно ощущала, как трость поднималась по внутренней стороне ее ноги – сперва вдоль голени, потом легким прыжком через коленную чашечку и выше, заставляя ее кожу покрываться мурашками под тонкой тканью трико. Сейчас ей было даже немного жаль, что она стоит спиной к Ури и не видит его лица. Ему всегда нравилось играть у нее на нервах и доводить до края медленно, со вкусом и нескрываемым удовольствием. Так же он обычно работал и с чужаками – в отличие от более нетерпеливого, порывистого и, чего скрывать, топорно прямолинейного Немо, ее наставник и покровитель предпочитал более тонкий и даже изысканный подход. Ведь нельзя же было выпускать на арену лучших артистов в первом же отделении и надеяться, что зрители после этого сумеют досидеть до конца и не умрут со скуки в своих плюшевых креслах.

Ури мог быть сумасбродным, невыносимо громким и чрезмерно экспрессивным в обычной жизни, но когда доходило до дела, он превращался в мастера, чьи шоу были идеальными, выверенными и продуманными от и до. Он никогда не загонял на трапецию не боявшихся высоты, в его зеркальном лабиринте терялись лишь те, кто не мог выносить вида собственного лица, а его клоуны весь вечер преследовали только тех чужаков, которые совершенно не умели смеяться над самими собой.

Ну или тех, кто от вида хохочущего красного рта впадал в истерику и выл от ужаса похлеще, чем от всех голодных тигров вместе взятых. Таких Ури любил особо нежной любовью и иногда добавлял этот «сюрприз от шеф-повара» безо всякой иной причины, кроме той, чтобы от души повеселиться. Ничто не приводило его в такой восторг, как чужаки, с воплями убегающие от старика Пенни, у которого и зубов-то, чтобы их сожрать, не нашлось бы. Бина обожала этот восторг, граничащий с экстазом, на лице своего покровителя – обожала, когда от переизбытка эмоций он начинал терять человеческий облик, выпуская наружу то вертлявое, красочное, яркое, безжалостное, что скрывалось внутри.

Если бы у лишенного всякой морали и снисходительности веселья было лицо, Бина бы не сомневалась, что у этого лица оказались бы разноцветные глаза.

Девушка застонала, откинув голову назад и одной рукой крепко сжав поднявшуюся до упора трость. Оседлав ее и легонько двигая туда-суда бедрами, она ощущала, как налившееся теплом дерево под ней ощутимо пульсирует, словно подстраиваясь под ее ритм. Под ее неплотно прикрытыми веками вспыхивали разноцветные пятна прожекторов, и Бина ощущала себя так, будто не стоит двумя ногами на арене, а парит высоко над ней. Выпуская из рук гриф трапеции, летит сквозь темноту, царящую под куполом, а в равной мере восхищенные и испуганные возгласы зрителей внизу сливаются в один протяжный вздох, и этот вздох несет ее вперед, словно воздушный поток, подхвативший птицу. И она поднимается все выше, все дальше, и вот уже арена превращается в крошечную светящуюся монетку где-то далеко внизу, а впереди так темно, что не видно ни звезд, ни цирковых огней, но она не собирается останавливаться, пока наконец не...

– Я вам не помешаю?

Бина ахнула, вздрогнув всем телом и до побелевших костяшек вцепившись в замершую трость. Проклиная про себя всех богов, включая Спящего, она резко обернулась через плечо, чтобы лично испепелить взглядом сбившего ее на полпути пришельца, но потом гневное выражение ее лица смягчилось, уступив место растерянному удивлению.

– Вот это гости, – присвистнул Ури, как ни в чем не бывало опуская трость и поднимаясь на ноги. – Кого угодно ждал этой ночью, но точно не тебя.

– Надо полагать, виноват в этом исключительно я сам, – негромко произнес Аполло, стоявший на барьере, окружающем цирковой манеж, и с легкой улыбкой уже, кажется, некоторое время наблюдавший за происходящим.

Теперь, когда нарушитель спокойствия подал голос, над его головой вспыхнул еще один прожектор, давая хозяевам цирка разглядеть его в полной мере. Он, как всегда, выглядел как ожившая картинка из глянцевого журнала – белая рубашка с закатанными по локоть рукавами и двумя расстегнутыми сверху пуговицами, атласная светло-голубая жилетка, того же цвета брюки с идеальными стрелками и начищенные до блеска ботинки. Общую картину портила разве что его неряшливая прическа, но, если бы кто-то спросил об этом Бину, она бы, без сомнения, заявила, что это был тот самый элемент необходимой неидеальности, который дополнял внешний вид ключника, как вишенка на торте.

– Не уверен, что твое эго позволит корить себя хоть в чем-нибудь, но мне нравится ход твоих мыслей, – отозвался фокусник, сложив руки на груди и глядя на внезапного полуночного гостя с нескрываемым подозрением. – Могу я узнать, что привело прославленного мастера ключей в нашу скромную обитель?

Бина сразу заметила, как изменился его голос, когда на арене появился Аполло, и как в воздухе разлился холодок враждебности.

– Я пришел поговорить о Немо, – не стал ходить вокруг да около ключник. Спрыгнув с барьера, он направился к Ури, и прожектор над его головой последовал за ним, паря в воздухе без всяких видимых проблем. – Мне кажется, время наконец пришло.

– Не уверен, что понимаю, о чем ты, – покачал головой фокусник, ни на секунду не отводя от Аполло прищуренных разноцветных глаз.

– Город обеспокоен, – отозвался ключник, остановившись ровно на том расстоянии, которое бы не позволило Ури дотянуться до него своей тростью. – Ему не нравится то, что происходит.

– Да правда, что ли? – усмехнулся фокусник. – Думаю, нашего общего друга исключительно порадовали бы такого рода формулировки.

– Я знаю, что тебя это все мало волнует, – проговорил Аполло, и в его интонациях Бина ясно расслышала легкое недовольство и снисхождение. Таким тоном строгий родитель пытается втолковать неразумному чаду ценность школьного образования. – И что если бы Город запылал до самых крыш, тебя бы это только повеселило.

– Скрывать не буду, там было бы на что поглядеть, – подтвердил Ури. – К тому же, это внесло бы весьма приятное разнообразие в застоявшуюся рутину.

У ключника на лице не дрогнул ни единый мускул, он лишь на пару мгновений задержал дыхание, прежде чем в очередной раз выдохнуть.

– Мне нужно, чтобы ты поговорил с ним, – произнес он. – Мы все здесь видим, что в Городе что-то происходит. Что-то очень важное, быть может, даже... судьбоносное. Но Немо мешает естественному ходу вещей. Вмешивается туда, где его не должно быть. Это нехорошо.

– Сомневаюсь, что он бы согласился с таким утверждением, – покачал головой хозяин цирка, уткнув трость в полотно арены у себя между расставленными ногами и опершись обеими руками на ее набалдашник. – Нехорошо то, что Город почти перестал приводить чужаков, вынуждая нас всех голодать. А еще потихоньку дуреть от скуки. Вы сами довели Немо до

такого состояния, и жаловаться на его поведение сейчас бессмысленно. Нельзя запереть ураган в коробочке.

– Я знаю, что он тебе небезразличен, – перебил его Аполло. – Как бы ты ни притворялся, что тебя волнует только шоу, тебе не плевать на парня. А то, что он задумал, это самоубийство. Бесславное и бессмысленное. Город не хочет его смерти, и он не собирается закрывать глаза на то, что один из его детей облил себя керосином и теперь без устали ищет спички. Немо не станет слушать меня, и он тем более не станет слушать шепот из темноты. Но ты его друг, и у тебя есть возможность повлиять на него.

В этот момент Бина всерьез заволновалась. Немо всегда ей нравился – своей безбашенностью, напористостью и уверенностью в себе. Он не был лучшим из ее любовников – о чем она, конечно же, никогда ему не сообщала, – но он определенно занимал в ее сердце совершенно особое местечко. Мысль о том, что он может просто исчезнуть из ее и без того скудного и тесного мирка, циркачке совсем не понравилась. Но влезать в разговор старших она благо-разумно не стала.

– Разве не ты у нас всегда говорил, что здесь ничего и никогда не происходит без воли Города? – меж тем уточнил Ури. – Почему же сейчас Он не может остановить свое неразумное дитя?

– А тебе под силу выгнать из своей головы привязчивую дурную мысль? – парировал Аполло. – Заевший мотив песни или идею покрасить волосы в зеленый? Или гадкий образ, который всплывает то тут, то там, заставляя тебя стыдиться собственных желаний? Город не всемогущ, но Он знает, видит и чувствует куда больше нас с тобой, так что в наших же интересах Его слушать и слушаться. Что бы Немо ни задумал, это плохо закончится, и потому Город обязан будет его остановить – ради всех нас и ради чужаков, которым еще нужно будет оказаться здесь. И если иного выбора не останется, его остановят самым простым и радикальным образом. Если на одной чаше весов окажемся все мы, а на другой – Немо, Город не станет медлить или сомневаться.

Тональность разговора ощутимо сменилась, как и интонации ключника, который внезапно перешел от тактичного выражения беспокойства к прямым и недвусмысленным угрозам. И теперь несколько опешивший от такого крутого виража фокусник судорожно соображал, в какой именно момент все пошло не так.

Немо уже несколько лет бредил побегом из Города и проникновением в Обелиск, и сам Ури всегда с удовольствием принимал участие во всех его авантюрах, включая ту, когда они попытались оседлать «поющих мальчиков» и чуть не поплатились за это жизнью. Но хозяин цирка вдруг осознал, что никогда не воспринимал происходящее всерьез. Это было опасно и весело, а потому отлично помогало бороться со скукой, но найди они в самом деле дверь, ведущую наружу, Ури бы не знал, что делать дальше. И все это время полагал, что Немо не знал этого тоже.

Все минувшие годы, что бы они ни творили, как бы далеко ни заходили, Создатель просто игнорировал их обоих и все их выходки. А прямо сейчас его верный секретарь, никогда прежде не покидавший своей лавки, стоял на арене его цирка с ненадуманно серьезным лицом и требовал остановиться.

Значить это могло только одно: Немо все-таки отыскал ту самую дверь, в существовании которой фокусник до этого дня даже не был уверен. Ну, или же парень был так близок к этому, что любой следующий шаг завел бы его за ограждение с предупреждающей табличкой «Не влезай – убьет!» И потому обеспокоенный родитель пусть и чужими руками, но пытался уберечь свое нерадивое чадо от непоправимой ошибки.

А может, ключник просто блефовал. И осыпающиеся здания, замершие улицы, сходящие с ума от голода охотники и, конечно же, пистолет, принесенный в Город Эриком Саем, были симптомами некоего страшного заболевания, ослабившего их Создателя настолько, что тот

уже не был в силах сам прихлопнуть разбушевавшегося отпрыска и был вынужден в кои-то веки снизить до переговоров.

Ведь в конечном итоге все упиралось в извечный философский вопрос: мог ли Бог создать такой камень, который сам не смог бы поднять? Или, если приблизить его к текущим обстоятельствам: мог ли Он создать такой камень, что способен был бы Его убить?

Погрузившийся в глубокие раздумья, Ури не заметил устремленного на него взгляда Бины – внимательного и цепкого, читающего выражение его лица как открытую книгу. И вспомнил о присутствии своей помощницы, лишь когда услышал ее голос.

– Вы рассказываете совершенно ужасные вещи, господин, – громко, привлекая к себе внимание, произнесла она и танцующей походкой приблизилась к Аполло, обвиваясь вокруг его руки. – У меня аж мурашки побежали по всему телу. Не верите? Хотите посмотреть?

– В другой раз, дорогая, – мягко ответил ей он, накрывая ее руки на своем локте и мягко поглаживая теплую, по-детски нежную кожу. – День был долгий. Думаю, мне уже пора вернуться к себе.

– И не останетесь? – расстроено протянула циркачка. – Ох, как же так, я бы показала вам все свои игрушки. У меня столько разных – с бантиками и с камушками, все такие интересные! Вам бы, наверное, понравилось. Папочка говорит, я слишком люблю все блестящее, но мне вот кажется, что с блесками оно намного красивее, разве нет?

Продолжая ворковать, она ненавязчиво увлекла его в сторону выхода, и Аполло не слишком противился. Было видно, что он сказал все, ради чего пришел, и добавить ему было особо нечего. Ури же смотрел ему вслед, сжав губы в тонкую линию, без всяких признаков прежней веселости на лице.

Мысли его резво скакали по кругу, как цирковые лошадки с яркими плюмажами, а где-то под их копытами медленно, но неуклонно скапливалась тревога.

Это чувство было ему не близко, и фокусник ощущал, как оно утяжеляет его тело, лишая привычной подвижности и гибкости. Он не хотел волноваться за Немо. Он вообще ни о чем не хотел волноваться, потому что не таким его создали и не в этом была его суть. Но прямо сейчас Ури будто бы сам оказался в собственном зеркальном лабиринте, и ему предстояло выбрать, куда пойти – направо или налево. И впервые в жизни он не знал, какой путь верный.

– Папочка, все в порядке? – осторожно спросила вернувшаяся Бина. – Он ушел, я проверила, так что не беспокойся об этом.

Он не сразу отреагировал на ее голос, но потом словно вышел из какого-то ступора.

– Иди сюда, котик, – непривычно ласково произнес Ури, и мигом покрасневшая девушка с готовностью нырнула к нему под руку. Он обнял ее, уткнувшись острым подбородком в ее макушку и прикрыв глаза. – Что ты думаешь обо всем этом?

– Я? – искренне удивилась она, совершенно не приученная к тому, чтобы хозяин цирка интересовался ее мнением по каким-то важным вопросам. Это было совсем на него не похоже. – Я думаю... думаю, шоу должно продолжаться.

– Шоу должно продолжаться, – эхом повторил фокусник. – Что ж, и в самом деле. – Пауза после этих слов была совсем короткой, достаточной разве что для того, чтобы принять решение больше обо всем этом не думать. – Полагаю, до утра его точно ждать не стоит, так что... продолжим с того места, где остановились?

Бина хотела было сказать, что это совершенно необязательно и что у нее, честно говоря, уже пропало всякое настроение, но одного взгляда на лицо ее покровителя было достаточно, чтобы понять, что о ней и ее желаниях он сейчас думает в последнюю очередь. Поэтому девушка вздохнула, нежно улыбнулась и, привстав на цыпочки, чмокнула Ури в кончик носа.

– Как скажешь, папочка.

Немо в самом деле появился на пороге цирка только на следующий день – причем уже далеко за полдень. Выглядел, по своему обыкновению, недовольным и растрепанным, но Бина

потратила слишком много сил, чтобы вытащить из уныния своего драгоценного фокусника, поэтому его другу достались лишь дежурные объятия, пара ненавязчивых комплиментов и двусмысленных шуточек, а также поцелуй в щеку перед тем, как она оставила их с Ури наедине. Впрочем, судя по всему, Немо совершенно не обратил внимания на ее нетипичную сдержанность. Причина этого, правда, выяснилась достаточно быстро и, как оказалось, не имела ничего общего с чужаком, Городом или тем, о чем говорил Аполло.

– С чего ты взял, что она не ночевала дома, мой параноидальный друг? – нахмурился Ури, качая головой. – Может, просто раньше тебя встала.

– Нет, постель не тронута, и я сразу понял, что она далеко, а значит ушла давно, – поморщился Немо, неосознанно прижав руку к груди. – Я так устал, что просто вырубился и не слышал, как она сбежала, а утром... Надо было догадаться.

– Сильно поругались? – мягко уточнил фокусник. Почему-то после разговора с ключником он сейчас испытывал совершенно не свойственную ему нежность по отношению к своему другу. Хотелось буквально обнять его десятью руками и пылинки сдувать, невзирая на извечную угрюмость, которая ложилась бальзамом на сердце.

– Мы оба были на взводе, так что ситуация немного... вышла из-под контроля. – Тот тяжело вздохнул, уронив гудящую голову на скрещенные руки. Ури, приподняв под собой стул, пододвинулся ближе к столу, за которым они оба сидели. – И куда только ее понесло на ночь глядя?

– Не думал пойти ее поискать? – ненавязчиво предложил хозяин цирка.

– А толку-то? – скривился Немо. – Сколько уже раз так было. Она если не захочет, я ее в жизни не найду. Вернется, когда остынет. Просто... ненавижу с ней ссориться, вот и все. Ненавижу.

Повторяя последнее слово, он стиснул свою футболку поверх груди, и его лицо на мгновение исказилось, словно от сильной боли.

– В ее маленьком теле гостила душа, – негромко напел Ури, и в ответ на несколько удивленный взгляд друга пояснил. – Помнишь эту песню?

– Если ты еще и петь начнешь, я точно буду это место по широкой дуге обходить, – пробурчал Немо, но беззлобно и как будто больше по привычке всегда быть всем недовольным. Фокусник же в этот момент решил, что нет смысла продолжать ковырять его толком не зажившую рану, а потому сменил тему:

– Так как все прошло с чужаком?

Было видно, что парню непросто было перестать думать о сестре, отчего ответил он далеко не сразу.

– Этот Эрик Сай – очень... любопытная птица, – наконец с усилием произнес он. – Думаю, ты был прав насчет него.

– В каком плане? – уточнил Ури, и в его разноцветных глазах промелькнул неподдельный интерес.

– В том плане, что ему стоит навестить Дока, – выразительно двинул бровями его собеседник. – В этой голове только орбитокластом ковыряться. Или как там эта штука называется.

– Почему-то мне казалось, что подобная расстановка сил должна была вызвать у тебя больше энтузиазма, мой недовольный друг, – качнул головой фокусник. – Обычно чужаки с... особенностями характера привлекали тебя куда больше рядовых страдальцев. Разве нет?

– Почему так дерьмом несет? – вдруг не в тему поинтересовался Немо, замотав головой. – У тебя тут даже лошадей не держат, почему на манеже вечно воняет конским навозом?

– Для натуральности, – ничуть не смутился Ури. – Чтобы вызывать правильные ассоциации у чужаков. Обычно мне лень регулировать это дело до и после, так что запахи тут всегда присутствуют в фоновом режиме.

– Зато экономишь на электричестве, да? – проворчал парень, оглядываясь по сторонам и шурясь в тщетных попытках разглядеть что-нибудь за пределами скудно освещенной цирковой арены. – Вечно у тебя тут темень, хоть глаз выколи.

– К нам давно не заходили чужаки, – все так же терпеливо отозвался фокусник. – Так что перебиваемся с хлеба на воду, как видишь. Может, уговоришь своего нового друга забежать на часок? Обещаю, на этот раз в фокусе с пилой я использую правильный ящик, честно! Нам бы буквально чуточку – так, ребят порадовать. А то так исхудали, что скоро вообще реагировать перестанут. Какой же цирк без артистов, ну сам подумай?

– Наверное, тяжело, когда они все кормятся за твой счет за неимением других альтернатив, – пробормотал Немо. – Иногда я даже рад, что Город не доверил мне ни один из своих заплесневелых уголков. Как представляю, что все эти придурки с оперативкой в полбайта тянут ко мне свои полупрозрачные лапки, аж мороз по коже. – Он вполне натурально передернул плечами.

Последнюю реплику друга Ури оставил без комментариев. Все это время он внимательно лишь наблюдал, пытаясь разобраться и представить себе, что происходит у того в голове. Осознавал ли сам Немо, насколько он близок к желаемой разгадке? И если да, то кем себя сейчас воображал: пилотом-камикадзе, готовым рвануть в последний бой, или же Давидом против Голиафа, у которого несмотря на очевидную разницу в габаритах все же были шансы победить?

Что же именно, в конце концов, заставило Город так занервничать?

– Что ты задумал, Немо? – наконец не сдержался Ури, буравя поникший профиль друга цепким, пронзительным взглядом.

Тот встрепенулся, словно вырванный откуда-то из глубины своих не слишком веселых и оптимистичных мыслей, перевел глаза на фокусника и, чуть помолчав, медленно проговорил:

– Эрик Сай. Я превращу чужака в бомбу и швырну Городу в лицо.

Эрик Сай. Ну конечно. Ответ плавал на поверхности с самого начала.

– Значит, его оружие действительно... попало сюда не случайно, – помолчав, резюмировал хозяин цирка.

– Оружие – это только половина пазла.

– Есть и вторая?

– Есть, – уверенно кивнул Немо. – Подумай сам. Сколько раз мы с тобой пытались на спор пробраться к Обелиску? Сколько раз Город давал нам от ворот поворот? Там определенно спрятано что-то – или кто-то – безмерно ценное и важное. И если я приду туда, взяв ключ от всех дверей в одну руку и смертельное оружие в другую, ему *придется* со мной поговорить.

По его лицу фокусник понял, что парень не шутит – и более того, что он уже совершенно убедил самого себя в том, что его план обязательно сработает. От отчаяния ли или от мучительной потребности верить хоть во что-нибудь, но Немо казался совершенно одержимым своей идеей, и едва ли доводы рассудка способны были теперь до него достучаться. Да и сам Ури никогда с рассудком и здравым смыслом не дружил настолько, чтобы сейчас выкатить на-гора безупречные в своей логике аргументы, которые способны были бы поколебать решимость его друга. И все же он чувствовал себя обязанным спросить:

– А что, если Город тебя обманывает? Вдруг он нарочно раздал тебе пару козырей на руки, чтобы ты считал, что партия у тебя в кармане?

Взгляд Немо наполнился досадой и чем-то сродни презрению.

– От кого я это слышу? Ты, видимо, в самом деле порос плесенью в этом своем темном углу, Ури. Никогда бы не подумал, что именно ты начнешь отказываться от, вероятно, самого охрнительного приключения в своей жизни из-за такой ерунды. Да, мать твою, очень может быть, что Город играет всеми нами и что у меня вообще нет своей воли, только прописанные сценаристом реплики, но знаешь что? Ебал я это все. – С этими словами он резко поднялся из-за стола, едва не опрокинув стул, на котором сидел. – Я буду использовать все варианты

и копать свой путь наружу даже детским розовым совочком, если мне его предложат. И если тебя это не устраивает – за собой не ташу.

– Я буду грустить без тебя, мой бесстрашный друг, – с неизъяснимой печалью в голосе произнес фокусник, глядя на него снизу вверх. – Если тебя не станет, старина Ури будет вынужден дружить с Карлом и остальными занудными бюрократами. Мое сердце обливается кровью при одной лишь мысли о подобной страшной судьбе!

– Если ты сейчас начнешь рыдать, я за себя не ручаюсь, – на всякий случай предупредил Немо, отступая назад.

Но рыдать Ури не стал – только трубно высморкался прямо в скатерть, из-за чего та встрепенулась по всей длине, словно в попытке улететь со стола. И в этот самый момент на фокусника снизошло внезапное и невероятно ясное понимание.

Это не он сейчас стоял посреди зеркального лабиринта, пойманный в плен собственных отражений. Не ему надлежало делать выбор и ставить на кон собственную жизнь. А тот, кому досталось принимать это нелегкое решение, уже свой выбор сделал. И имел ли он, Ури, право вставать на пути того, кто на полном ходу летел в стену и не снимал ноги с педали газа?

Ответ был очевиден.

– Ну раз все так, то не думаю, что у меня есть выбор, – негромко проговорил он. – Шоу должно продолжаться.

– Даже так? – прищурился Немо, кажется, пытаясь отыскать сарказм или некий скрытый смысл в словах друга. Но когда ему это не удалось, он расслабил плечи, удовлетворенно хмыкнул и кивнул: – Ну что ж, тогда добро пожаловать на борт.

Вторя его словам, Ури от души саданул тростью по столу, чудом не проломив его, и вокруг них в тот же миг вспыхнули прожектора, брызнувшие во все стороны не только светом, но и длинными завитками бумажного серпантина. Оба друга почти одновременно задрали головы, глядя на них и улыбаясь друг другу, самим себе и своему уже, безусловно, предопределенному будущему.

Наблюдавшая за ними из-за кулис Бина не могла заставить себя присоединиться к происходящему. По ее припудренным белым щекам бежали слезы, вязкие и полные блесков, как вода из разбитого снежного шара, но у нее хватало сил поднять руки, чтобы отереть их.

Просить хозяина остаться ради нее было настолько бесполезно, что сама мысль об этом казалась абсурдной. И хотя тело девушки все еще хранило тепло его прикосновений, а в голове мягким эхом отзывалась головокружительная нежность, с которой он обращался с ней прошлым вечером, прямо сейчас для Ури не существовало никого, кроме его безумного друга, решившего бросить вызов Создателю.

– Какой же ты дурак, папочка, – прошептала Бина. – Какой непрошибаемый дурак...

Глава 14. Запах мыльных пузырей

Шай летела сквозь ночь, почти не ощущая, как под ногами пружинят крыши. Каждый новый прыжок в темноту и неизвестность лишь на мгновение перехватывал ее дыхание, и, совершая каждый из них, она где-то в глубине души была готова к тому, что на этот раз не найдет, куда приземлиться – или просто на полной скорости влетит в стену, перекрытие или вентиляционную трубу. Может быть, какая-то ее часть даже хотела такого исхода, ведь он бы избавил ее от необходимости возвращаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.